

ЛИЦА ЧелГУ

Том 2

Челябинск
Издательство
Челябинского
государственного
университета
2022

УДК 378
ББК 4448
Л659

Над книгой работали:

Н. А. Басова, А. А. Гладкова, А. Е. Гусенкова, В. Ю. Дизер,
А. Г. Загорская, Ю. А. Кондратьева, В. С. Котова, А. В. Куренкова,
А. В. Сафонов, В. Н. Севастьянов, В. С. Хисамутдинова, Н. В. Чанова

Лица ЧелГУ. Т. 2 / под ред. А. Е. Гусенковой. Челябинск : Изд-во
Л659 Челяб. гос. ун-та, 2022. 205 с.
ISBN 978-5-7271-1858-0 (т. 2)
ISBN 978-5-7271-1752-1

Вторая книга из цикла интервью с преподавателями Челябинского государственного университета. Беседуем с ними о том, как создавался и развивался вуз, какое место он занимает в нашем регионе, и рассказываем историю их самих — людей, чьи имена навсегда вписаны в летопись ЧелГУ.

Для широкого круга читателей.

УДК 378.4(471.55)
ББК 4448.47(2Рос-4Чел)

В книге использованы фотографии из архива ЧелГУ, в том числе:

Д. Агафоновой, И. Бархатова, В. Звонарева, С. Кикосова,
Ф. Петрова, Ф. Ярошенко и др.

ISBN 978-5-7271-1858-0 (т. 2)
ISBN 978-5-7271-1752-1

© Челябинский государственный университет, 2022

Дорогие друзья!

Перед вами второй том «Лиц ЧелГУ» — сборник интервью наших замечательных преподавателей. Это диалоги с теми, кто без усталости движет вперед нашу науку, кто открывает новые горизонты для студентов, каждого из которых они искренне считают своим коллегой — ему нужно только немного помочь: раскрыть его талант и дать зеленый свет для жизненной дороги.

Символично, что именно в 2022 году мы в полной мере осознали и отмечаем свой заслуженный официальный праздник — День преподавателя высшей школы. Услышьте их — голоса наших первых, наших лучших сотрудников, которые сделали ЧелГУ по-настоящему первым университетом в регионе, университетом, который представляет собой гораздо больше, чем вуз.

А мы идем дальше — навстречу третьему тому.

Ректор

С. В. Таскаев

Ч

то для вас стало определяющим в выборе профессиональной деятельности?

— Мною всегда двигал подлинный интерес к людям и желание им помогать.

— Давали ли вы самой себе какие-либо установки, пожелания, чтобы пережить сложные периоды в профессиональной деятельности?

— Наверное, такие установочные фразы были. Но я их не помню. Пожалуй, самым трудным временем для меня в профессиональном плане был период защиты кандидатской диссертации. Вот тут точно злость помогала — без здоровой злости я бы, наверное, не справилась. Процесс был слишком долгим: в то время, в 2000-х, закрывались диссертационные советы по психологии и найти возможности для защиты было непросто. Я изучала социально-психологические особенности автобиографической ретроспективы личности, приходилось часто переписывать текст диссертации, добавлять в него новые элементы исследования. В то время многие мои коллеги столкнулись с этими трудностями в защите кандидатских и докторских диссертаций, так что я не была одинока в своих проблемах. В итоге я защищалась в Ярославском государственном университете имени Демидова. Моим руководителем выступил известный психолог доктор психологических наук, профессор Владимир Васильевич Козлов.

— Есть ли тот каверзный, коварный вопрос от студентов, который помните до сих пор?

— Не каверзные, но сложные вопросы бывали, они и сейчас бывают.

Е. А. Абросимова: Студенты учат оставаться людьми

Беседовала
Юлия Кондратьева

«Для университета очень важно уважать личность и свободу, убеждения и ценности студентов», — говорит доцент кафедры специальной и клинической психологии института образования и практической психологии ЧелГУ Екатерина Анатольевна Абросимова. Беседуем о взаимоотношениях в вузе, эмпатии и хорошем кино.

Но если раньше мне трудно было на них не ответить, боясь показаться некомпетентной, то сейчас легко могу сказать «не знаю» и не испытывать по этому поводу никакого стыда.

— **Гордитесь ли вы своими студентами? Чему они вас научили?**

— Студенты всегда чему-то учат, прежде всего оставаться людьми, сохранять человеческие качества. А гордость за студентов — она, конечно, есть. Прежде всего я горжусь теми выпускниками, кто работает по профессии. Из последних выпусков это Вика Швагерус, Анжелика Устюжанина, Анна Осокина, Наташа Халезина, Елизавета Сосновская, Кирилл Акрамов и многие, многие другие.

— **ЧелГУ меняется, растет, преобразуется. Что, на ваш взгляд, хочется вернуть, повторить и оставить? Или же с легкостью и оптимизмом принимаете нововведения и мечтаете о большем прогрессе?**

— Кого бы я вернула, так это людей, у которых я училась и с которыми работала, тех, кого уже нет с нами. В моей жизни это прежде всего Ольга Сергеевна Колосова, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой специальной и клинической психологии с самого момента ее основания. Ольга Сергеевна пришла в психологию из медицины, была преданна науке. Для меня она навсегда останется примером ученого, не жалеющего сил и времени для постижения нового, ученого, ко-

торый не боится ошибаться и двигаться дальше, несмотря на трудности и сомнения.

— **Есть какой-то профессиональный секрет, «фишка», которой вы пользуетесь на протяжении всего времени преподавания?**

— Не знаю, можно ли это назвать секретом или «фишкой», но я всегда относилась к студентам с уважением. Мне кажется, это очень важно для университета — уважать личность и свободу, убеждения и ценности студентов. Я никогда за все свои более чем 20 лет преподавания не сказала студенту «ты». И не стану говорить.

— **Какие моменты своей жизни вам хочется прочувствовать снова?**

— Самое лучшее время для меня, как для специалиста в области психотерапии, а также как для преподавателя, — это сейчас. Я никогда не чувствовала себя лучше всех, умнее, профессиональнее, успешнее. А вот уверенность в себе как в хорошем консультанте-психотерапевте, хорошем преподавателе, я чувствую. И этого мне достаточно.

— **Кому преподавать легче, интереснее, на ваш взгляд: студенту, который сам выбрал вуз, факультет, профессию, или же тому, за кого решили родители, проходной балл ЕГЭ, друзья? Того, кто уже мотивирован, или того, кого необходимо увлечь, убедить?**

Екатерина Анатольевна Абросимова — кандидат психологических наук, доцент. В 1995 году окончила филологический факультет ЧелГУ по специальности «Русский язык и литература. Психология». В 2012 году получила диплом ЧелГУ о профессиональной подготовке по программе «Медицинская психология, неврачебная психотерапия». В 2012 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Влияние социально-психологических характеристик личности на автобиографическую ретроспективу» сразу по двум специальностям: «Социальная психология» и «Общая психология, психология личности, история психологии». Член Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии, член-корреспондент Международной академии психологических наук. Развивает проект «Школа психологического консультирования Existence»

— Легче учить того, кто сам хочет учиться, это безусловно. Было ли это желание учиться у студента изначально или оно появилось в процессе учебы — не столь важно. Главное — чтобы этот интерес когда-нибудь возник. Для самой себя профессию психолога я выбирала абсолютно самостоятельно, мои родители не так чтобы уж были довольны моим выбором. Родители имели технические специальности, и им хотелось, чтобы я тоже выбрала профессию из этой сферы. Наверное, они были людьми из другого поколения и думали, что психология — это не та профессия, которая приносит стабильный доход.

Артфестиваль, проходивший в Челябинске, 2019 год

— **Какие ваши ненаучные интересы?**

— Я очень люблю читать хорошую литературу и смотреть хорошие фильмы. Любимых литературных произведений и кинокартин очень много, все не перечислить, это заняло бы несколько страниц. Назову те литературные произведения, которые мне помогают жить. В те моменты, когда мне не очень хорошо и я чувствую много печали, я читаю три книги: Стругацких «Понедельник начинается в субботу», Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и Гашека «Приключения бравого солдата Швейка». Они наполнены таким замечательным юмором и оптимизмом, что придают мне сил и делают жизнь снова яркой. А из фильмов я часто пересматриваю отечественные ленты: «Иван Васильевич меняет профессию», «Служебный роман», «12 стульев», «Добро пожаловать, или Посторонний вход воспрещен», «Покровские ворота», «Любовь и голуби». Все по тому же принципу — эти ленты полны юмора и смысла, кроме того, роли в них исполняют замечательные актеры. Эти фильмы радуют меня и наполняют верой в человечество. Кроме

того, я люблю зарубежные фильмы — например, с удовольствием пересматриваю все фильмы из вселенной Marvel.

— **Время, которое сегодня переживает человечество, можно обозначить эпохой глобальных перемен и, как следствие, большого затишья стресса. Что вы можете посоветовать людям, чтобы сохранить равновесие?**

— Этот вопрос очень важный и серьезный. Прежде всего, чтобы перенести тяжелое время, нужно понимать, что страдание и печаль — это нормально. Нормально испытывать трудности, стрессы, страдать и мучиться — все это признаки истинно человеческих чувств. Современная культура оказала всем нам дурную услугу: она убеждает человечество, что быть счастливым — это правильно, что это признак психического здоровья, а быть несчастным — неправильно, несчастье нужно или исцелить, или уничтожить. Но в человеческой жизни невозможно обойтись без страдания! Это такая же часть нашей жизни, как и радость. Порой необходимо испытывать стресс, печаль, даже депрессию, чтобы выйти на уровень

истинно человеческих чувств, быть человеком, в конце концов. Часто для того, чтобы понять, насколько неправильно я живу, мне нужно погрузиться в стресс и страдание. Так вот, если мы признаемся сами себе, что страдать и испытывать стресс — это нормально, что это часть жизни, тогда нам, возможно, и не придется искать способы сохранения равновесия, потому что оно и так будет с нами, если мы перестанем бороться с жизненными несчастьями. Однако, если не удастся справиться с болью жизни в одиночку, всегда можно обратиться за помощью к друзьям, родным, понимающим вас людям. Или к психотерапевту — если таких людей рядом нет.

— **Несколько ваших дисциплин связаны с психотерапией людей с ограниченными возможностями здоровья. Какие основные правила существуют в работе с ними?**

— Абсолютно те же, что и в работе с людьми без таких ограничений. Прежде всего это безусловное уважение к человеку, безусловное принятие его и его переживаний и безусловная к нему эмпатия. Вот и все.

С коллегой по кафедре Н. А. Крушной

Защита выпускной работы у группы профессиональной переподготовки по программе «Медицинская психология, неврачебная психотерапия», 2019 год

— Помогает ли вам в работе диплом филолога? Как?

— Диплом филолога для меня — это прежде всего горы книг, которые я прочитала, — и классических, и современных. А хорошая литература не может помешать в работе психолога-консультанта или преподавателя. Лучшие психологи, знатоки человеческих чувств, мотивов, выборов — это писатели, конечно. Ведь для того, чтобы по-

нимать другого человека, не нужно иметь коммуникативный опыт, нужно прежде всего уметь понимать самого себя, — а у писателей и художников очень богатый мир собственных переживаний и высокий уровень рефлексии. «Познай самого себя» — эта надпись на стенах Дельфийского храма дала толчок философии Сократа (об этом упоминает Аристотель в диалоге «О философии»).

— Почему вы решили сменить квалификацию?

— Я никогда не меняла квалификацию, только совершенствовала и углубляла. В моем первом дипломе написано, что я филолог, преподаватель русского языка и литературы и психолог. Мы были теми тремя первыми выпусками ЧелГУ, у которых в дипломе было две специальности.

Выпуск математического факультета, 1982 год

Вручение дипломов. ЧГУ. 29.06.82.

Первый выпуск физико-математического факультета

Н

аталия Николаевна,
как пробудился
ваш интерес
к истории?

— Чтобы ответить на этот вопрос, нужно погрузиться в очень далекие годы. В старших классах, когда решала, куда поступать, я понимала, что мои интересы сосредоточены в гуманитарной сфере. Выбирала между филологией и историей. Отдала предпочтение истории. Считала, что история — «серьезная» наука, которая открывает неизвестное прошлое и требует глубокого изучения. Хотя, конечно, не представляла весь объем рассматриваемых ею проблем и того, чем буду заниматься впоследствии. Заинтересовалась историей еще в четвертом-пятом классе, когда нам рассказывали о древнем обществе и наш учитель, замечательный педагог и директор школы, даже показывал, как ходили древние люди, как приспособивали первые орудия труда. Для детского восприятия это было чем-то невероятно увлекательным. Я так сожалела, что на уроках истории периоду глубокой древности было мало уделено времени!

— В школе учились на Урале?

— Моя родина — Владивосток, а если точнее, остров Русский, который сейчас известен Дальневосточным университетом. В него я и поступила, но после первого курса по личным обстоятельствам перевелась в Уральский государственный университет. Мне очень нравилось учиться: ходить в библиотеку, читать книги и конспектировать их, как нас тогда учили. Параллельно занималась в кружке художественной гимнастики. На меня смотрели как на физкультурницу, но это было лишь увлечение.

Н. Н. Алеврас: Нам важно учиться понимать человека другой эпохи

Беседовал
Андрей Сафонов

Профессор кафедры истории России и зарубежных стран истфила ЧелГУ Наталья Николаевна Алеврас — об «историческом гене», пассионарности покорителей Урала, понимании своей жизненной стези и о том, почему необходимо «вживаться» в сознание людей прошлого.

— Кто из ученых повлиял на ваш выбор приоритетов в науке?

— Мне встретились хорошие учителя. Они подготовили меня к аспирантуре, к защите кандидатской диссертации. Профессор Василий Яковлевич Кривоногов, мой учитель, помог определиться не только с научными интересами и темой исследования, но и с методологией, открыл для меня сферу источниковедения — специальной исторической дисциплины. Защита моей диссертации состоялась в специализированном совете Московского историко-архивного института (сейчас это структура РГГУ). Этот вуз был создан еще в 1930-е годы для того, чтобы обеспечивать работу архивов, и потом превратился в кузницу подготовки таких высокопрофессиональных историков, которые внесли существенный вклад в разработку проблем исторического источниковедения. А основу наших исторических знаний составляет как раз информационный ресурс исторических источников. Причем ценность представляет не только источник сам по себе, но и знание того, как с ним работать, как его понимать и трактовать его свидетельства. Мой первый оппонент на кандидатской защите известный историк Борис Григорьевич Литвак был блестящим специалистом в этом деле. И я ему очень благодарна за общение. Когда он еще до защиты в беседе со мной заметил методологические огрехи моей диссертации, очень лаконично и корректно на них указал. И я глубже, в историко-исследовательском ключе представила свою проблематику. У него я прошла пусть и краткосрочную, но хорошую школу, знала его труды, следила за его творчеством. В 1977 году, защитив первую диссертацию, я продолжила работу на кафедре историографии и источниковедения Уральского государственного университета. Здесь я начала осваивать учебный курс источниковедения. После смерти Василия Яковлевича Кривоногова заведующим кафедрой стал Олег Андреевич Васильевский, замечательный историк, который поддержал мое намерение работать над докторской диссертацией. С ним и после моего отъезда в Челябинск мы поддерживали деловые отношения и находились в переписке. Я бы выделила еще одну фигуру — очень известного историка

Владимира Васильевича Адамова, который еще в конце 1950-х годов примкнул к так называемому «новому направлению» в исторической науке, подвергавшему сомнению выводы советской историографии о характере Октябрьской революции 1917 года. Известно, что социалистический характер этой революции официально обосновывался опорой на историю рабочего класса, что в то время считалось методологически важным. Рассматривали ее через призму теории Маркса и Энгельса, родившейся на Западе. А «новонаправленцы», как их называли, в период оттепели попытались взглянуть на реальную ситуацию дореволюционной России, когда рабочий класс еще только начинал формироваться. Именно историки «нового направления», к когорте которых принадлежал Владимир Васильевич Адамов, предложили теорию многоукладной России. В рамках этой

Наталья Николаевна Алеврас, доктор исторических наук, профессор, почетный профессор ЧелГУ. Главный редактор издания «Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии». Член Российского общества интеллектуальной истории (Институт всеобщей истории РАН). Член редколлегий, автор статей энциклопедических изданий «Челябинск», «Челябинская область». Член редколлегий, автор статей историографического ежегодника «Мир историка» (Омский госуниверситет). Обладатель грантов РФФИ, РГНФ, победитель конкурса грантов Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ и Фонда поддержки научных журналов. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, награждена почетными грамотами Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства образования и науки Челябинской области, Администрации Челябинской области, дипломом Министерства культуры Челябинской области.

теории они изучали разные социальные слои, в том числе на Урале. Уже в то время обсуждался вопрос о том, что представляли собой уральские рабочие как социокультурный и идейно-политический феномен. Ряд историков пришли к выводу, что рабочие на Урале были очень специфической социальной группой, далекой от образа западноевропейского рабочего, способного встать в первые ряды социалистов-революционеров.

— В чем особенность?

— В целом российский рабочий был несколько иным, чем западный. А уральские отличались тем,

что сформировались из крепостных рабочих, которые обслуживали заводы начиная с XVIII века, когда сложился комплекс горнозаводских предприятий на Среднем и Южном Урале. Все они вышли из крестьянской среды. Заводчики, владевшие горнозаводскими предприятиями, как правило, были дворянского сословия (во всяком случае многие из них) и, соответственно, владели крепостными. Таким образом, уральские рабочие вышли из аграрной по своему характеру культуры. Их перевозили на Урал из поместий Центральной России, это была форма внешнеэкономического принуждения. На новом месте необходимо было как-то обустроить их жизнь. Некоторые заводоуправления стали строить дома для рабочих, так складывались многочисленные заводские поселки. Только в советское время многие из этих поселков (например, Кыштымский,

Нижнетагильский) получили статус городов. То есть специфика Урала в том, что промышленность сосредоточивалась не в городах, а в этих заводских поселках. Чтобы обеспечить их жизнь и в XVIII, и в первой половине XIX века, рабочим законодательно разрешалось иметь земельные участки, покосы, в том числе на содержание лошадей, использовавшихся для перевозки заводских грузов. Содержали на подворье и другой домашний скот. Некоторые умудрялись распахивать землю для посева зерновых. Получается, уральский рабочий формировался в пограничье культур промышленной и аграрной.

Экскурсионная группа студентов ЧелГУ вернулась из Пскова. Челябинск, 1983 год

Связь рабочих с земельными наделами станет впоследствии одной из проблем уральской историографии. От этого зависел ответ на вопрос, насколько был пролетаризирован рабочий Урала на рубеже XIX и XX веков, накануне революции. В своих диссертациях я и рассматривала особенности связи уральских рабочих с земельными наделами и соответствующей аграрной политикой российских органов власти различных уровней.

— То есть связь с землей размывала классовое самосознание?

— Да, именно так. Ученые, которые изучали аграрный вопрос на горнозаводском Урале, как раз и подчеркивали его негативное, с точки зрения марксистского подхода, воздействие на сознание, психологию уральских рабочих. Они оставались полуробочими-полукрестьянами. Как раз Владимир Васильевич Адамов в начале 1970-х годов свою статью посвящает специфике и истории формирования горнозаводской промышленности и затронул вопрос о социальной

среде горнозаводского Урала, акцентировав внимание на особенностях формирования рабочего класса.

— Не являются ли эти исторически сложившиеся особенности устойчивости социальной среды современных моногородов? Какие бы экономические трудности перед ними ни возникали, они тем не менее не исчезают.

— Совершенно согласна! Заведующая нашим университетским музеем археологии и этнографии Екатерина Анатольевна Чайко, задумав тему диссертации, попросила меня быть своим научным руководителем. Она как раз задалась вопросом: что произошло с населением горнозаводской зоны в советское время? И мы пришли к выводу, что та особенность, которую мы с вами сейчас обсуждаем, стала генетической частью уральского социума. Среда горнозаводской зоны отличается определенной инертностью своей жизни, тяготением к традициям. Это дает некую

устойчивость, но в то же время является причиной стагнации моногородов.

— Инертность — следствие многоукладности, невозможности сосредоточиться на одном векторе развития?

— Отчасти. И отчасти это следствие того, что я и обозначаю понятием «исторический ген». Особенности любой страны и каких-то отдельных социальных слоев закладываются с древности. Как бы мы ни хотели что-то изменить, какие бы периоды ни переживали, остается нечто от уже сложившейся социальной психологии и это «нечто» передается по наследству. Так формируется тип, например, русского человека в целом. Или типы каких-то региональных социальных феноменов, представленных разными этносами, что характерно для России. Не случайно мы разделяем понятие «русский» и «российский»: российский, несмотря на полиэтническую мозаику, воспроизводит особенности общей социальной психологии.

Научная конференция, 2006 год

Особенно это чувствуется в провинции. В центре, в европейской части, не говоря уже о столицах, традиционность постоянно размывается при помощи разных инструментов: образования, разнообразия общественных взаимоотношений, связи с зарубежьем, миграцией. А провинция в большей мере сохраняет свои особенности. И этот мир хорош для этнографов.

— У территорий Челябинской области есть общий исторический ген? Является ли она единым социокультурным пространством с учетом того, что, скажем, жизненные уклады горнозаводской зоны и юга региона отличаются? Такие различия создают больше проблем или, наоборот, обеспечивают синергию развития?

— Это непростые вопросы, и однозначно на них ответить трудно. На Южном Урале я живу уже 40 лет. Когда только начинала здесь преподавать, мне предложили читать еще и курс истории Урала: у меня был небольшой опыт чтения этих лекций в Уральском госуниверситете. И вот в Челябинске вдруг

обнаруживаю, что в известных мне учебниках да и в моем прежнем курсе по истории Урала вообще не было сюжетов о Южном Урале, как будто его не существовало.

— Как так получилось?

— Есть определенные ракурсы, которые задаются историками, живущими на той или иной территории. То есть под Уралом историки Среднего Урала подразумевают Средний Урал. А историки Южного Урала — Южный. Естественно, я углубилась в поиск и изучение специальной литературы, что позволило постепенно наполнить мой новый учебный курс новым, неизвестным мне ранее материалом, чтобы создать целостную картину истории Уральского края. Если с географической точки зрения смотреть на Уральский хребет, то Большой Урал — территория от более обжитого Северного Урала (не беру Полярный и Приполярный — там своя специфика) до Среднего и Южного. Эта территория, достаточно гомогенная, является не только географической, но и исторической платформой,

на которой сложилось несколько отличающихся друг от друга культур. Если говорить о Южном Урале, то мы знаем его горнозаводскую часть со старыми заводами и юго-восточную окраину.

— И эти две части очевидно отличаются друг от друга.

— Юго-восточная окраина области сегодня — государственная граница, разделяющая нас с Казахстаном. В XVIII веке эти территории считались русскими, но были сложности взаимоотношений русской администрации с башкирскими землями. Эта проблема возникла в XVI веке, когда Иван Грозный взял Казанское ханство и башкирские племена принесли грамоты «белому царю» с просьбой взять их под свой протекторат. И вот эта акция приношения грамот о вхождении в состав Русского государства и считается официальным фактом присоединения Башкирии к России. Поначалу башкирам передавали все их владения, так как русские длительное время, до XVII века, почти не селились на территориях, где жили башкиры, тем более что

они были довольно воинственны и не любили чужаков. Процесс колонизации Южного Урала был затяжным. В первую очередь русскими переселенцами из северной России (поморцами) осваивался Средний и частично Северный Урал. Южный Урал стал заселяться, когда поток переселенцев достиг восточного склона Уральских гор и по восточному склону в поисках удобных плодородных земель люди передвигались на юг. Село Русская Теча — первое поселение русских, которое потом войдет в границы современной Челябинской области. Река Теча впадает в Миасс, Миасс — в Исеть, Исеть, главная река Екатеринбургa, соединяется с сибирской речной системой. По берегам рек этой системы селились люди. Район нынешней Курганской области Шадринский уезд (он в XIX веке будет принадлежать Пермской губернии), а также Курган (тогда — Царево городище) в начале XVIII века стали излюбленным местом поселения. Относительно теплый климат, плодородные почвы способствовали формированию аграрной культуры. Но собственнo Южный Урал длительное время оставался территорией почти неизведанной.

— До какого периода?

— До XVIII века, когда от Российской академии наук поступил проект освоения этих территорий. Его автор — известный деятель Иван Кириллович Кирилов. Он разработал проект Оренбургской экспедиции (1734—1744). Он был из тех людей своего времени, которые выразили себя активной деятельностью — как люди-пассионарии. Ими были и ученые — историки, географы, представители других наук. Они пускались в путешествия в неизведанные земли, не очень даже представляя, что их ждет. Кирилов считался знатоком географии и занимался картографированием. В XVIII веке картография и география были в числе наук политически актуализированных, стоявших на переднем плане научного поиска. Огромные восточные территории, присоединенные формально в XVII веке, когда С. И. Дежнев дошел до «своего» мыса, нуждались в освоении. Подобные по масштабам территории осваиваются столетиями. Как оказалось, до сих пор для нашей страны эта проблема актуальна.

— Получается, что запад и север нашей области формируют люди, склонные сохранять веками сложившийся жизненный уклад, а юг — вольнолюбивые пассионарии?

— Не совсем так. Дело в том, что и на Среднем Урале люди такой закваски были. Вспомним имя Василия Никитича Татищева. Он один из первых организаторов горнозаводской промышленности, причастен к созданию Екатеринбургa, ставшего в итоге столицей горнозаводского Урала. Он принадлежал к той же «пассионарной» когорте. Это были люди, стремящиеся к универсальности знания. Татищев тоже чем-то занимался! Петр I его знал лично и посылал за границу учиться. Он изучил горнозаводское дело, собирал библиотеку научной литературы. Он же причастен и к созданию нашего Челябинска, и к делам на Южном Урале.

— Вернемся пока к личности Кирилова.

— Как мы уже сказали, он был знаток географии и картографии. Карты были нужны в государстве, и они сразу засекречивались. Почему? Чтобы не раскрывать перед иностранцами особенности нашей территории. Но даже Кирилов, несмотря на все свои знания, не представлял, что его ожидает в путешествии. А ожидало его ни больше ни меньше крупнейшее в истории отношений Башкирии и России Башкирское восстание.

— Как это произошло?

— Отряд ученых в составе более ста человек, был им собран для участия в экспедиции. Все они разных специальностей, и каждый должен с позиции своей области знаний изучать ресурсы новой, совсем неизученной территории. Их сопровождают две тысячи военных, потом для подкрепления пришлют еще столько же. Поселений почти никаких. Кстати, в ходе этой экспедиции построят Верхнеяицкую пристань — начало будущего города Верхнеуральска. С этой пристани предполагалось сплавливать продовольствие и строительные материалы к месту запланированного строительства Оренбурга. До места добираться реками и по суше. Но едва отряд высаживается в Уфе и начинает путь к месту строительства нового города Оренбурга (эта точка на современной карте назы-

вается город Орск), их сразу встречают вооруженные воинственные башкиры. Начинается Башкирское восстание (1735), которое продлится несколько лет. Русский отряд, потрепанный, с большими потерями доходит до места назначения. И оказывается, что для строительства ничего не предусмотрено. На месте, где надо возводить город, нет леса! Город все-таки закладывают, но потом бросают. Место строительства Оренбурга переносили три раза. Только в 1743 году по приказу посланного на Урал губернатором первой уральской губернии — Оренбургской — Ивана Ивановича Неплюева город перенесли в то место, где он стоит сейчас. И вовсе не на реке Орь, как задумывалось ранее (отсюда и название — Оренбург), а на реке Яик, переименованной впоследствии в Урал.

— Захватывающая история!

— Нужно подчеркнуть, что наш Южный Урал оказался фронтальной зоной со всеми опасностями, угрозами и перспективами. Ее актуальность начиная с Петра I и в последующие эпохи обуславливалась тем, что через Казахстан можно проникнуть в Среднюю Азию. И это стремление явно прослеживается вплоть до XIX века включительно. А Южный Урал рассматривался как точка опоры для решения военно-политических задач.

— Вот когда уже стали использовать преимущества нашего географического положения.

— Да. В какой-то мере благодаря этому Российской империя обрела свои азиатские земли. С расположенными на них государствами Россия и сейчас поддерживает отношения. В целом Оренбургская экспедиция 30-х годов XVIII века завершилась успешно. Хотя ее вдохновитель Иван Кирилов умер от чахотки (тогда это была распространенная болезнь в Петербурге, и на Урал он приехал уже больным). Но вот в таких поступках и проявлялась характерная для людей той эпохи пассионарность: стремление выдвинуться на определенные позиции, прославиться, обрести статус. Болею, не болею — пойду. После смерти Кирилова (это случилось в 1737 году) на пост начальни-ка экспедиции приглашают Василия Татищева. А Татищев находился рядом — в Екатеринбургe. И когда

еще в 1736 году стали думать о том, чтобы создавать крепостные сооружения с целью предотвращения набегов киргиз-кайсаков и башкир, задумали построить Исетскую линию крепостей. Одной из ее задач было прекратить столкновения между казаками и башкирами. Было заложено четыре крепости, и самая большая из них — Челябинская. Как вы думаете, откуда набрали поселенцев в Челябинскую крепость?

— **Из горнозаводских районов?**

— Нет. С восточного склона Уральских гор, территории современной Курганской области, из Шадринского уезда, где уже был создан Далматовский монастырь в XVII веке, построено Царево городище (нынешний Курган). Население там уже укоренилось. Но к ним прибывают гонцы в поисках «охочих людей», как тогда говорили, готовых переселиться в Челябинскую крепость. Желающих нашлось немало. Процессом переселения руководил еще один участник Оренбургской экспедиции — Алексей Иванович Тевкелев. Когда началось Башкирское восстание, Тевкелев возглавил борьбу с повстанцами. И это были военные акции, направленные в том числе против мирных людей. И в народной памяти сохранилось, и в исследованиях историков показано, как экспедиционные отряды истребляли целые поселения. Это была трагедия! И она одно из проявлений фронтального характера Южного Урала. Русским надо было укорениться. Башкиры эту территорию считали своей родиной и не желали понимать, чего хотят русские. Хотя башкиры тоже не автохтонное население Южного Урала: они появились здесь в VIII—IX веках, когда начало формироваться Древнерусское государство.

— **Исторический процесс — очень жесткая вещь.**

— Это так.

— **Наталья Николаевна, судя по вашей биографии, вы тоже человек вполне пассионарный: выросли на Дальнем Востоке, студенткой перебрались в Свердловск, а, защитив кандидатскую диссертацию (между прочим, по редкой специальности), оказались в недавно открывшемся Челябинском государственном университете.**

— Именно потому, что специальность была редкая, когда формировался Челябинский государственный университет в 1976 году, долго не могли найти специалистов, которые могли бы читать лекции по историкоисследованию и историографии. И я по приглашению заведующего кафедрой Михаила Дмитриевича Машина пару раз приезжала из Свердловска вычитывать эти курсы студентам первых наборов. Он и пригласил меня перейти на постоянную работу в новый университет. И я согласилась.

— **Почему?**

— В Свердловске так получилось: я работала в УрГУ, но жили мы с семьей за 40—50 километров от него — в Первоуральске. Сейчас уже не так сложно ездить каждый день на такое расстояние — много разных видов транспорта. А тогда была только электричка, которая нередко задерживалась в пути, временные затраты на проезд туда-обратно были большими. А в Челябинске, приглашая на работу, предоставляли квартиру: для нашей семьи это было немаловажно.

— **В ЧелГУ на рубеже 1970—80-х годов почувствовали воодушевление или неопределенность?**

— Нечто среднее. Сразу поняла, что попала совсем в другую среду. Михаил Дмитриевич Машин — выходец из Челябинского педагогического института. И значительная часть «новобранцев» молодого на тот момент истфака пришли оттуда. Пройдя академическую школу в Уральском государственном университете, я это сразу почувствовала. Я вышла из уже сложившейся университетской культуры, соответствующего стиля преподавания и взаимоотношений. Аспирантов в УрГУ очень уважали, их было не так много, и я не помню ни одного мгновения, когда в мою сторону от старших коллег и наставников был бы направлен хотя бы один снисходительный или пренебрежительный взгляд. В нас видели новое поколение ученых, продолжателей традиций, складывавшихся десятилетиями. То есть академическая среда, к которой я привыкла, была раскованная, дружественная, доброжелательная. В ЧелГУ же того времени я ощутила больший педагогический уклон, а в педагогике важны иерархии. Но я к тому моменту уже чувство-

вала себя очень самостоятельным человеком: позади — защита кандидатской, у меня уже семья, мне 33 года. В Челябинск я приехала с запасом понимания жизни, своей дальнейшей жизненной стези и не нуждалась в чьем-то руководстве. И здесь я встретила Таисию Анатольевну Андрееву, с которой мы дружим уже несколько десятков лет. Лучше ее курса по истории России, который она читает, в нашем городе я точно не назову. Он блистателен и в содержательном, и в методическом плане, отшлифован до мелочей.

— **Ваш жизненный, профессиональный опыт помог вам и в написании докторской диссертации?**

— Безусловно. При этом сразу осознала, что своей темой — историей горнозаводской зоны Урала — здесь на научном уровне я всю свою жизнь заниматься не смогу. В Челябинском областном архиве ничего для себя полезного, кроме двух небольших фондов, касающихся горнозаводской промышленности, не обнаружила. Но я все же продолжила работу над темой, когда мне предложено было представить монографический труд. Основной горнозаводский архив находится в Екатеринбурге, я там работала. И, конечно, я использовала фонды центральных архивов, ездила в Ленинград, в Москву. В Челябинске я не была окружена учеными, интересующимися историей горнозаводской зоны. Хотя позднее узнала, что активистом в изучении этого направления в 1970—80-е годы был исследователь из Челябинского педагогического института Василий Егорович Четин. Но тогда с ним не была знакома. Занималась темой самостоятельно, и тот же Михаил Дмитриевич Машин, за что ему благодарна, был среди тех, кто убеждал меня писать монографию. Но для этого необходимо работать в архивах, а командировок почти не давали. До Свердловска добиралась сама, а вот поездки в Ленинград и Москву были проблематичны. Ситуация выправилась, когда ректором ЧелГУ стал Валентин Дмитриевич Батухтин. Мы в нем сразу почувствовали человека из академической среды, и атмосфера в университете стала меняться. Благодаря этому в конце 1980-х — начале 1990-х годов мне

Кафедра истории дореволюционной России, 2011 год

удалось совершить сразу несколько поездок в столичные архивы. Кроме того, переехав в Челябинск, я не прервала связей с коллегами, наставниками из Свердловска, с Олегом Андреевичем Васьковским, он продолжал меня патронировать. И я начала разрабатывать проблематику по истории аграрной политики царского правительства на горнозаводском Урале в виде докторской диссертации. Защитила ее в нашем диссертационном совете, который открыли в начале 1990-х годов благодаря стараниям Андрея Петровича Абрамовского. К этому времени я пришла к выводу, что объем источников, необходимых для продолжения моего исследования, иссякает. Одновременно, разрабатывая учебный курс по историографии, я «заболела» проблемами историографии. В ходе их разработки у меня появились ученики, а впоследствии выкристаллизовалась и специфическая историографическая тематика.

— **Расскажите об учениках, пожалуйста.**

— Среди тех, кто написал диссертации уже с историографической тематикой, была Наталья Владимировна Гришина, одна из первых моих аспиранток. Сейчас она возглавляет наш историко-филологический факультет. Мы с ней часто пишем совместные работы. При поддержке гранта РФФИ подготовили и в 2022 году издали коллективную монографию по теме: «Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX — начало XX в.)». К кругу историографов относится и другая моя бывшая аспирантка — Ольга Викторовна Богомазова. Предмет ее интересов — опыт научных коммемораций в исторической науке. На данном этапе разработки заявленной нами проблематики нам интересно посмотреть, как диссертационная культура трансформировалась и функционировала в советское время. А там были сложные процессы: сначала требовали отменить все «буржуазное» из дореволюционной науки, но в 1930-е

годы «образумились», поняли, что надо формировать научно-образовательную среду, и на законодательном уровне вернулись к дореволюционному опыту... Еще среди своих учеников я бы хотела назвать очень талантливого историографа Михаила Александровича Базанова. Миша окончил наш университет, написал диссертацию. Защищали мы ее в Институте истории и археологии в Екатеринбурге. Его работы и его диссертация известны, на них ссылаются, цитируют. Писал он об известном историке Александре Александровиче Зимине, фигура которого очень неоднозначна: были у него сторонники, противники, но шел он своей собственной дорогой, и этот путь Михаил Александрович тщательно исследовал. Сейчас он работает в нашем областном архиве. И там же трудится еще один наш выпускник, мой дипломник Николай Александрович Антипин. Когда они с Михаилом только появились в архиве, там начали проводиться научные конференции, издаваться интересные сборники документов. Михаил

Лауреаты университетской премии «Лица ЧелГУ», 2018 год

очень внимательно подходит к документам, является замечательным археографом. Читаю под его редакцией сборники и восхищаюсь, как он это делает. Раньше на нашем факультете работала моя ученица Юлия Викторовна Краснова, которая сейчас возглавляет Центр историко-культурного наследия Челябинска. Активистом на поле историографии (правда, не я была научным руководителем его кандидатской диссертации, но он варился в нашем историографическом контексте) является Артем Михайлович Скворцов. Его приглашают работать в Петербург, но, даже если он согласится, надеюсь, наши связи не прервутся. Горжусь и другими своими выпускниками, даже теми, кто диссертацию не завершил. У них свой путь, но они что-то важное приобрели в университете. Мы все-таки профессиональных ребят готовим, с научной заправкой.

— В сфере ваших научных интересов — когнитивные аспекты исторического знания. Речь

о том, как события прошлого воспринимаются сегодня?

— Не только. В философском лексиконе XIX века оформилось понятие, которое я и сейчас использую в лекциях, — «вжиться в чужое сознание». Автором этого подхода можно считать немецкого социолога Вильгельма Дильтея. Именно его идеи стали интересны русскому мыслителю, историку и философу, петербургскому ученому Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Когда он говорил о том, как работать с источниками, оставшимися нам от прошлого, то в первую очередь ставил задачу воспринимать содержание источника через процедуру вживания в сознание его создателя. Историк готовит себя к тому, чтобы не просто представить современникам давние события. Для того чтобы это представить, ему нужно осуществить погружение в прошлое и понять, как люди думали, как выстраивали свои жизненные стратегии, в том числе как создавали планы освоения новых территорий,

о чем мы говорили. Что за этим стояло? Желание прославиться? Да. Но какое еще знание и понимание прошлого необходимо нам? Мы должны это выяснить. И речь не о бытовом понимании («ты меня понимаешь?»), а о научном. Нам важно понять человека другой эпохи. Источники, с которыми мы работаем, дают такую возможность. Сам язык, содержание, структура текста, а также явные и неявные контексты, которые в нем задаются, — в совокупности нами должны быть «расшифрованы» и поняты. При этом мы осознаем, что с абсолютной точностью прошлое воспроизвести сложно. Всегда есть какая-то кривизна в создаваемой нами картине, некие лакуны, пробелы. Но это и означает, что в науке не существует понятия «окончательный вывод». Наука никогда не останавливается, и все наши выводы промежуточные. Следующее поколение, возможно, изобретет новые способы проникновения в «чужое сознание» и глубже поймет прошлое.

Подготовка к лыжному пробегу, 1984 год

Общеуниверситетское собрание. Первый ряд: Л. Н. Смирнова, А. А. Голиков, А. К. Прудников, А. П. Привезенцев, В. И. Ухоботов, Г. Я. Шишмаренкова, В. Я. Михайлов. Второй ряд: В. Н. Севастьянов, Р. В. Салыев, Н. Б. Цибульский. Начало 1980-х годов

Е

лена Александровна, когда у вас появился интерес к химии?

— Я училась в профильном химико-биологическом классе 82-го челябинского лицея (в мое время — гимназия). По субботам мы занимались в медуниверситете и педуниверситете. Как раз в это время я окончательно утвердилась в своем выборе направления для будущей профессии, хотя еще долго сомневалась, какой вуз выбрать. Немалую роль в моем самоопределении сыграл Сергей Сергеевич Тихонов, мой будущий коллега, а тогда — аспирант и молодой талантливый преподаватель химии, который легко, доступно и интересно объяснял материал. Поначалу у меня возникла идея поступать в медицинский университет. А чтобы как можно лучше подготовиться по химии, стала посещать подготовительные курсы в ЧелГУ. Здесь была возможность сдать вступительные экзамены до получения аттестата, я успешно прошла испытания, что и определило мое поступление на химический факультет ЧелГУ.

— Кто был вашим любимым преподавателем на химфаке, если вспоминать годы студенчества?

— Для меня любимый преподаватель — не тот, с кем не было никаких проблем, а тот, кого можно считать неприкосновенным авторитетом. Элеонора Иосифовна Руденко — именно такая. Если ты уверен, что знаешь ее предмет, — этого мало, нужно было еще доказать, что знаешь действительно хорошо. Моя история тому подтверждение. Будучи студенткой, я всегда была ориентирована прежде всего на учебу, я из тех, кого называют «ботанами». Но, наверное, у каждого бывают периоды, когда

Е. А. Белая: Жизнь — как химический эксперимент, который может пойти по-разному

Беседовала
Наталья Чанова

С заведующей кафедрой химии твердого тела и нанопроцессов ЧелГУ Еленой Александровной Белой поговорили о превратностях судьбы. А еще о том, как изменился химический факультет за последние 20 лет, и о тех, для кого химия — это призвание.

все идет не так. И вот однажды в сессию я заболела, поэтому два экзамена сдала на три. А следующая сессия началась с экзамена у Руденко. Она открывает зачетку и говорит: «Ну, понятно, троечника». Я посмела не согласиться с таким ярлыком. Момент истины наступил на втором, итоговом экзамене по аналитической химии, на котором Элеонора Иосифовна не просто задала мне дополнительные вопросы по моему билету, а основательно погоняла по всему курсу, по всем 75 вопросам. «Ты же хотела доказать, что знаешь предмет!» — сказала она. Прошло много лет. Меня позвали преподавать в ЧелГУ аналитическую химию. Руденко как раз собиралась на пенсию, и я услышала слова, которые очень тронули: «Свои лекции передам только Белой». Очень волнительным был этот момент передачи рукописей. Они мне очень потом пригодились, кстати.

— По окончании ЧелГУ вы ушли работать инженером в Научно-исследовательский институт пигментных материалов. Выбывали осознанно и неслучайно?

— На старших курсах мы все стали активно искать работу, поэтому на собеседованиях часто приходилось пересекаться со своими однокурсниками. Как правило, было так: место всего одно, а претендентов на него несколько. И мы просто кидали жребий. Моим плюсом на тот момент был опыт работы в качестве лаборанта химфака

ЧелГУ, а в остальном я ничем не отличалась от других совсем зеленых химиков. Однажды я приехала на собеседование в НИИ пигментных материалов, где требовался новый сотрудник. Определяющим фактором, почему выбор был в мою пользу, стало то, что я писала диплом на кафедре аналитической химии. В институте мне понравилось все — и коллектив, где каждый был готов помочь молодому специалисту, и участие в научных разработках в качестве ведущего инженера, до которого я довольно быстро доросла. Передо мной постоянно ставили новые интересные задачи, требующие нестандартного подхода к решению. Мне пришлось по душе, что на работе не было рутины. Другое дело, что институту приходилось выживать, поскольку никаких дотаций со стороны государства уже не было.

— Защитили кандидатскую диссертацию вы на базе НИИ?

— Да. И это особая история. Несмотря на наше, по сути, автономное существование, от руководства филиала требовали новых защит диссертаций. И однажды мне сделали предложение — защититься на базе НИИ. Я не смогла отказаться в отличие от других молодых сотрудников, которые не впечатлились перспективой обучения в аспирантуре, пусть и за счет НИИ. Так вышло, что писала диссертацию я в декрете. Уже потом поняла, что взвалила на себя слишком много, но вытянула же! Условие

мне было поставлено лишь одно условие — продолжить работать в институте как минимум пять лет. Конечно, я согласилась остаться на любимой работе. НИИ занимался синтезом белого пигмента диоксида титана, а моя диссертация была посвящена исследованию его фазовых превращений при дозировании ионами Cr^{3+} . Диссертацию защитила в диссертационном совете по химии твердого тела в ЧГПУ. Я очень хотела специализироваться на аналитической химии, но понимала, что с маленьким ребенком будет сложно часто ездить в Екатеринбург, где расположен диссертационный совет по аналитической химии. Но в этой ситуации есть свои плюсы: теперь я хорошо разбираюсь в двух важных разделах химии. В общем, все складывалось благополучно и шло своим чередом. Но жизнь внесла свои коррективы. Я защитилась в 2008 году, и тут же грянул экономический кризис. Всех сотрудников НИИ распустили без содержания. Благо в итоге мне пошли на встречу и разрешили уволиться, расторгнув подписанный совсем недавно пятилетний контракт.

— И вы стали снова искать работу?

— Да. Это было непросто, учитывая, что в период экономического кризиса даже имеющиеся вакансии повсюду закрывались. Мне удалось устроиться на Первый хлебокомбинат инженером-химиком. С коллективом повезло, а вот работа была скучной, рутина мне никогда не нравилась. Я понимала, что мне нужно искать новое место работы. В это же время Александр Георгиевич Тюрин, который на тот момент заведовал кафедрой аналитической и физической химии, обратился к моему научному руководителю Валерию Викторовичу Викторову с просьбой предложить преподавателя на кафедру аналитической химии ЧелГУ. Так они вышли на меня. Я подумала и согласилась. А ведь раньше никогда не видела себя в этой роли. Считала, что преподавание — это не мое. Первый опыт был непростым. В феврале 2010 года я пришла к биологам-первокурсникам на первую в своей жизни лекцию, а их весь поток — 160 человек в большой аудитории. Как же мне

на тот момент не хватало ораторских навыков! Тем не менее работать в статусе преподавателя понравилось, и в сентябре я вышла на полную ставку. Так и пришла на химический факультет ЧелГУ снова, уже в новом качестве, не как вчерашняя студентка, а как молодой ученый и практик. Оказалось, что преподавать — это здорово! В вузе я нашла для себя то самое отсутствие рутины, к которому всегда стремилась.

— А остаться преподавать сразу по окончании вуза — таких мыслей не было?

— Никогда! Хотелось найти себя либо на производстве, либо в НИИ, да так и получилось по большому счету, но система научно-исследовательских институтов (таких, какими они были в советское время) себя изжила.

— Что изменилось на химфаке ЧелГУ более чем за 20 лет?

— Наш факультет невероятно преобразился. Появилось много современных лабораторий, а для химиков это немаловажно. Для новых студентов это данность, норма.

Выпуск химического факультета 2001 года

Елена Александровна Белая, кандидат химических наук, доцент. Заведующая кафедрой химии твердого тела и нанопроцессов. Окончила Челябинский государственный университет, защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Химия твердого тела». Автор и соавтор более 52 научных статей, 5 учебных пособий, патентов на изобретения.

После вуза они приходят на производство и видят те же приборы, похожее оборудование, а это значит, что адаптация их проходит гораздо быстрее и легче. А вот выпускники прошлых лет, заглядывая на огонек, иногда пребывают в легком приятном шоке от произошедших перемен.

По сравнению с недавним прошлым у нас стало больше молодых преподавателей — тех, кто остался продолжать образование в аспирантуре ЧелГУ. Лично мне очень нравится, что они нашли себя не только как химики, но и как педагоги. Очень ценю наших преподавателей, имеющих опыт работы на производстве. Для меня самой многие вещи в аналитической химии открылись по-новому, когда стала иметь дело с практикой.

К примеру, сплавление: ты никогда не поймешь, что это такое, пока

не увидишь собственными глазами. Но наряду с приятными переменами есть и те, которые не радуют. К сожалению, приходится констатировать, что больше стало слабоватых студентов. Вероятно, это связано с особенностями современного школьного обучения. Система ЕГЭ, на мой взгляд, дает о себе знать. В химии нужно уметь думать, а тестовая система контроля знаний этому не способствует. Большинство старшеклассников умеют выбирать ответ из уже имеющихся, а это не значит уметь думать. Пока вижу выход в применении индивидуального подхода к обучению студентов, чтобы сохранять мотивацию для сильных и талантливых, которые у нас, конечно же, есть.

— С какими студентами вам нравится работать больше всего?

Лабораторная работа на первом курсе, 1997 год

Представители химического факультета на университетской премии «Лица ЧелГУ», 2018 год

— Мне нравятся студенты, готовые взяться за тему научного исследования, которая, на первый взгляд, не гарантирует ничего. Жизнь — как химический эксперимент, который может пойти по-разному. Бывает так, что приходится констатировать: поставили эксперимент, но ожидаемого результата не получили. Ценю в студентах самостоятельность и желание разобраться, почему процесс пошел так, а не иначе. Я часто намеренно не разжевываю материал при обучении и стараюсь сделать так, чтобы студенты сами пришли к нужным выводам. Считаю, что, когда нет готовой идеи и подробного плана действий для научного исследования, это даже хорошо. Тогда студент приходит с видением перспектив, которых я сама могу не заметить.

— У вас есть ученики, которыми можно гордиться?

— Конечно. Горжусь многими! Мне вообще нравится взаимодействовать с дипломниками, аспирантами. Отрадно, что подавляющее большинство из них в итоге работают по специальности и растут по карьерной лестнице. Знаю я об этом

не только потому, что мы общаемся (к сожалению, времени не всегда хватает), но и благодаря прекрасной традиции химфака ЧелГУ праздновать День химика, когда в последнюю субботу мая в нашу альма-матер приезжают выпускники разных лет. Специально к этому дню студенты готовят интересную концертную программу: сценки, творческие номера. Последние пять лет стал уже традиционным номер от преподавателей, что вызывает особенный восторг. Выпускники приезжают пообщаться, рассказать о себе, а заодно присмотреться к будущим молодым специалистам, чтобы совсем скоро пригласить их на работу. Но в первую очередь День химика в ЧелГУ — это душевный и живой праздник. Кстати, наши гости, преподаватели из ЮУрГУ, это тоже отметили.

— А как организован на химфаке процесс выбора научного руководителя?

— Выбор научного руководителя, темы всегда ключевой момент. Мы стараемся подходить к этому вопросу гибко, учитывая пожелания студентов. Как правило, выбирают

того или иного преподавателя, ориентируясь на личность. Но есть у нас и студенты, которые сами приходят со своей темой, своими идеями. Это риск, на который далеко не каждый научный руководитель пойдет, а вот мне нравится такой подход. Но, когда не знаешь, чем закончится эксперимент, работать приходится в два раза больше. И я честно предупреждаю студентов об этом.

Одна из моих недавних дипломниц, Елена Ржевская, именно такая — самостоятельная, увлеченная. Она занимается изготовлением глазури для керамики, поэтому от своего хобби решила не отступать и в магистерской диссертационной работе. Синтезирует разную глазурь — матовую, глянцевую, термостойкую... Мы с ней с нуля придумали и реализовали такое научное исследование, в котором синтезировали пигменты, смешивали их и оценивали совместимость с глазурью. От защиты получили удовольствие все — и члены комиссии, и сама выпускница. Вот что значит работа, которая имеет прикладное значение! Для меня ценно, когда научная работа приближена к реальности.

Кафедра аналитической и физической химии, 2000 год

Защиты на практические темы всегда вызывают больший интерес. Есть студенты, которым настолько нравится выбранная тема, что каждый свой выходной они проводят в лаборатории. Ко мне как к научному руководителю вообще чаще идут те, кто настроен учиться, экспериментировать, ошибаться, искать... Впоследствии они оказываются в выигрышной ситуации при устройстве на работу, ведь для работодателя сейчас не просто наличие «корочки» о высшем образовании важно, а то, что ты умеешь делать.

— А что еще, кроме прикладного значения работы, может служить мотивацией для начинающего химика?

— На мой взгляд, важна внутренняя заинтересованность в результатах своего труда. Если этого нет, раскачать человека очень сложно. У меня есть студенты, которые начинают свой путь в науку уже с первого курса, имея к третьему небольшой список публикаций. Но ни один, даже самый скромный успех ни к кому не пришел просто так. Должно быть огромное желание потратить

свое свободное время на научный поиск.

Может быть, к нам на химфак сейчас не слишком сложно поступить, если сравнивать с другими специальностями, но учиться придется всерьез. Почему-то некоторые думают, что на химфаке не будет математики. Это наивное заблуждение, ведь в химии многое строится на расчетах.

— Вы автор не только научных работ, но и патентов на изобретения...

— Патентов несколько. Началось с того, что мы пытались синтезировать алюмо-магниевою шпинель, используя незаслуженно забытый ионообменный синтез. Но подошли мы к этому синтезу с точностью до наоборот, и у нас все получилось. Как позже выяснилось, такой подход — не только для синтеза соединений со структурой шпинели, но и для соединений со структурой перовскита и вюрцита. Сначала я ограничилась просто статьями, а потом решила все-таки запатентовать наше изобретение. Следующие патенты были в рамках этой же тематики, менялись лишь синтезируемые соединения.

— Может ли химия стать тем опытом, который меняет взгляд на жизнь?

— Все мои родственники и друзья знают, что я часто повторяю фразу: «Законы физики и химии никто не отменял». Когда гуманитарии удивляются, представители естественных наук разбираются и объясняют. Вот, к примеру, нам рекламируют новую продукцию для уборки, а цена на нее кусается. Я смотрю состав и вижу, что он ничем не отличается от привычных нам копеечных средств, которые есть в любом магазине. Или другой пример. Модный бьюти-блогер вещает: «Я выбираю средство для снятия лака с ногтей без ацетона, я берегу свои ногти, и в составе моей смывки вместо ацетона — пропанон». А ничего, что пропанон и ацетон — это одно и то же? Учите химию! Прикладная химия в быту — нужная вещь.

Кафедра физического воспитания, 1983 год

На экзамене у Р. Ж. Алеева

К

огда после окончания ЧГПУ (ныне ЮУрГГПУ) вы пришли работать в ЧелГУ, вольно или невольно сравнивали два вуза? Какие были мысли на этот счет? — Конечно, разница между педагогическим университетом, к тому времени уже с 60-летней историей, и ЧелГУ была очевидной и колоссальной. Но сравнивать мне не приходилось, потому что перед нами, преподавателями, стояла интересная и увлекательная задача — организация учебного процесса на совсем молодом факультете. Несмотря на то что в те времена действовала жесткая регламентация содержания образовательных программ, все же была свобода выбора методов и организационных форм. Это, безусловно, было значимым в контексте молодости, свежести идей, движения вперед молодого коллектива факультета.

— Сложилась ли у вас собственная система преподавания? И меняется ли она со временем? — Как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни я придерживаюсь положений своих диссертационных исследований, которые посвящены изучению культуры самообразования личности. Что касается методической системы обучения иностранному языку, то мое видение представлено в научной статье My Philosophy of Teaching Foreign Languages 2015 года. Несомненно, в столь изменчивом мире меняется и мой взгляд на систему иноязычного образования. И уже с учетом новых образовательных трендов в 2018 году мною была разработана программа педагогической магистратуры «Иностранные языки», которая реализуется по сей день на факультете

И. А. Бобыкина: Суть моей методической системы — сознательное самосозидание личности

Беседовала
Валерия
Хисамутдинова

Образование должно быть ориентировано на развитие мыслящего и творческого человека. Об этом, а также о востребованности современных лингвистов и повышении роли самообразования рассказала заведующая кафедрой делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода ЧелГУ Ирина Александровна Бобыкина.

лингвистики и перевода и актуализируется ежегодно. Я очень благодарна коллегам, декану факультета Лилии Амиряновне Нефедовой и руководителям нашего университета за поддержку моего проекта, оказанное доверие и возможность воплотить в жизнь свою концепцию профессиональной подготовки педагогов по иностранным языкам. Но нужно отметить, что суть моей методической системы — сознательное самосозидание личности путем присвоения социального опыта — неизменна, несмотря на изменения условий разного порядка и внешние факторы влияния. С моей точки зрения, с каждым новым витком трансформационных событий создаются более благоприятные условия для самореализации личности, в том числе творческой. И это меня радует, так как происходящие процессы в обществе и современные образовательные тенденции созвучны с идеей моих исследований.

— Чему научила вас работа в институте дополнительного профессионального образования ЧелГУ?

Студенты Ирины Александровны, 2001 год

— Самое ценное приобретение во время работы в институте дополнительного профессионального образования ЧелГУ — это опыт управления достаточно сложной системой. Мне были хорошо знако-

мы отдельные внутренние процессы, такие как разработка программ обучения и методического обеспечения, создание образовательной среды, организация учебного процесса. Решение вопросов,

С коллегами из ЧелГУ на BrainShaker, 2022 год

например, финансирования, материально-технического обеспечения, маркетинга и позиционирования в региональном пространстве, взаимодействия с органами власти и бизнесом и многих других позволило приобрести новый опыт в разных сферах деятельности. Бесценен опыт сотрудничества с разными коллективами и людьми. В целом можно сказать, что мне повезло с сотрудниками, коллегами — профессионалами, единомышленниками — и работодателями, с которыми мы успешно сотрудничали в плане профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

— Вы признанный эксперт в области самообразования. Что мы понимаем под этим определением и насколько значимо это направление для высшей школы?

— Сущность самообразования раскрывается исходя из философской идеи саморазвития человека, которое обусловлено его фундаментальной потребностью в познании окружающего мира и себя в нем. В широком смысле слова самообразование принято трактовать как «создание образа себя», то есть сознательное самосозидание личности путем саморазвития — внутреннего механизма ее изменения. В структуре данного процесса можно выделить самопознание, самоопределение, самосовершенствование, самоактуализацию, самореализацию. Приобщаясь к социальному опыту и постигая созданную человечеством культуру, посредством различных взаимоотношений личность совершенствует свои качества и способности, меняя всю свою структуру. И вместе с тем, в свою очередь, оказывает преобразующее влияние на окружающую действительность. В узком смысле понятие «самообразование» определяется как самоуправляемая познавательная деятельность личности, удовлетворяющая ее потребности в познании и личностном росте. Важно подчеркнуть в данном случае становление субъектом собственной деятельности.

На мой взгляд, в нашем новом информационном обществе самообразование приобретает особую значимость в связи, например, с дальнейшим развитием приоритета личного над общим, трендом образования в течение

всей жизни. Многим независимо от возраста и рода занятости приходится регулярно и чаще самостоятельно осваивать новые виды деятельности, инновационные технологии, вследствие чего самообразование людей наращивает образованность общества, которая обеспечивает его дальнейшее развитие. Что касается высшей школы, нужно говорить уже не только о попутном самообразовании, сопровождающем организованную учебную деятельность, но и о целенаправленном профессиональном, которое тесно переплетено с профессиональной подготовкой. Многие студенты, обучаясь в вузе, приобретают опыт профессиональной деятельности самостоятельно, вне стен университета. Таким образом образование, связанное с опосредованной передачей социального опыта, все больше дополняется личностно значимым самообразованием, как формой непосредственного присвоения опыта.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на новые ориентиры отечественного высшего образования. Высшей ценностью и критерием оценки качества образования, согласно актуальным образовательным стандартам, является выпускник, обладающий набором компетенций как способностей к разным видам деятельности, в том числе в области самоорганизации и саморазвития. Среди факторов, которые повышают значимость самообразования для высшей школы, можно назвать также увеличение доли самостоятельной деятельности студентов, повышение ответственности обучающегося за результаты собственного образования, персонализацию, внедрение индивидуальных образовательных траекторий, изменение функций студента в образовательном процессе, его переход от исполнительской деятельности к творческой, которая сугубо индивидуальна. Нередко она является результатом самообразовательных действий.

— Каким, на ваш взгляд, должно быть стратегическое управление развитием образования?

— Очень непростой вопрос. Отмечу только основные позиции, поскольку вполне согласна с по-

Ирина Александровна Бобыкина, доктор педагогических наук, доцент. Окончила Челябинский государственный педагогический университет по специальности «Немецкий и английский языки», в 2003 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Формирование лингвосамообразовательной компетентности будущего учителя в процессе профессионально-педагогической подготовки», в 2012 году — докторскую диссертацию «Концепция формирования культуры лингвосамообразования при обучении иностранному языку в высшей школе». Победитель конкурсов грантов ЧелГУ, конкурса приоритетных проектов, направленных на реализацию программы развития ЧелГУ, конкурса на получение грантов для преподавателей магистратуры Стипендиальной программы Владимира Потанина, конкурса на поддержку социально значимых инициатив благотворительного фонда Владимира Потанина. Победитель конкурса научно-исследовательских работ студентов, аспирантов и молодых ученых Челябинской области. Исполнитель гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ. Имеет благодарность Законодательного собрания Челябинской области и почетную грамоту Министерства образования и науки Челябинской области.

ложениями, закрепленными в различных нормативных документах РФ (Конституции РФ, Законе РФ «Об образовании в РФ», Национальной доктрине образования в РФ), например, относительно всеобщности и вариативности образования, самореализации каждой личности, дальнейшего самообразования в соответствии с запросами личности и общества, признания образования как стратегического ресурса устойчивого развития страны.

С коллегами из российских вузов в ЧелГУ, 2022 год

В моем понимании, стратегическое управление развитием образования должно основываться прежде всего на признании образования социальным институтом в отличие от западноевропейского подхода как к производственной отрасли. Соответственно, оно должно быть ориентировано на человека мыслящего и творческого. Как стратегическое, управление должно предусматривать планирование развития системы образования на долгосрочную перспективу с делением на временные циклы с учетом векторов инновационного развития общества и возможностью своевременного внесения необходимых изменений. Важным считаю не допускать перманентного со-

стояния реформирования системы образования.

— Какова роль лингвистов в наше время? Как влияют сегодняшние события на их востребованность?

— Сейчас, когда мы наблюдаем увеличение объема информации и появление новых средств ее передачи, а также разнообразие форм и усложнение процессов коммуникации, лингвисты становятся все более востребованными. Во-первых, вследствие увеличения текстовых документов, появления новых образцов языка, роста баз данных возникает потребность в их анализе и изучении. А это значит, что существует объективная необходимость проведения

научных лингвистических исследований. Во-вторых, по-прежнему востребованы лингвисты экспертного уровня, осуществляющие языковедческий, лингвистический анализ в самых разных сферах, например для суда или следствия. В-третьих, на фоне развития цифрового общества все большую популярность приобретают компьютерные лингвисты, в задачи которых входит компьютерное моделирование владения естественным языком и решение прикладных задач автоматической обработки текстов и речи. Например, создание персональных помощников, голосовых ассистентов, чат-ботов, инструментов распознавания и синтеза речи, а также разработка

Выпускники факультета лингвистики и перевода ЧелГУ с деканом Л. А. Нефедовой и И. А. Бобыкиной, 2020 год

программ, способных воспроизводить когнитивную языковую деятельность человека (умение понимать на слух, читать, говорить, переводить). Это чрезвычайно важные разработки для людей с ограниченными возможностями здоровья.

— **Какую свою награду вы считаете самой значимой? Почему?**
 — Победу в конкурсе грантов Владимира Потанина на разработку программы магистратуры. Из 941 заявки экспертами были одобрены лишь 100 проектов, среди которых был и мой проект педаго-

гической магистратуры. Благодаря этой уникальной возможности в ЧелГУ ведется подготовка преподавателей иностранного языка для неязыковых вузов.

Шахматный турнир

Физици на занятиях

В

ера Геннадьевна,
вы окончили
факультет ино-
странных языков
Челябинского го-

сударственного педагогического
университета, но преподаватель-
скую деятельность начали уже
на кафедре восточных и романо-
германских языков факультета
Евразии и Востока ЧелГУ. Что
привлекло вас сюда?

— Мы услышали о том, что открылся
новый факультет, где углубленно из-
учается английский язык. Это и при-
влекло, потому что работать на фа-
культете лингвистики и перевода
поначалу не хватало амбиций или
уверенности в себе, а на других, где
язык изучается на базовом уровне,
было уже неинтересно. Поэтому
выбор пал на факультет Евразии
и Востока, на котором впоследствии
удалось поднять планку преподава-
ния английского языка до уровня,
не уступающего ведущим россий-
ским и зарубежным вузам.

— С какой целью начали изучать
языки?

— Я сама задаюсь этим вопросом
до сих пор. Думаю, что на мой выбор
оказали влияние родители, я при-
слушалась к их советам. Я поступала
в вуз в 1990 году, общество было
довольно закрытым. Люди почти
не выезжали ни с туристическими
целями, ни с целями, связанными
с работой, и английский язык был
почти мертвым, как латынь, и невос-
требуемым. Сейчас, конечно, мы
все понимаем, для чего нужны ино-
странные языки.

— Ваши родители, будучи пре-
подавателями, сделали большой
вклад в развитие ЧелГУ и воспи-
тание не одного поколения. Что
из их опыта преподавательской
деятельности вы считаете важным,
полезным для себя? Возможно, вы

В. Г. Будыкина: В любой системе образования есть свое рациональное зерно

Беседовала
Валерия
Хисамутдинова

Декан самого экзотического факультета
ЧелГУ — Евразии и Востока — Вера Геннадь-
евна Будыкина убеждена: истина всегда
посередине. Как реализуют себя сегодня
дипломаты, почему бумажные словари все
еще в цене и что нам не мешало бы перенять
у Гарварда?

отмечали какие-то приемы и подходы к обучению студентов.

— Безусловно, воздействие родителей в профессии играет роль. Мои мама и папа оказались в Челябинске только благодаря открытию ЧелГУ. Они учились в Екатеринбурге, потом какое-то время работали в Северном Казахстане, а в Челябинский университет их пригласили в 1976 году. Я с дошкольного возраста наблюдала, как к родителям приходили студенты, они проводили время вместе, изучали различные темы, обсуждали научные проблемы и новости. С первыми студентами они дружбу пронесли через всю свою жизнь. Их неравнодушие, заинтересованность и желание научить и помочь в трудных жизненных ситуациях я с детства перенимала. Это наложило отпечаток на мое отношение к студентам, к работе. Однако вместе с тем я видела, насколько тяжело быть настоящим учителем. Студенты, наука — это в первую очередь ненормированный рабочий день. Ночью родители все время работали, писали статьи, к занятиям готовились. Мне же хотелось иметь более спокойную работу, чтобы в пять часов закончить день и ничем вечером не заниматься. А вышло ровно наоборот, и я счастлива, что так получилось.

Нередко слышала людей, которые хорошо отзывались о каком-то преподавателе, потом выяснялось, что он из преподавательской династии, и тогда человек говорил: «А, все понятно». Как оказалось, преподавателя такой семьи видят издали, на себя обращают внимание интеллигентность, строгость, обязательность, чрезмерная и не всегда оправданная «правильность», не говоря уже о трудоголизме.

— Известность вашего отца, большого ученого (профессор Г. Б. Зданович — знаменитый археолог, открывший протогород Аркаим. — Примеч. ред.), его интересы мешали или помогали вам в жизни?

— Действительно, он человек очень известный, и думаю, что если бы я пошла по пути изучения археологии и истории, то этот факт оказал бы на меня большее влияние, чем получилось. Однако если говорить о его деятельности и интересах, то благодаря им закалялся характер его детей. Я с двух месяцев своей жизни находилась вместе с родителями на археологических раскопках, жила в палатках в некомфортных усло-

Вера Геннадьевна Будыкина, доцент, кандидат филологических наук. Окончила факультет иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета по специальности «Учитель английского и французского языков». В 2004 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Инверсия в нарративе литературной сказки». В настоящее время заканчивает работу над диссертацией на соискание степени доктора филологических наук на тему «Терминология высшего образования: теория и методология лексикографического описания». В ЧелГУ помимо преподавательской деятельности возглавляла кафедры управления международными образовательными программами, восточных и романо-германских языков, Британский центр Института международного образования. Член Европейской ассоциации лексикографов, член Уральской гильдии преподавателей русского языка, основатель и руководитель челябинского лингвистического клуба «Парадигма».

виях. Работала, как многие другие школьники и студенты, на раскопе, носила огромные носилки с землей. Это тяжелый труд, однако родители сразу приучали, что здесь никаких папы-мамы не существует, работаешь наравне со всеми, живешь так же — не в вагончике руководителей, а в палатках студентов. Они не забирали меня к себе, даже если начинался потоп, учили, что это пустяки и нужно учиться решать свои проблемы самостоятельно. У отца всегда была своя жизненная позиция, свои убеждения; он смело высказывал свою позицию по острым вопросам. В связи с этим у него были и недоброжелатели, и даже враги, но все эти люди, безусловно, втайне уважали его. Профессии он отдавал все свои силы, в отпуск никогда не ходил, работал по ночам.

Как я уже говорила, в Челябинске родители оказались по приглашению только что открывшегося

Челябинского государственного университета, и он стал для них обоим единственным местом работы. После открытия и спасения Аркаима отцу часто приходили предложения по работе от ведущих вузов страны, но он всегда был верен ЧелГУ и не рассматривал другие возможности даже на условиях совместительства или частичной занятости. Если бы не его усилия, напористость и настоящая битва в Москве за сохранение Аркаима, древний город ушел бы под землю и мы никогда не узнали бы о том, как жили наши далекие предки. Деньги никогда не были для него чем-то важным, годами зарплата тратилась на расходы экспедиций — они всегда плохо финансировались, не хватало продуктов, оборудования. И здесь всегда выручали семейные сбережения. Безусловно, главные качества отца, которые мне запомнились, — это интеллигентность, желание и возможность взахлеб рассказывать о своем любимом деле и увлекать за собой других.

— Вы работаете на факультете Евразии и Востока с 2000 года. Как он изменился за это время?

— Оброс большим количеством связей и традиций. Вначале тяжелое бремя по их формированию легло на основателя факультета Галину Владимировну Сачко. Сейчас мы стараемся их поддерживать: проводить конференции, развивать образовательные программы, налаживать и укреплять международное сотрудничество.

Мне очень импонирует, что факультет небольшой, для воспитания и обучения подрастающего поколения это большой бонус. Я работала в крупной организации, и там бывает, что фамилии студентов не успеваешь запомнить, слишком много людей. У нас же есть возможность наблюдать за каждым студентом. Ребятам-первокурсникам бывает тяжело адаптироваться в вузе после десяти школьных лет, проведенных в одном коллективе. Когда их мало, каждый на виду, у нас есть возможность включиться эмоционально, помочь психологически, а также подобрать индивидуальный подход к развитию учебной и научной траектории. Например, есть некий перечень тем курсовых и дипломных работ, который мы осваиваем. Но если студент интересуется чем-то вне этого списка, всегда есть

Незабываемая стажировка в Гарварде

возможность предложить то научное направление, которое будет ему интересно. Мы активно работаем со школами, делаем вложения в человеческий капитал — наших преподавателей и сотрудников, ведем международную деятельность. У нас очень обширные связи с восточными странами, а также с Нидерландами, Испанией и другими государствами. Для ребят это важно — бесплатно посещать лекции и обучаться в стране, с которыми мы сотрудничаем. Это взаимообогащает и интеллектуально, и культурно.

— Какова роль у факультета была тогда и какова она сейчас?

— Востоковедение как основное направление подготовки на нашем факультете всегда было и остается элитным, не массовым направлени-

ем подготовки. Наши уникальные специалисты-востоковеды всегда были востребованы на рынке труда не только в РФ, но и во многих зарубежных странах. За этим стоит уникальность преподавательского состава, их опыт по разработке учебных планов и программ дисциплин, их кропотливый труд по подбору мест прохождения практик, организации сотрудничества с вузами восточных стран — все это создает крепкую базу для подготовки специалистов такого высокого уровня. Не думаю, что за период существования факультета его роль существенно изменилась, но мне думается, что это может произойти в самое ближайшее время в связи со значительными изменениями, происходящими на мировой политической арене. Эта роль станет более значимой и ответственной: Россия

давно смотрит на Восток, но сейчас она делает это как никогда пристально.

— Корректировались ли цели обучения?

— Безусловно, цели корректируются почти ежегодно в связи с изменениями геополитической ситуации; проводится мониторинг потребностей рынка труда в специалистах по тому или иному региону. Так, турецкое направление подготовки в течение многих лет было очень популярным, затем произошел резкий спад спроса на этих специалистов, соответственно, набор на эту специализацию был остановлен. В следующем году мы планируем его возобновить. Однако основная задача остается неизменной: подготовка бакалавров зарубежного регионоведения / международных отношений со знанием двух иностранных языков: восточного и европейского. Стоит отметить, что роль специалистов-международников также возрастет в связи с необходимостью выстраивания отношений между странами в условиях новой реальности. Отмечу и нашу классическую программу по философии. Поистине вечные ценности! Приходите и познавайте мир с нашими умудренными опытом преподавателями-философами, и они научат вас быть счастливыми. Это совсем немало, согласитесь.

— Какие новые программы вводятся?

— Два года назад мы разработали учебный план по новому направлению подготовки по международным отношениям: «Межкультурное взаимодействие со странами Южной и Северной Америки» с углубленным изучением английского и испанского языков. В программе сохраняется костяк из дисциплин международного блока: основы международной дипломатии, мировая политика; включен объемный блок по странам специализации: внешняя политика стран Южной и Северной Америки, социально-экономическое развитие этих стран, их культура, география, право и т. д. Чертой, отличающей нашу программу от других программ со схожим, на первый взгляд, названием, является ее лингвистическая направленность — более 50% дисциплин посвящены изучению иностранных языков либо читаются на английском языке. Отличный

уровень языковой подготовки и возможность работать в том числе в должности переводчика будут вам обеспечены!

— **Какими проектами обогатился факультет?**

— В настоящее время мы реализуем большое количество проектов. Это и проекты в области профориентационной деятельности, такие как открытие школ востоковедения в учебных заведениях Челябинска, летних и зимних школ востоковедения и дипломатии. Это также совместные студенческие проекты:

проведение совместных уроков со студентами Южной Кореи, Китая, некоторых европейских стран. Важной составляющей нашей работы являются научные проекты, совместно проводимые с партнерами из Японии, Южной Кореи, Испании; проведение международных научных конференций и многое другое.

— **Изменились ли поступающие к вам?**

— В целом абитуриент стал слабее, и это отмечают представители всех факультетов. В значительной степени на снижение среднего уровня

школьников повлияли пандемия коронавируса и переход на дистанционное обучение. Однако каждый год к нам приходят настоящие звездочки: сильные студенты с сильной гражданской позицией, высоким уровнем образования и увлеченности своим новым делом, а самое главное — с огромным желанием учиться, творить и достигать новых вершин. И никакая эпидемия им не помеха. Мы всегда будем делать все возможное для их всесторонней реализации на факультете, а по окончании будем говорить, что это выпускник факультета Евразии и Востока и наша большая гордость!

— **Факультет Евразии и Востока сложно представить без взаимодействия с иностранными коллегами. Как международное сотрудничество выстраивается в сегодняшних реалиях?**

— У Китая хорошие отношения с Российской Федерацией. Совместные гранты, программы продолжают работать в том же режиме. Мы ждем, что Китай откроет границы и наши ребята смогут вновь обучаться там очно. У нас давно развивается корейское направление, за последние годы ЧелГУ неоднократно посетил профессор Кон Ен Чоль — директор Центра корееведения в Казанском федеральном университете. Он способствует продвижению корейского языка и корейской культуры в российских вузах. Отношения между странами сейчас действительно непростые. Но, насколько я понимаю современную ситуацию, руководство Южной Кореи считает, что образование и наука должны быть вне политики, и продолжает реализацию совместных образовательных и научных проектов.

— **В сфере ваших научных интересов важное место занимает лексикография, вы даже выпустили два англо-русских словаря терминов высшего образования. Насколько сегодня актуальна эта наука?**

— Безусловно, она актуальна, потому что международная коммуникация и сотрудничество продолжают развиваться. Единственное, о чем говорят в современной лингвистической науке, — устаревает сама форма печатного словаря. Очень много существует исследований об эффективности печатного и электронного словаря, и многие ученые склоняются в сторону того, что электронные словари более удобны

и современны, позволяют быстрее найти искомое слово. В то же время есть ряд исследований, которые подтверждают большую эффективность изучения языков при помощи печатных словарей. В ходе исследований создавались группы по сто человек примерно с одинаковым уровнем знания иностранного языка. Студентам предлагалось сделать перевод, одна группа работала с электронными словарями, другая — с печатными. Ребята перевели совершенно новую для себя лексику. Результаты показали, что у тех, кто пользовался печатными словарями, более высокий уровень запоминания слов. В электронном словаре ты начал вбивать слово, словарь быстро предложил какие-то варианты, ты даже не допечатал, выбрал, посмотрел и так же быстро забыл. Когда мы пользуемся печатным словарем, идет прочитывание других слов, потом мы находим искомое слово, читаем словарную статью. На выходе эти ребята запомнили больше слов, чем те, что были в первой группе. Идея создания моего словаря родилась так. В начале двухтысячных Россия присоединилась к Болонской системе, мы стали изучать системы высшего образования в других странах и столкнулись с тем, что элементарно не понимаем слова, которые используются в ходе организации учебного процесса. Сейчас мы знаем, что значит «зачетная единица», или credit. Тогда ни в одном словаре это слово найти было невозможно. Нам коллеги присылали документацию, и мы никак не могли разобраться, потому что у нас «часы», а у них какие-то credits. На тот момент я работала директором Британского центра в ЧелГУ, отвечала за международное сотрудничество с англоязычными странами. Мы разрабатывали двойные дипломы с Вестминстерским университетом (Великобритания), Арнемской бизнес-школой в Голландии, начали сопоставлять терминологию, учебные планы. Я на собственном опыте, без помощи словарей, узнавала новые слова из европейской системы образования. Возникла идея этот опыт распространить и познакомить коллег с тем, что удалось узнать. Потом я получила грант Фулбрайт и приглашение из Гарвардского университета продолжить работу над словарем. Там работал Джон Уильямс Коллинз III, автор уже много раз переизданного словаря The Greenwood Dictionary of Education. Это

Выпускной факультета Евразии и Востока, 2021 год

толковый словарь по терминологии образования в США. Благодаря этому гранту я получила возможность почти четыре месяца находиться в Гарвардском университете. У меня был доступ ко всем 90 библиотекам университета и всем мировым электронным базам данных, это позволило выполнить более объемную и качественную работу. Недавно я выпустила глоссарий терминов должностей и академических званий в помощь для перевода визитных карточек, представления себя на конференциях. Системы неодинаковы, и бывает непонятно, тот же статус имеет зарубежный коллега или он отличается от статуса нашей системы. Это направление до сих пор очень актуально. Мы на факультете начали работу по созданию подобных словарей на материале корейского и китайского языков. Думаю, пойдем и дальше: и японский, и арабский языки тоже станут частью нашего проекта по терминологии глобального образования. Есть студенты, которые уже получили гранты и помогают при создании этих словарей. Сейчас корейско-русский глоссарий уже готов, мы надеемся в этом году его издать. Эта ниша абсолютна не занята. Есть словари с общей лексикой, но словарей по узким темам очень мало, тем более в области образования. Если их нет даже на материале английского языка, на материале корейского они точно отсутствуют.

— **Какой опыт вы вынесли из стажировки в Гарварде?**

— Для меня этот опыт был уникальным. Профессор археологии Гарвардского университета, с которым в свое время работали мои родители, сказал интересную фразу, что пребывание в Гарвардском университете в течение четырех месяцев — это sample, проба. Невозможно увидеть Гарвард за такое время. Меня удивило, насколько уважительно там относятся к труду преподавателя. Профессор должен заниматься только своим делом в соответствии со своей квалификацией: он не пишет рабочие программы, только ядро — то, что он будет читать студентам. Мне посчастливилось прослушать курс по лингвистике Кэтрин Сноу, соавтора Джона Коллинза. На занятии, кроме студентов, присутствуют три человека: непосредственно профессор, который читает лекцию, технический ассистент, показывающий слайды, настраивающий звук и так далее, и аспирант, помогающий оценивать вопросы, заданные студентами. Он же проверяет домашние задания, ведет журналы успеваемости и посещаемости, выставляет оценки за работу на семинарах. Еще одна особенность Гарварда — почти каждый день там проводятся встречи, куда могут приходиться студенты и преподаватели любых факультетов, конгрессмены, писатели и даже президенты США. Проводятся проблемные семинары на социальные темы. Например, по обучению студентов с ограниченными возможностями здоровья. Или по вопросу, нужно ли учитывать

Археолог Г. Б. Зданович

У Международная научная конференция «Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью». ЧелГУ, 2022 год

национальность абитуриента при поступлении. Интересно было наблюдать столкновения противоположных взглядов председателей приемных комиссий из разных университетов, которые на одном из семинаров пытались натолкнуть слушателей на борьбу со стереотипами: вы пришли убежденными, а уходите вы с такими же убеждениями или поменяли свою позицию? Одна из позиций была однозначна: все равны и важно, как студент сдал экзамен и показал себя на собеседовании. Вторая точка зрения была интересная. Профессор приводила пример: осталось два места на курсе, на него претендуют три студента — двое белых и один афроамериканец. У одного белого очень высокие баллы, второй тоже показал хороший результат, а афроамериканец набрал гораздо меньше. Идет разговор с аудиторией. Слышится реплика: «Берите двух первых». Председатель приемной комиссии отвечает: нет, я возьму первого и третьего, и не потому, что я пытаюсь избежать обвинений в расизме. Дело в том, что истина рождается во время дискуссии. Если у меня на семинаре сидят двое белых, это примерно одинаковые люди с точки зрения дохода и уровня жизни, у них обоих высокие результаты экзаменов. О чем они будут спорить?

А вот когда будут спорить белый из высших слоев общества и афроамериканец, имеющий не такие высокие баллы и низкие доходы, но при этом у него совершенно другая генетическая память, другое отношение к жизни, вот тогда они на семинаре столкнутся. И вот только тогда будет рождена истина. Меня иногда упрекают, что, работая на факультете Евразии и Востока, нужно следовать прежде всего восточным традициям. Я не считаю, что американская и европейская системы образования идеальны, но в любой системе мира есть рациональное зерно, которое можно заимствовать для улучшения собственной системы. Что-то я беру на вооружение, рассказываю студентам. Я думаю, что это ломает их стереотипы, помогает развиваться. У нас образование более теоретизированное, мы даем очень сильную теоретическую базу. Это неплохо, но иногда, возможно, нам не хватает отработки практических навыков. Европейская система излишне практико-ориентированная: у них теории мало, ее студент изучает самостоятельно. Преподаватель дает некие задания, которые вы должны сначала с теоретической точки зрения рассмотреть, а потом выполнить некий кейс, проект. Мне показалось, что идеал находится где-то посере-

дине — между нашей системой образования и западными системами.

— На кого вы равняетесь сегодня?

— В последнее время задумываюсь, какими качествами должен обладать успешный в своей профессии человек. Передо мной нет персоналии с конкретным именем. Мне кажется, успешный человек, которым я хочу быть и, надеюсь, являюсь, — это человек, неравнодушный к тому, что происходит. Мне всегда интересны новые проекты, я никогда не сижу на месте, ни одной минуты. У меня всегда планы, мне всегда что-то нужно. И работать могу только с такими же людьми. Неважно, какая у вас будет зарплата, какая должность — если у вас будет желание созидать, быть впереди, тогда вы будете успешными в своей деятельности. И, наверное, одно из самых важных качеств — это самомотивация. Я всегда жестко себя мотивирую. Если я запланировала сегодня закончить статью, то никогда не позволю себе закончить ее завтра. И не потому, что кто-то ожидает от меня этого результата — это мое решение, и я никогда не изменю его, как бы тяжело ни было. Наверное, это те качества, которые я переняла от своих родителей.

Строительные отряды

Кафедра математического анализа

А

лександр Владимирович, из какой вы семьи?

— Мой отец — военный врач-невропатолог,

мама — фармацевт. В свое время семью мамы выслали на север Урала как семью кулаков, она чудом выжила в те страшные годы. Мы были типичной семьей военнослужащего — мотались по всей стране: жили и на Камчатке, и в Семипалатинске, а в итоге осели в Свердловске. Интересно, что по папиной линии мы родственники Павла Петровича Бажова. В детстве я много общался с внуком знаменитого уральского писателя Никитой, он жил с родителями неподалеку, на Чапаева, 11. Сейчас там дом-музей писателя. А потом я по примеру своего кузена поступил на экономический факультет.

— **Поступили в университет легко?**

— В школе я учился увлеченно, хотя отличником не был никогда. Учителя по математике, химии, истории, русскому языку и литературе у нас были замечательные. Я с удовольствием посещал литературный кружок, где мы горячо обсуждали произведения собственного сочинения — стихи, рассказы. До сих пор хорошо помню вечер, посвященный Лермонтову. Я в то время увлекался изобразительным искусством и рассказывал однокашникам о рисунках поэта. Заканчивал школу в год, когда конкурс в вузы был очень большим: в связи с реформой образования выпускными были и 10-й, и 11-й классы. На специальность «Планирование промышленности», которую я избрал для себя, конкурс был аж 16 человек на место. Попал только на вечернее отделение, однако после успешной сдачи первой сессии перевелся на дневное.

А. В. Горшков: Мыслить экономически — значит видеть перспективу

Беседовала
Наталья Чанова

Вспоминая былое, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета Александр Владимирович Горшков делится своими мыслями о подготовке современных экономистов и о будущем любимого вуза.

— **Чем был обусловлен ваш выбор вуза и профессии?**

— На меня произвела сильное впечатление косыгинская реформа 1964 года, которая позволяла предприятиям работать более эффективно. На нее вообще возлагали большие надежды, много говорили об этом. Вот и меня увлекло, и я решил поступать на экономический факультет. К тому же, как я уже сказал, сыграл свою роль пример моего старшего товарища Никиты. Он, тогда уже студент экономического факультета, так интересно рассказывал об университетских преподавателях и студенческой жизни, что я заранее был очарован своим будущим. А вот о том, где буду работать по окончании вуза, если честно, даже не думал тогда.

— **В Уральский лесотехнический институт вы попали по распределению?**

— Да. Обычно выпускников распределяли по предприятиям, но я попал на кафедру политэкономии лесотехнического института. Там я работал до 1980 года, десять лет. Прошел аспирантуру в Инсти-

туте экономики УрО РАН, защитил кандидатскую диссертацию. Так что на научно-педагогическую деятельность я был ориентирован изначально. Вел семинары, читал лекции по политэкономии, а кроме того, был секретарем парткома. Тем временем мою жену пригласили читать лекции по планированию народного хозяйства в новом на тот момент Челябинском госуниверситете. А спустя какое-то время из ЧелГУ нам обоим поступило заманчивое приглашение переехать в Челябинск, здесь нам давали квартиру.

— **С какими еще обстоятельствами был связан ваш переход в ЧелГУ, на экономический факультет?**

— Наташа (супруга, Наталья Львовна Горшкова — кандидат экономических наук, доцент ЧелГУ с 1980 по 1995 год. — Примеч. ред.) стала преподавать на кафедре экономики труда, а я — на кафедре экономики под руководством Владимира Никифоровича Белкина. Жили и работали очень дружно. Деканом был Роберт Валеевич Салыев — очень

интересный человек, он писал замечательные стихи. После его смерти мы выпустили сборник сочинений. У нас на кафедре вообще было немало творческих людей, увлеченных искусством. Владимир Никифорович Белкин великолепно пел, я читал стихи. Помню, как-то у нас было творческое состязание между факультетами, и я там получил приз зрительских симпатий — читал моего любимого Маяковского «Хорошее отношение к лошадям». Так что занимались мы не только наукой!

— **Экономическое образование по специальности «Планирование промышленности» вы получили в СССР, в 70-е годы XX века. Но однажды экономические реалии резко изменились. Как вы себя ощущали как профессионал в конце 80-х, в 90-е годы?**

— Я всегда следил за новой литературой, касающейся рыночной экономики. Постепенно появились и свои мысли, которыми охотно делился на лекциях со студентами. Но знания, полученные в советские годы, безусловно, пригодились.

Я получил основательное, качественное высшее образование и до сих пор благодарен своим преподавателям, в том числе по политэкономии капитализма, по истории экономической мысли. Свою дипломную работу я писал по науковедению, причем в Москве, на базе Физического института АН СССР, того самого, где работал академик А. Д. Сахаров. Кстати, именно там мы сблизились с моей будущей супругой. Ее тема была связана с организацией опытного производства, моя — с планированием фундаментальных исследований. Прекрасное было время: мы молодые, влюблены и оба защищаемся на отлично!

— **Тематика, связанная с планированием научных исследований, стала вашей надолго?**

— Да. Поначалу рассмотрение науки как формы производства было новым направлением, и на нас порой смотрели как на сумасшедших. Тем не менее именно эта проблематика стала основной на протяжении всей моей дальнейшей профессиональной жизни. «Совокупный работник науки и особенности его воспроизводства» — так звучит тема моей докторской диссертации. Кандидатская тоже была связана с науковедением. Эту работу я делал на базе «Уралмаша», отслеживая подготовку научных кадров и их распределение по областям Урала в течение 10 лет.

— **В 90-е годы было модно учиться на юриста и экономиста. Результат — на рынок труда вышло слишком много невостребованных специалистов. Как вы относились к этой ситуации тогда и сейчас?**

— Действительно, эта ситуация сильно отразилась на качестве подготовки специалистов. Тогда на волне моды экономистов и юристов, причем порой выдавая два диплома одновременно, стали готовить частные вузы. Я всегда относился к этому отрицательно. По-настоящему качественное образование возможно только в государственных вузах. И напротив, образование, где в приоритете получение прибыли, априори не может быть хорошим. Думаю, свою пагубную роль сыграла и система ЕГЭ. Сегодня школьникам не столько пытаются дать базовое образование, сколько стремятся натаскать

С экс-деканом экономического факультета Т. А. Верещагиной, Амстердам, 1995 год

их на сдачу тестов. Я начинал работать в вузе в 80-е годы, и именно в то время уровень подготовки абитуриентов был достойным. Потом ситуация стала меняться в худшую сторону. Стало сложнее работать с дипломниками. Заметно, что они читают мало экономической литературы, да и вообще мало читают. Но я всегда старался расшевелить студентов, например, предлагая им написать эссе на заданную тему.

— **В 1995 году вы, уже будучи профессором кафедры экономи-**

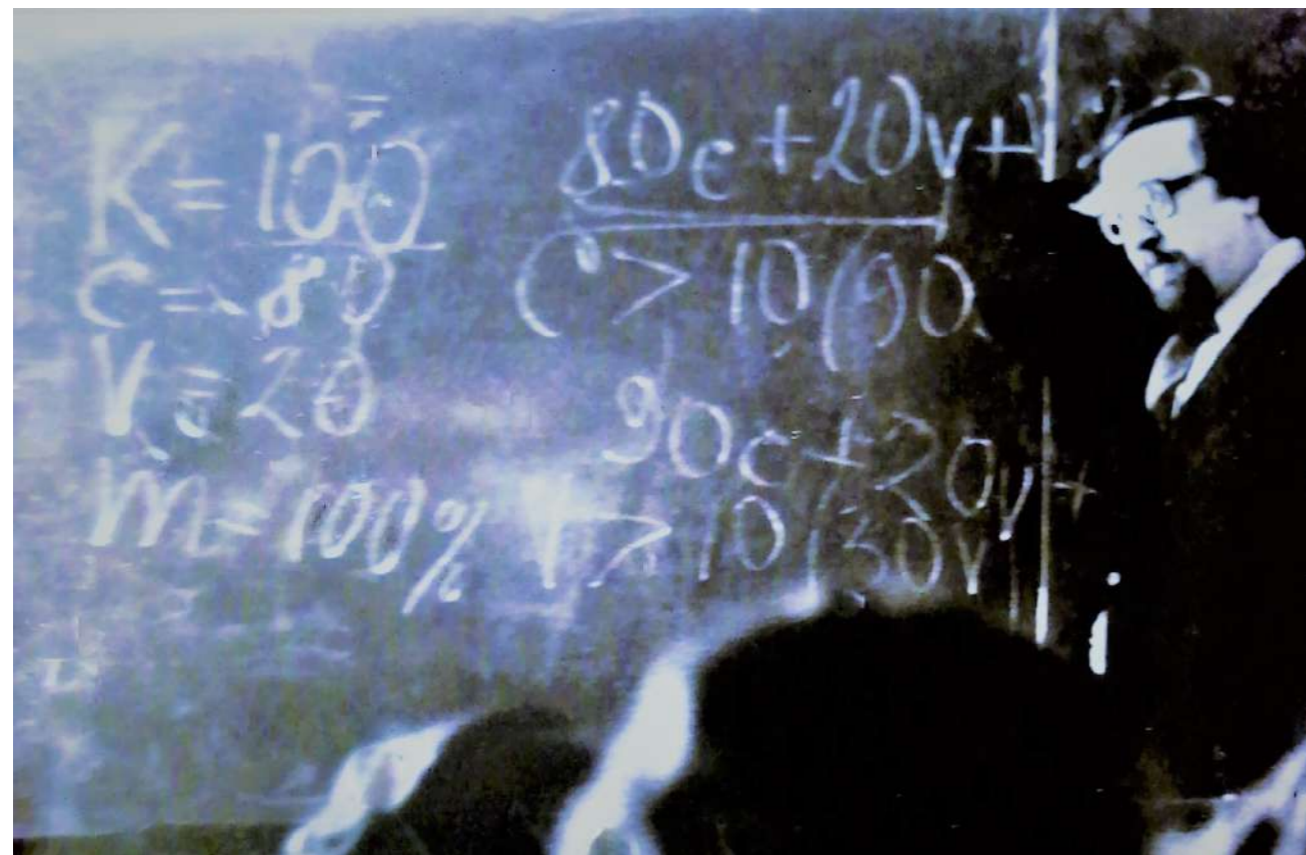
ческой теории ЧелГУ, проходили стажировку в Амстердамском университете. Каким было в те годы международное образовательное и научное сотрудничество?

— Это был очень поучительный опыт. По итогам поездки я написал две статьи о том, как готовят экономистов в Амстердамском университете. Познакомился со многими интересными людьми — например, с Майклом Эллманом, который входил в пятерку европейских советологов. Он хорошо знал русский язык, и мы много и плодотворно общались. В университете Эллман читал курс под названием «Перестройка или катастрофа». Помню его провидческие слова: «У вас была система, и вы ее сломали, а сейчас строите новое на обломках. А надо было взять лучшее». Очень мудрый человек!

Любопытно в Нидерландах проходила защита диссертаций, очень просто и безо всякой волокиты: дают слово соискателю, затем его научному руководителю. Потом комиссия уходит на совещание и возвращается с решением о присвоении степени. Тут же вручают красивый диплом.

Ну и, конечно, стажировка запомнилась насыщенной культурной программой. В Амстердаме последняя репетиция симфонического оркестра перед премьерой всегда

А. В. Горшков на лекции

открытая и бесплатная для всех. Конечно, я воспользовался этой возможностью, помимо того что посетил практически все известные музеи города.

— Ваши научные работы отличаются разнообразием тематик. Экономическая и деловая культура, противоречия в российской экономике, природа интеллектуальной собственности... А какие темы сегодня для вас на первом плане?

— Последнее время я активно занимался проблемами методологии экономической науки. Как, с каких позиций изучать экономику — тема сложная и пока недостаточно разработанная. Порой вопросы по методологии исследования ставят в тупик даже на защите диссертаций. С методологии соискатели пересказывают на методы исследования, а это не одно и то же.

Что касается других тем, которые вы назвали, отмечу, что всегда стараюсь по-новому взглянуть на проблему, не застревая на том, что уже сказано раньше. Говорят, мою книгу «Экономика России вчера, сегодня, завтра» до сих пор читают с интересом, в том числе молодое поколение экономистов. Это очень приятно.

С супругой Натальей

— В 2004 году вы были назначены председателем совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата экономических наук и возглавляли его в течение 10 лет. Что вам дала эта работа?

— Прежде всего эта работа представляла мне возможность взглянуть со стороны на качество подготовки соискателей в разных вузах. Кроме того, думаю, что именно на этом поприще я внес наибольший вклад в развитие экономического факультета ЧелГУ, поскольку к нам стали приезжать на защиту специалисты из других городов — Свердловска, Кургана, Тюмени, Оренбурга...

Всегда старался оказывать помощь соискателям в реализации их амбиций, чтобы не было никаких ЧП непосредственно на самой защите. Но, подчеркну, все защиты у нас всегда проходили строго и объективно.

— Под вашим руководством защищено более 20 кандидатских и одна докторская диссертация. Есть ли у вас любимые ученики?

— Есть, и немало! Хочу назвать Наталью Торгай, которая сделала прекрасное инновационное исследование по экономической безопасности домашнего хозяйства. К сожалению, она рано ушла

из жизни. Одна из моих учениц, Екатерина Попова, будучи программистом по базовому образованию, написала отличную диссертацию об эволюции платежных систем в рыночной экономике. Я выступил консультантом при написании докторской диссертации Елены Алексеевны Неживенко, она сейчас работает у нас на кафедре.

— Какие направления подготовки экономистов вы считаете наиболее актуальными сегодня?

— Считаю, надо учить студентов диалектическому мышлению, чтобы они умели рассматривать процессы системно, через противоречия. Сегодня я часто сталкиваюсь со слабым экономическим мышлением. Нужно учить видеть перспективу, мыслить экономически, а не жить только сегодняшним днем. Не случайно с аспирантами я занимался изучением «Капитала» Маркса. Сегодня его не очень жалуют, а ведь как раз сейчас наша экономика развивается по Марксу. Экономические кризисы, инфляция — все это актуально и ничуть не устарело.

— Какая трансформация нужна сегодня экономическому факультету ЧелГУ, с вашей точки зрения?

День выпускника экономического факультета, 2014 год

— На мой взгляд, надо объединить факультет управления с экономическим факультетом, тем более что связи давно налажены. Символично, что факультет управления ЧелГУ сегодня возглавляет Сергей Александрович Головихин, самый первый соискатель нашего диссертационного совета. Думаю, нужно давать студентам больше фундаментальной подготовки, не забывая, конечно, и прикладные дисциплины. А фундаментальная наука — это прежде всего деятельность кафедры политэкономии. Сейчас ее переименовали в кафедру экономической теории и регионального развития, по сути, соединив то, что нельзя соединять. Убежден, кафедра экономической теории должна быть

отдельным структурным подразделением.

— Александр Владимирович, у вас большая домашняя библиотека. Что вы читаете для души?

— Действительно, книги — это моя давняя страсть. Не понимаю, как можно читать их в цифровом формате. Я собираю книги по истории разведки и контрразведки, люблю мемуарную литературу, произведения о театре. Интересуюсь режиссурой, потому что считаю преподавание театром одного актера. Нужно уметь так подать материал, чтобы студенты сидели открыв рты. У меня много альбомов по искусству. Читаю и художественную литературу, в том числе детективы. Пери-

одически перечитываю классику. Например, у Чехова мои любимые рассказы — «Дама с собачкой» и «Скучная история», о стареющем профессоре.

— Остались ли у вас сегодня друзья в ЧелГУ?

— Конечно! Сегодня чаще всего общаюсь с Валентином Владимировичем Седовым, его я пригласил в ЧелГУ в свое время из лесотехнического института, когда начал работать над докторской и нужно было найти себе замену как преподавателю. Другой мой близкий друг — Леонид Михайлович Анохин. А вообще стараюсь поддерживать контакты со всеми коллегами из ЧелГУ и не только.

Кафедра истории СССР

Доцент кафедры русского языка А. А. Панова и декан филологического факультета Г. Я. Шишмаренкова, 1992 год

В

2020 году вы отмечали, что альтернативная энергетика долгое время считалась «игрушкой». Сейчас мировой тренд изменился, однако в России доля такой энергетики в экономике по-прежнему невелика. Как изменить подобное «несерьезное» восприятие альтернативной экономики в обществе?

— Сфера моих научных интересов — зеленая экономика, а ее стержень — низкоуглеродная энергетика. Я всегда говорю, что если мы сможем перейти на низкоуглеродные источники энергии, то фактически на две трети построим зеленую экономику. Почему в нашей стране так долго несерьезно к этому относились — понятно. У нас очень богатый запас углеводородов, казалось, что его хватит на достаточно длительный период. Перелом сознания произошел в 2020 году. Это было связано с пандемией, когда цены на нефть внезапно и резко пошли вниз. Крупные страны: государства Европейского Союза, Китай, Соединенные Штаты Америки — заявили о переходе на низкоуглеродные источники энергии к 2050—2060 годам. Что необходимо сделать России? Почему в других странах эти технологии так развиваются, а у нас — нет? Там происходит субсидирование низкоуглеродной энергии. У всех есть понимание того, что в будущем она будет не только чистой, но и дешевой. Пока складывается такая ситуация, что цена ее чуть-чуть выше, чем у традиционных источников энергии. Поэтому в странах, где пытаются развивать альтернативную энергетику, создается специальный тариф. Производители традиционной энергии фактически доплачивают производителям альтернативной

Д. Ю. Двинин: Нужно ставить цели, мечтать, иначе вы ничего не добьетесь

Беседовала
Валерия
Хисамутдинова

Людам необходимо развивать экологическое самосознание — так считает доцент кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии ЧелГУ Дмитрий Юрьевич Двинин. Он рассказал о построении зеленой экономики, необходимых навыках современного эколога и о романтике в науке.

На полевой практике

энергии, чтобы потребитель не видел разницу в цене киловатта в час. У нас, к сожалению, этот механизм не появился в последние годы. Но в 2020 году начался разговор, что и у нас нужно вводить зеленый тариф. Я надеюсь, это подстегнет развитие альтернативных источников энергии.

— Какие шаги предпринимаются в Челябинской области для перехода к «зеленой» экономике?

— В Челябинской области экологическая ситуация достаточно проблемная. К сожалению, альтернативных источников энергии практически нет. Есть небольшое количество старых малых гидроэлектростанций, которые условно можно назвать альтернативной энергией, и все. Единственное, в чем мы преуспели, — создается более современная система обращения с отходами. Года до 2015-го у нас был страх и ужас, здесь существовал даже не полигон, а свалка в центре города. Сейчас она, к счастью, рекультивирована. Дел много. Челябинская область пока на нулевом этапе перехода. Зеленая экономика — это множест-

во сфер. В первую очередь необходимо внедрить низкоуглеродные источники энергии, во вторую — ответственное обращение с отходами. Нужно также формирование экологического сознания людей, развитие электротранспорта. Ситуация с транспортом стала немного улучшаться: появились новые автобусы, которые работают на газе. Реализуется проект метротрама.

— В последние годы виден тренд на осознанное, не вредящее природе поведение: сортировать

отходы, носить продукты в тканевых мешочках, не мусорить на природе. Способны ли подобные частные действия повлиять на экологию или без глобальной перестройки экономики все бесполезно?

— Экономика формируется самими людьми, она связана с психологией. У меня есть определенная уверенность, что если сознание людей не изменится, не станет более экологичным, то никакими запретами эту проблему мы решить не сможем.

Дмитрий Юрьевич Двинин, кандидат экономических наук, доцент. Окончил Челябинский государственный университет по специальности «Природопользование», в 2015 году защитил диссертацию на тему «Управленческий инструментальный ресурсосбережения в системе экологического менеджмента региона». Член Российского общества экологической экономики, общественного совета федерального проекта «Зеленая экономика». Руководитель и исполнитель грантов РФФИ, гранта РНФ, научно-исследовательских госконтрактов с Министерством экологии Челябинской области. Победитель грантового конкурса среди преподавателей магистратуры благотворительного фонда В. Потанина. Награжден почетной грамотой Министерства экологии Челябинской области, благодарностью губернатора Челябинской области.

Что такое ответственное потребление? Например, это выбор товаров, которые получают экологическую маркировку. Они могут стоить чуть дороже, но мы идем за ними, понимая, что это наш вклад в охрану окружающей среды. У нас многие любят говорить: металлургические компании дымят, кто-то должен их заставить перестать. А кто покупает металл? Мы сами и покупаем, даем им деньги. Если они будут так же маркировать товары, а мы — выбирать более экологичный металл, конечно, ситуация начнет меняться. Должно быть непрерывное экологическое образование, начиная с детского сада и обучения маленьких детей и заканчивая высшими учебными заведениями. Есть определенные проблемы с тем, как правильно построить курс по экологии. Иногда упор бывает на биологическую компоненту, прочие узкоспециализированные сферы. А рассказывать надо о том, что у нас стоит вопрос выживания человечества. Моделирование показывает, что если мы не изменим ситуацию, то к 2100 году нас ждут серьезные катаклизмы. Мы видим, что они случаются уже сейчас, это связано с глобальным потеплением.

— Вы разработали новый учебный курс «Низкоуглеродное развитие экономики региона».

В аннотации к учебному пособию «Практикум по низкоуглеродному развитию экономики» говорится о новом междисциплинарном исследовательском инструментарии, который должны освоить студенты. В чем его особенности? Чем будут отличаться студенты, прошедшие этот курс, от студентов прошлых поколений?
— Инструментарий связан с тем, что затрагиваются сразу несколько дисциплин. Это, конечно, и экология, проблемы сохранения экологического баланса. Это и вопросы экономики: как нам стимулировать развитие низкоуглеродной энергетики? Это и менеджмент: как построить систему управления охраной окружающей среды на уровне региона или даже отдельного предприятия? Есть и немного математики. Сложно сказать, каким из специальностей этот курс подойдет больше. Охраной окружающей среды занимается комплексный специалист. Это непростая работа — знать огромное количество сфер: право, экономику, биологию, географию, непосредственно экологию. К сожалению, зачастую оплата труда экологов пока не такая высокая.

— В 2021 году вы комментировали создание научного климатического центра в Красноярске

и отмечали, что в Челябинской области это направление исследований не развито. Что мог бы дать такой центр региону?
— Климатические изменения уже идут. Сейчас в Европе стоит жара, где-то приходят более сильные тайфуны. Вопрос заключается в том, как эти климатические изменения отразятся на нашем регионе, а они обязательно отразятся. Пока мы можем только предполагать последствия. Например, у нас может обостриться ситуация с водой. Регион вододефицитный. Если произойдут климатические изменения, он станет более засушливым. Как решать эти проблемы? Когда воды будет не хватать, будет уже поздно. Решение нужно принимать сейчас, а для этого необходимы исследования. Такой центр должен заниматься этими исследованиями, чтобы мы понимали, как в будущем, на десятилетия вперед, мы будем реагировать на процессы, которые не сможем остановить.

— Ученые факультета активно разрабатывают новые экологические технологии. Участвуют ли студенты в разработке?
— Да, студенты участвуют в разработке — это особенность факультета. Все курсовые и дипломные работы у нас индивидуальные. Зачастую на практике студенты

находят места работы, соответственно, сразу же ведут исследования в этом направлении, хотя внести вклад в дело будущего работодателя.
Сейчас на факультете ведутся исследования в рамках грантов Российского научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, работы с Министерством экологии Челябинской области. По мере возможности мы привлекаем к ним студентов. Например, с министерством мы постоянно занимаемся мониторингом озер. Необходимо брать пробы, проводить химический анализ, следить за динамикой: ухудшается или улучшается ситуация, почему так происходит. Есть озера, где немного улучшилась ситуация с химическим составом, например Тургойск. Но везде отмечается проблема обмеления. Воды становится все меньше.

— Есть ощущение, что экологические проблемы обостряются со скоростью, которую раньше человечество не видело. Что на факультете делается для подготовки специалистов, способных по-настоящему отвечать на эти вызовы?
— Мы стараемся сформировать именно таких студентов. Это процесс непростой. Такая специальность, как экология, фактически возникла лет 20—25 назад. У нас нет таких фундаментальных учебников, как, например, курс Лифшица и Ландау у физиков. По моему мнению, с каждым годом студенты получают все лучшее образование,

В кратере вулкана Горелый на Камчатке

преподаватели сами адаптируют информацию. Надо давать более практические знания в области экономики, управления. Нужно понимать не только то, что есть экологические проблемы, но и то, как их решать. Для этого необходимо развивать управленческие навыки.

— Какие абитуриенты приходят на факультет экологии ЧелГУ?
— Идут целеустремленные ребята, потому что для поступления необходим уникальный ЕГЭ — по географии. Его сдают меньше всего абитуриентов в стране. Те, кто его проходят, уже нацелены стать экологами. Из-за этого конкурс, конечно, значительно меньше, чем

на других факультетах, но зато прошедшие ребята уже в школе выбрали эту специальность и поступили не случайно. И, наверное, все наши студенты любят природу. У нас проходят полевые практики с выездами — то в Аркаим, то на озеро Малое Миассово. Студенты в палатках живут — такая романтика природы.

— Вы занимаетесь не только наукой, но и литературой: выпустили несколько сборников стихотворений. Существует стереотип, что наука и искусство резко друг другу противопоставлены, но есть, полагаю, и общее. Как в вашей жизни взаимодействуют эти сферы?

— Поэзия помогает мне отдыхать. Лучший отдых — это переключение сферы деятельности. Конечно, когда я погружен в научные исследования, в этот момент не получится писать стихотворения. Но мозг необходимо иногда переключать. Пытаюсь нащупать свои чувства, выразить их в словах. Заодно это такой дневник памяти: я распределяю стихотворения по датам, перечитываю, вспоминаю, что было у меня в этот день, почему написал именно такие строки.

— Ученый должен быть романтиком в своем деле?
— Обязательно. Это сфера деятельности, которую надо любить. Нужно ставить цели, мечтать, иначе вы ничего не добьетесь, а это все — дело романтики.

С. Ф. Лихачев, И. А. Гладкова, Д. Ю. Двинин. Молодежный форум «Утро-2017»

День науки в ЧелГУ, концертный зал им. С. С. Прокофьева, 2019 год

Первые преподаватели математического факультета: Г. А. Завьялов, Н. Е. Ратанов, С. Г. Иванов

Творческий конкурс

Е

катерина Вячеславовна, вы много пишете об экономической

психологии в контексте новой эпохи глобализации и резких изменений. Как эта наука способна помочь человеку в действительно быстро меняющемся мире?

— «Экономическая психология» звучит странно, кажется, что экономика и психология — это две несовместимые вещи. Но на самом деле в экономике главное лицо — это хозяйствующий субъект, человек. В отличие от экономистов психологи понимают (да и экономисты к этому сейчас тоже склоняются), что его очень сложно запрограммировать в каких-либо рамках. Модель человека экономического, которая существовала раньше, не очень хорошо отражает реальность. Человек — в большей мере эмоциональное создание. Где-то мы принимаем решения по привычке, стереотипно, где-то руководствуемся неосознанными факторами. Экономическая психология занимается вопросами поведения, психики, сознания человека в экономической сфере. Существует огромное количество феноменов, которые изучает эта наука, например экономические мотивы, установки людей, принятие решений.

Большую роль играет феномен доверия — доверия к социальным и финансовым институтам. Это ярко заметно, когда мы говорим о принятии решений в экономической сфере: куда вложить деньги, инвестировать их или хранить под подушкой, брать кредит или нет. Поведение человека на работе тоже изучается: мотивация сотрудника, выбор профессионального пути, работодателя. Доверие также занимает важное место в бизнесе: почему с одними компаниями мы

Е. В. Забелина: Чтобы жить в гармонии, нужно позитивно воспринимать настоящее, вспоминать успех прошлого и видеть возможности в будущем

Беседовала
Валерия
Хисамутдинова

Экономика и психология связаны теснее, чем кажется на первый взгляд. Как успешно выстроить отношения, чем отличаются экономические представления разных народов и фаталисты ли современные студенты — рассказала доцент кафедры психологии института образования и практической психологии ЧелГУ Екатерина Вячеславовна Забелина.

начинаем сотрудничать, а с другими — нет?

Отдельная часть экономической психологии связана с поведением предпринимателей. Сейчас мы изучаем поведение предпринимателей, которые занимаются экологическим бизнесом. Для нашей области это очень важный вопрос. Далеко не все предприниматели задумываются о технологиях, направленных на экологичное производство или утилизацию. Еще вопрос, который многих волнует, — это отношение к деньгам и собственности. С ним связано много бессознательных моментов. Эта тема часто табуирована. В периоды общественных кризисов экономическое поведение людей может сильно поменяться. Например, есть такой социально-психологический феномен, как паника. Это нерациональный механизм. Паника очень быстро распространяется, и люди могут начать принимать импульсивные решения.

— Экономическая психология способна разрабатывать пути преодоления негативных феноменов?

— Когда начинается некий процесс, им уже сложно управлять. Лучше всего не допускать, профилировать его. Кризисы случаются, и здесь очень важно, насколько они управляемы, в том числе государственными структурами: как доводится информация до граждан, насколько она открыта. Опять же это вопрос доверия к власти: какие ценности она предлагает, разделяет ли их общество. Это непростая системная задача. Мы хорошо это видели, когда столкнулись с ковидным кризисом и его экономическими последствиями, страхом и тревогой по поводу того, что мы будем есть, где взять деньги. Где-то произошли очевидные провалы, когда информации не было, потому что никто ее не знал. В основе всех обществ лежит коммуникация. Чем лучше выстроены коммуникационные потоки между властью и обществом, между различными социальными группами, чем более они регулярны и открыты, тем лучше. Психологи и медиа помогают друг другу. Нам необходимо выстраивать правильные коммуникации, чтобы было меньше поводов для паники.

— Вы исследовали вопросы экономического сознания жителей различных регионов, представителей различных народностей. Почему изучение этой сферы является актуальным?

— Мы живем в поликультурном обществе. Это уникальная ситуация: наша страна объединила большое количество этносов. Важно взаимодействовать друг с другом, при этом сохраняя свое экономическое самосознание и идентичность. Чем больше мы будем знать экономический менталитет представителей разных народов, тем проще будет договариваться. Мы сможем, уважая собственные ценности и культурные основы, уважать партнеров по экономическому взаимодействию. Это профилактика возможного недопонимания, неэффективного сотрудничества. Хочу привести пример. Три года мы занимаемся изучением экономического сознания и поведения коренных малочисленных народов Севера. Есть этносы, которые продолжают традиционный образ жизни, занимаются оленеводством. Сейчас появилась такая проблема: отрасль оленеводства и другие традиционные отрасли хозяйствования северных народов претер-

Екатерина Вячеславовна Забелина, доктор психологических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник лаборатории практической психологии института образования и практической психологии ЧелГУ, профессиональный эксперт-наблюдатель и организатор процесса оценки в технологии Assessment Center. Окончила факультет психологии и филологический факультет ЧелГУ. В 2009 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Беспомощность в структуре интегральной индивидуальности и ее связь с коммуникативной активностью: на материале исследования подростков», в 2021 году — докторскую диссертацию на тему «Психологическое время и экономическое сознание: социально-психологический анализ».

певают кризис. Представителям этих народностей необходимо адаптироваться к рыночной экономике. Как показывает практика, не у всех это получается. Люди уходят из тундры и становятся оседлыми, получают субсидии, но у них нет дела, к которому они врожденно склонны. Они теряют смыслы. Появляются разрушительные стратегии поведения: алкоголизм, наркомания. Мы хотели посмотреть, какие представления и установки существуют в сфере их экономического сознания, где находятся ресурсы для адаптации в современном мире, а где — ограничения. Для меня было открытием, что представители народов, которые сохранили кочевой образ жизни, мыслят не как мы: у них нет ценности денег. Для них ценность — это олень: он и еда, и средство передвижения, и одежда. Эти этносы настолько связаны с природой, что не будут делать что-то, причиняющее вред экологии. Они берут только то, что нужно им сейчас для жизни. В связи с этим они не будут что-то перепродавать, идея предпринимательства сложно приживается в их сознании. Они склонны сохранять, сберегать, очень рационально жить. Интересно, что экономические установки могут приводить к субъективному благополучию (его мы рассматриваем как удовлетворенность доходом), а могут снижать его. В этом заключается значимость изучения различных особенностей людей, которые живут в нашей большой стране.

— Какие особенности свойственны экономическому сознанию жителей Челябинской области?

— Мы не проводили глобальное исследование по Челябинской области, чтобы была репрезентативная выборка и все социальные группы, но достаточно подробно изучали жителей в статусе пенсионера. Выход на пенсию — определенный кризис: и возрастной, и профессиональный, и экономический, поскольку, как правило, уровень дохода снижается. Мы выяснили, что существуют несколько стратегий экономической адаптации на пенсии. Есть стратегия экономической активности, когда люди продолжают жить активной жизнью, работать, участвовать в различных социальных вопросах. Они психологически

Стажировка в Pearson's College (Лондон), 2019 год

откладывают пенсионный возраст. Есть стратегия наемного работника. Так ведут себя люди, которые понимают, что им недостаточно денег для жизни, и они вынуждены продолжать работать. Деятельность часто не связана с их интересами — это нелюбимая работа ради денег, не приносящая удовлетворения. С точки зрения психологии эта стратегия не ведет к благополучию. Есть стратегия «жизнь по средствам» — это стратегия ограничительная. Люди покупают только самое необходимое и надеются на лучшее: что завтра уровень дохода возрастет. Ни одна из этих стратегий не была связана с повышением экономического благополучия. Только одна стратегия — стратегия уверенности в будущем на основе сбережений и финансовой грамотности — повышала уровень благополучия. В нашем промышленном городе только регулярные сбережения и понимание, как ими управлять,

обеспечивают благополучную старость.

— В своей докторской диссертации вы разработали концепцию психологического времени в экономическом сознании. В каких сферах общественной жизни могут быть применены результаты исследования?

— Психологическое время — то, как мы воспринимаем время. В этом восприятии могут быть искажения: то, что наша психика отражает, не всегда соответствует объективному миру. От того, как человек воспринимает свое прошлое, настоящее и будущее, зависит очень много — его здоровье и благополучие. Нам было интересно, насколько этот эффект распространяется на экономическую сферу. Есть такое понятие, как «сбалансированная временная перспектива». Этот термин введен Филиппом Зимбардо, американским ученым, и его коллегами. Он обнаружил: чтобы

жить в гармонии, человеку нужно позитивно воспринимать настоящее, вспоминать ситуации успеха в прошлом и видеть возможности в будущем. Несбалансированная временная перспектива может существовать в различных вариациях. Иногда человек застревает в прошлом либо наоборот — полностью погружается в будущее. Для него настолько важна цель, что он не живет сегодняшним днем, не получает удовольствия от настоящего: перерабатывает, ущемляет себя в чем-то ради будущего результата. Сбалансированная временная перспектива влияет на субъективное экономическое благополучие. Она может делать это как напрямую, так и опосредованно, через экономические установки: доверие к экономическим структурам, уверенность в себе, ощущение себя компетентным, финансово грамотным. Как эти знания можно использовать? Прежде всего — в психологи-

ческом консультировании, терапии для прояснения жизненных целей, профессионального и семейного предназначения, выстраивания цепочки «прошлое — настоящее — будущее». Изменяя отношение, можно стать более благополучным. Можно проводить работу на уровне страны. Сейчас много говорится о формировании четкого образа будущего, подкрепленного ценностями. Можно уделять внимание этому.

— В 2020 году вышла ваша статья, посвященная взаимосвязи психологического времени и жизненных ценностей студентов России и Японии. Там вы формулируете рекомендации по обучению российских студентов: не фокусироваться на неудачах в прошлом, формировать позитивный образ будущего. Стараются ли вы использовать эти наработки в своей преподавательской деятельности?
— Общаясь со студентами, я всегда рассказываю им о результатах

исследования, чтобы они и были в курсе происходящего, и примеряли на себя. В рамках индивидуальной консультации я также использую это. Мне кажется, это важные правила, которые работают на уровне и семейного воспитания, и учебного учреждения, и компании, взаимодействия руководителя и подчиненного. Интересно, насколько психологическое время обусловлено культурно. Например, у японцев нет понимания будущего — они живут настоящим с уважением к прошлому. У студентов есть различия в восприятии событий настоящего: даны ли они извне судьбой, роком, Богом или сам человек управляет ими? Уровень фатализма достаточно высокий в обеих культурах, но специфика этого фатализма очень разнится. Наши студенты воспринимают ситуации как что-то, что они не могут изменить, выбирают пассивную стратегию поведения. У японских студентов это никак не связано с активностью.

Для них фатализм — это норма. Они рано находят свое место в социуме, где все четко распределено, практически сразу знают, кем будут. Они не стремятся изменить свое положение, и это не вызывает какой-то негативной реакции, пессимизма, как у наших студентов. Удивительно, как по-разному может сыграть одна психологическая установка в культуре.

— Экономическая психология изучает не только процессы потребления, но и профессиональную деятельность людей. В том числе это вопросы корпоративной культуры. Конечно, в каждой компании существует особенная культура, но есть и некие общие представления о ней. Как строится корпоративная культура в современной организации?
— Есть не очень научное определение, но оно очень хорошо отражает реальность: корпоративная культура — это то, что делают сотрудники, пока руководство их

Первый выпуск программы дополнительного образования «Психологическое консультирование и коучинг», 2021 год

Международная конференция ESD, ЧелГУ, 2020 год

не видит. Это некие правила, принципы поведения — то, что принято или не принято в этой компании. Они могут быть негласными или даже неосознаваемыми. Задает тон всегда первое лицо, руководитель, его ценности, нормы поведения, которые сотрудники считают очень быстро.

В идеале корпоративная культура должна соответствовать целям организации. Если она поддерживает достижение целей, то все нормально, если идет вразрез с ними, то ее нужно менять. Если говорить об образовательном учреждении, вузе, то здесь то же самое. Как показывает практика, нам, преподавательскому составу, очень важны патриархальная, семейная культура, кооперативные ценности: общение, внимание, коллегиальные обсуждения. Но, если выбирать только эту культуру, вряд ли можно

что-то изменить, двинуться дальше. Должен присутствовать баланс в зависимости от целей, которые ставит руководитель.

— У вас есть опыт работы бизнес-тренером. Это похоже на преподавание в университете? Как соотносятся два этих вида деятельности?

— Я рассматриваю тренинг как одну из форм преподавания, притом как очень эффективную форму. Если позволяет учебный процесс, обязательно использую его элементы со студентами. Тренинг — такой способ получения знаний, когда в процесс включаются наше тело и опыт. Нужно не послушать, записать и воспроизвести, а создать что-то новое: умение, модель поведения. Поведение взрослого человека очень тяжело меняется, в нас уже есть стереотипы. Тренинг

позволяет очень эффективно формировать новые навыки. Когда речь идет о подготовке консультирующих психологов, то это неотъемлемая часть учебного процесса: мы практикуемся, проигрываем различные ситуации, обсуждаем их, даем обратную связь. Бизнес-тренинг — тот же формат. Это решение каких-либо задач бизнеса в форме приобретения нового опыта.

— А как нарабатывался ваш опыт?

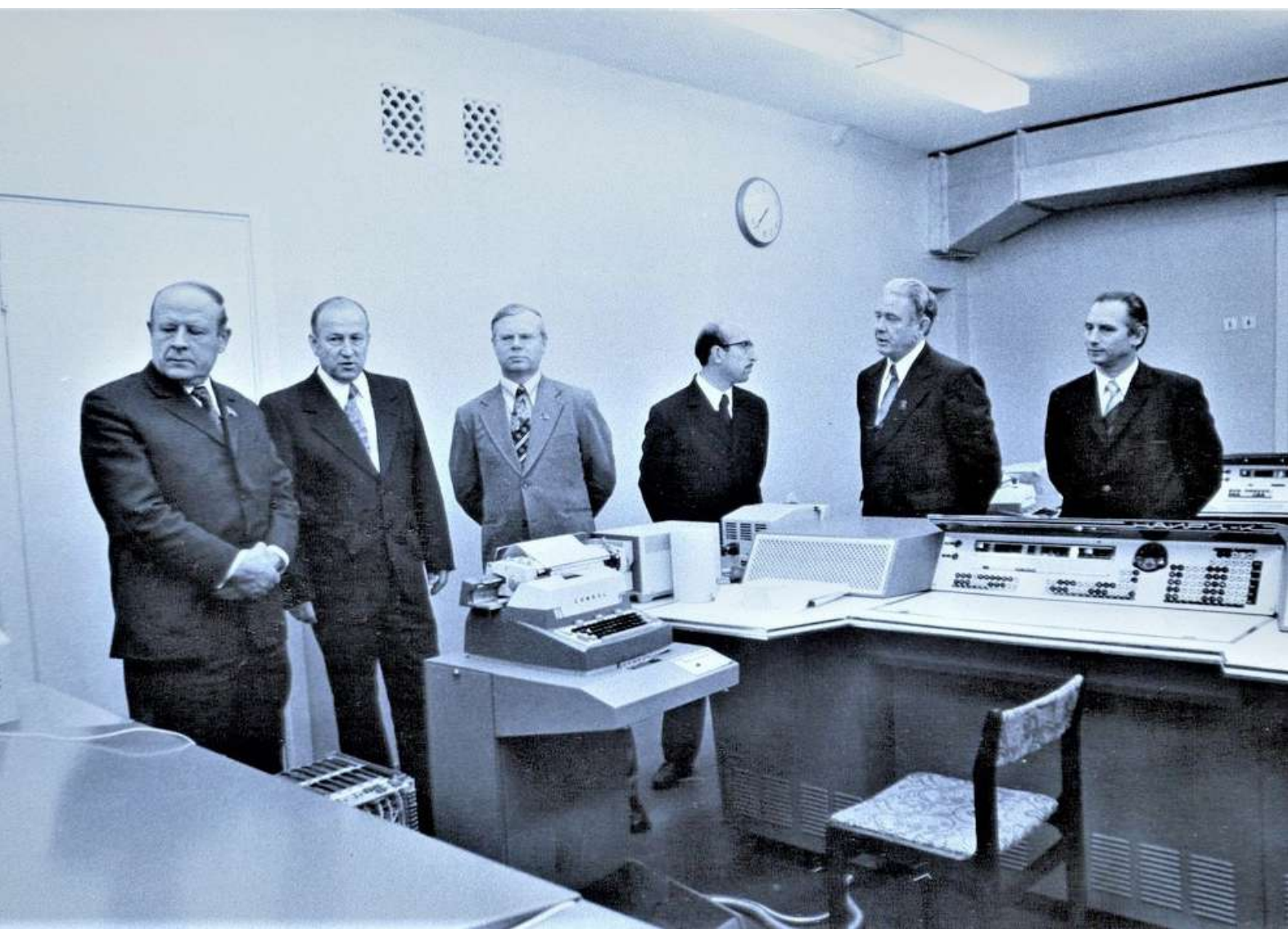
— Когда я пришла устраиваться на работу в ЧелГУ, то и представить не могла, что на столько лет здесь задержусь. Я очень благодарна Д. А. Циринг и С. А. Репину за их вклад в меня как преподавателя и ученого. Диана Александровна пригласила меня, вчерашнего студента, на кафедру, затем в аспирантуру, направляла в процессе написания и защиты кандидатской диссертации, затем в подаче заявок на грантовые конкурсы. Сергей Арсеньевич долгое время стратегически руководил факультетом, у него всегда находилось доброе слово, поддержка в трудных ситуациях.

За время работы мы очень сдружились с коллегами с нашей кафедры и других кафедр факультета, и это не мешает, а скорее, наоборот, способствует профессиональному развитию и росту. Наши партнеры из других университетов часто удивляются, видя такую искреннюю поддержку и заботу друг о друге. Важную роль в формировании такой дружной и креативной команды сыграло руководство факультета, за это огромная благодарность.

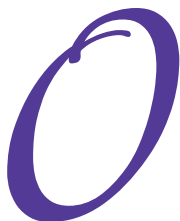
Вместе мы стараемся вывести наш институт образования и практической психологии на более высокий уровень в плане образования, так и науки. У меня нет сомнений, что психология — это наука будущего, она очень хорошо стыкуется с другими дисциплинами, поэтому дай нам Бог еще много новых открытий в этой сфере.

Десант ЧелГУ в город Усть-Катав Челябинской области

Визит в ЧелГУ министра высшего и среднего специального образования РСФСР академика И. Ф. Образцова и председателя Челябинского облисполкома Е. Ф. Куракина, 1976 год

вас очень мало информации в публичном поле. Это потому, что нет задачи

туда входить, или потому, что вы в принципе закрытый человек?

— Я открыт, но есть проблема контроля информации. Любое слово может исказить смысл факта или ситуации, и фраза, сказанная вскользь, иногда не только не говорит правду, а может полностью исказить первоначальное значение. Поэтому о себе предпочитаю говорить дозированно. Вся моя биография связана только с двумя вузами, и все, что происходило, — все здесь, на виду.

К тому же я всю жизнь был тенью, тенью Личности. А когда ты выбрал эту роль, то нужно идти до конца, несмотря на собственные достижения, мнение, загруженность. К счастью, я не тщеславен.

— То есть принять руководство институтом после такой авторитетной фигуры, как Виктор Иванович Бархатов (первый директор ИЭОБиА, заместителем которого 17 лет работал наш герой. — Примеч. ред.), все же непростая задача?

— Конечно. И дело не в объеме работы, он остался прежним, только ответственности добавилось.

Но ощутимым стал когнитивный диссонанс. С одной стороны, я отдаю себе отчет в собственном вкладе в этот авторитет и имидж руководителя, я бы даже сказал — бренд. И не зря, бренд этот был кормящим для всех нас.

С другой — нас, безусловно, сравнивать нельзя, хотя это и неизбежно. Профессор Бархатов — масштабная фигура, он остается моим учителем, я отношусь к нему с уважением как к человеку, сделавшему многое. Но при этом для него чрезвычайно важен внешний

Ю. Ш. Капкаев: Бренд института — это люди

Беседовала
Анастасия
Нуренкова

«Моя задача — каждому дать право поверить в то, что у него есть желание профессионально самореализоваться, — говорит директор института экономики отраслей, бизнеса и администрирования ЧелГУ Юнер Шамильевич Капкаев. — Проблема в том, что, если человек не хочет, его необходимо убедить». Во что верит он сам и какие задачи ставит перед собой и коллективом?

антураж. Я же человек-функционал: стараюсь решать проблемы, исходя из обстоятельств, вкладывать силы и время в то, чтобы механизм работал. При этом нередко наши взгляды даже на управление были (и, я думаю, остаются) диаметрально противоположными.

И вот представьте, с такими исходными данными я занимаю его кабинет, к чему, надо сказать, никогда не стремился совершенно. И передо мной — коллектив, люди, которых нельзя шпынять как учеников. Ведь Виктор Иванович собрал вокруг себя именно учеников, сделав из нас своеобразный продуктивный котел. Этот подход имеет особенность, зачастую люди в такой системе работают на страхе. Вот директор и мотивировал их к работе путем оценивания или недооценивания.

С точки зрения менталитета это правильно, однако с моей точки зрения так управлять нельзя, это приводит к постепенной деградации. Поэтому попытаться дать свободу, возможность творчества тем людям, которые это умеют, — важный параметр преемственности, который и мне в свое время позволил что-то делать. От нас требовался результат, а как его добиться — думайте сами. Получается, что сейчас я пытаюсь перейти от авторитарной

няком, как офшорная зона, которая живет совсем по другим правилам. Но подчиняться общим требованиям важно, хотя и с обоснованными исключениями. И важно сотрудничать с другими факультетами, мы потихоньку налаживаем эти связи. Перед началом работы я честно обратился к коллективу, мы многое обсудили и решили двигаться вперед, качественно расти. И в первую очередь — менять отношение к задачам и будущему, менять структуру приоритетов. Ни в коем случае не ломать! А именно планомерно меняться. У нас замечательные преподаватели, творческие, активные, энергичные, им это нравится. И нам всем нужен какой-то горизонт хотя бы на несколько лет.

— **А как вы попали в команду Виктора Ивановича?**

— Я, наверное, был в ней одним из первых, когда он не задумывался ни о команде, ни о свершениях, а исходил из того, что, если есть работа, то надо начинать пробовать ее выполнять.

Я учился в ЮУрГУ, он был заведующим общеобразовательной кафедрой, где не было ни своих программ, ни студентов и всего две комнаты. Виктор Иванович вел такие занятия, которые показывали, что, помимо теории в книжке, существует

общеобразовательную кафедру превратили в одно из мощных подразделений ЮУрГУ. А потом возник кризис роста системы, после выборов ректора стало понятно, что с новым руководством у нас перспектив не будет. Мы поискали варианты и обратились в ЧелГУ. Нас пригласили попробовать развить здесь институт, который мы открыли в 2005 году.

В ЧелГУ я уже чувствовал свою роль в создании архитектуры подразделения, был вовлечен в каждое решение — от обсуждения до исполнения. Конечно, за все эти годы было сделано очень многое. И, когда встал вопрос об уходе Виктора Ивановича и как вариант — о расформировании ИЭОБиА, я сказал, что не собираюсь бросать созданный нами же жизнеспособный и перспективный проект.

— **А каким вам видится горизонт, учитывая, что у нас сейчас экономистов готовит почти каждый вуз? Выпускники ИЭОБиА будут чем-то принципиально отличаться от тех экономистов, которых готовят другие?**

— На самом деле экономистов и менеджеров стали готовить существенно меньше, таможенников — тоже: у нас бывали выпуски по несколько сотен, а сейчас — до сотни. Потребность в кадрах на рынке есть, и если смотреть вакансии, то тот диапазон зарплат, которые выпускники хотели бы получать, как раз находится в сфере экономики и управления.

К сожалению, уровень профанации в области подготовки экономистов и управленцев очень большой. И наша задача — показать, что мы не в этом ряду, мы продолжаем выпускать классных специалистов, причем таких, которые не только сразу получают профессию, что важно, но и потенциал роста, движения вверх, чтобы потом вырасти карьерно.

Ведь экономисты, как и менеджеры, готовятся не для того, чтобы пополнить пул начальников, а для того, чтобы иметь перспективу. Большинство наших конкурентов этого не понимают и попросту вводят в заблуждение своих абитуриентов.

— **Что мы упускаем в привлечении ребят?**

— С нашей стороны было посвящено мало времени профориентационной работе, разъяснениям,

4

Участники Международной конференции *Ecological Economics and Institutional Dynamics* (Франция) на выездной сессии в Европарламенте. Брюссель, 2013 год

что представляют собой экономика, менеджмент или таможня как будущая профессия. Например, в таможенных органах после выпуска у нас работает крайне маленькое количество человек. Я всегда говорю, что мы готовим универсальных специалистов, которые обладают экономическими, управленческими, аналитическими компетенциями. И помимо знаний мы даем студентам инструменты самореализации, вырабатываем критическое и творческое мышление, погружая их в решение практических задач.

Видимо, мало говорю, надо делать это громче, чтобы абитуриенты понимали это на берегу. В свое время четыре миллиона рублей в год только ИЭОБиА тратил на рекламную кампанию. Не вуз, а институт,

и только на собственную рекламу. Результат был, но сейчас по ряду причин мы сжались. Понимаем, что социальные сети в этом отношении работают, в том числе и на будущее, поэтому пытаемся научиться правильно отрабатывать новостную повестку, использовать мероприятия наши общеузовские, правильно наполнять аккаунты, вовлекать туда обучающихся, заинтересовывать абитуриентов.

Надо активно развиваться в социальных медиа, создавать канал, куда они смогут прийти сначала, следующим этапом этот канал раскручивать, и раскрутка может привести к достаточно высоким результатам. Но это инвестиционный проект, в него надо вкладываться. Как и постоянно вкладываться в бренд, о чем мы говорили на по-

следнем ученом совете. Но здесь надо отдавать себе отчет, что работа с брендом — это понимание людей, понимание роли структуры в образовательном пространстве, в собственной жизни. Да, мы должны быть привязаны к бренду. Но у нас должны сходиться качество подготовки специалиста, его будущие возможности и наш логотип — «ракушка», которая все это олицетворяет. Много сил и времени надо потратить на то, чтобы в сознание нашего будущего абитуриента внедрять понимание, что ему даст подготовка. Не то, что даст диплом, — это самая страшная иллюзия. Важно, что мы на самом деле из себя представляем, как организовываем процесс, какие возможности приобретают студенты после выпуска и что они

Юнер Шамильевич Капкаев, кандидат экономических наук, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Член-корреспондент Международной академии науки и практики организации производства, профессор Российской академии естествознания, член Вольного экономического общества России. Награжден почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Министерства образования и науки Челябинской области, Министерства финансов Челябинской области. Также имеет благодарности Федеральной таможенной службы Уральского таможенного управления Челябинской таможни и Законодательного собрания Челябинской области.

к демократической системе управления, чтобы зажечь в коллективе огонь. Хороший подчиненный — это когда вы каждый день приходите к начальнику со своими идеями, а не опираетесь на должностную инструкцию, которая совершенно не добавляет специалисту профессионализма в отличие от инициативы.

К тому же мне видится важным правильно интегрироваться в вуз, ведь ИЭОБиА всегда существовал особ-

еще и реальность. Он любил рассказывать о жизни и, поскольку в тот момент сам занимался бизнесом, ориентировался в этом. Однажды на лекции сказал: кто хочет — приходите ко мне на кафедру. Я и пришел. Виктор Иванович спрашивает, показывая на компьютер, которым оплатили обучение: ты знаешь, что это такое, как с этим работать? Ответил: да. Ну, садись и работай. И началось: методички, маркетинг, связи — и постепенно мы эту

Вручение дипломов в ИЭОБиА ЧелГУ, 2011 год

по этому поводу потом расскажут остальным.

Нельзя обманывать абитуриентов, потому что сегодняшнее поколение подмечает все нюансы. Если ты наобещаешь им и не выполнишь, они этого не забудут и обязательно расскажут о твоих ошибках. Поэтому мы будем поддерживать наш бренд как способ изменения внутренней сути человека от прихода до выпуска. А для этого нужна... вера. В себя, свои возможности, коллег, качество своего продукта. Как бы то ни было, бренд института — это люди, которые взаимодействуют с обучающимися. Сильное будущее университета должно строиться на личностях, которые реализуются, у которых есть творческие идеи, которые сами перед собой ставят задачи и сами их решают. Надо просто дать им свободу в определенной сфере, и все. Понятно, что к экономической эффективности надо возвращаться всегда, но все же.

— А в чем мы лидируем?

— В том, что у нас гибкий подход к студентам. Мы не заставляем их из себя вылезать и зазубривать огромное количество материала, а даем им возможность присутствовать в учебном процессе,

чтобы получить тот самый потенциал роста таким способом, каким получается: кто-то выучил, кто-то пообщался с преподавателем, кто-то был занят на работе, а потом выдумывает, как сдать материал. Почему советский комсомольский актив ушел в бизнес? Это же люди, которые в институтах не учились, а бегали и занимались общественной, воспитательной работой, творчеством, еще чем-то. А потом им приходилось искать решение, как сдать экзамен. И тем самым они приобрели важные качества: умение найти подход к коллегам, которые были на лекциях, чтобы взять конспект, к преподавателям, у которых ты не был на лекции, и так далее. Я учу людей, которые должны быть интегрированы в экономику. И если они умеют решать свои проблемы, если я им дал условия, чтобы эти проблемы им пришлось решать, значит, они получили свои дипломы не зря. Еще одна важная вещь — мы умеем вызывать эмоцию в ходе обучения. У студента должно остаться яркое впечатление от знания и должен остаться терминологический якорь, он должен понимать, о чем идет речь, что это интересно. И все, дальше он достроит модель.

— Какие они — ваши студенты?

— Это наше челябинское будущее. Когда я говорю со студентами, то всегда выражаю им особое уважение просто потому, что они остались здесь, в регионе. МГУ, ВШЭ — это, конечно, все очень здорово, но отучившиеся там ребята в подавляющем большинстве не вернуться на Южный Урал, а некая их часть уедет из страны. Это как со знаменитой 31-й школой: хорошо, что у нас в Челябинске она есть, но сколько людей этот лифт вывез из региона? Возникает вопрос: а нужны ли такие лифты или, может быть, региону попытаться образовательное пространство замкнуть, чтобы не было заинтересованности уезжать, а был интерес оставаться, учиться и работать здесь? Наши студенты, безусловно, амбициозные, но, к счастью, умеренно. Почему к счастью? Амбициозность в нынешних условиях приводит к бешеному темпу, к огромной неудовлетворенности, и мы получаем людей с личностными проблемами: они бегут, оправдывая себя мыслью «зато мы зарабатываем». А мы пытаемся готовить здорового специалиста, чтобы человек стал профессионалом, но сохранил здоровье, чтобы его амбиции соответствовали его возможностям.

— Как мировая ситуация сегодня отражается на экономике страны?

— Есть международное разделение труда, Россия заняла вполне конкретную позицию — эта позиция, карбоновое проклятие России, имеет два параметра. Первый — у нас есть сырье и мы можем его продавать. Зачем делать что-то другое? Какой смысл, если, продав сырье, мы можем купить что угодно? Второй параметр — эта сфера забрала все ресурсы: кадровые, инвестиционные, научный потенциал. Как мы будем с ней конкурировать? Как металлургическое предприятие может конкурировать с нефтяниками за хороших работников, менеджеров, научные разработки? Никак, и поэтому мы в международной системе разделения труда заняли такую позицию. Нам выгодно, мы продаем больше всех в мире углеводов. И причем при этом положительное сальдо баланса всегда: мы продаем больше, чем покупаем, вот это то, что и является нашим проклятием.

А в мире дальше что происходит? Взять Штаты: Apple производит Китай, микропроцессор для него — Тайвань, а США берет на себя маркетинг. В результате каждый в своей системе разделения труда стал более эффективным. То есть кроме Тайваня больше никто производить чипы такого качества не может, потому что эффект масштаба очень большой и скорость изменения слишком большая.

Мы у себя не могли успевать за этим. История с турецкими помидорами: нам, конечно, вкуснее турецкие, узбекские, таджикские помидоры; если бы их можно было ввозить, мы лучше бы ели их, но помидор, произведенный здесь, — это работник, металлоконструкции для теплицы, это работа, зарплата работников, доходы производителя электричества. И это все остается здесь. И с этого всего выплачиваются налоги. Поэтому лучше фарфоровые помидоры из Челябинска, с экономической точки зрения, чем хорошие из Турции.

Мы можем делать оборудование на своем машиностроительном производстве, но его надо проектировать, для этого нужны инженерные кадры, а для этого промышленности нужны инвесторы. А инвесторы — это доверие, когда кто-то верит в твое будущее. Поэтому мы и боремся за доверие как на уровне каждого отдельного

Ю. Ш. Капкаев с семьей

института, каждого отдельного сотрудника, так и на уровне страны в целом. Мы вот к этому и идем: лучше попытаться собрать у нас внутри и довольствоваться этим, потому что это соответствует нашим компетенциям. Вы хотите, чтобы наши компетенции поменялись, — пробуйте развиваться. Проблема такая же, как у нас: когда у Челябинска конкуренция с московскими вузами, то что мы тут можем сделать? У них

финансирование, возможности, территориальная привлекательность. Мы свою позицию можем занять только в определенном сегменте с нашими издержками: то, что детям не надо ехать далеко, например. Поэтому каждый должен занять в этой системе разделения труда свою позицию, выделить свою экономическую сферу и попытаться быть максимально эффективным в ней.

Деканы исторического факультета: Г. А. Гончаров и Н. Б. Цибульский

Профком ЧелГУ

Е

лена Анатольевна, вы экономист-кибернетик, занимающийся вопросами государственного и муниципального управления. Как пересекаются эти сферы на практике?

— Началось все с того, что я окончила Государственный университет управления. В то время это был ведущий московский вуз, в котором независимо от того, на каком факультете ты учился, очень большое внимание уделялось основам управления. Обучение на всех факультетах, в том числе на факультете экономической кибернетики, преломлялось через специфику управленческой деятельности. Там была известная управленческая научная школа. Когда после окончания этого вуза я приехала в Челябинск, при устройстве на работу выбирала факультет с этой позиции. Меня приняли, дальше я поняла, что это то самое место, где мне стоит быть. Пересечение получилось больше не с экономической кибернетикой, а с управленческим вузом.

— Что привлекает в сфере управления?

— В первую очередь то, что можно работать с людьми. Я человек, ориентированный на других, мне ближе социальное общение. Потом, когда понимаешь, как процесс управления складывается, из чего он состоит, какими особенностями обладает, это очень увлекает и не может оставить равнодушным. Приятно видеть, что в глазах твоих студентов загорается огонь и они становятся успешными людьми.

— В своей научной деятельности много внимания вы уделяете вопросам городской экономической культуры и городских сообществ. Развита ли в этом отношении

Е. А. Колесник: Когда за тобой целая команда, ты не можешь ее подвести

Беседовала
Валерия
Хисамутдинова

Способность услышать и понять другого человека — важное качество как для преподавателя, так и для управленца. Об этом, а также о популярности урбанистики, роли университета в жизни города и обучении современных лидеров рассказала доцент кафедры государственного и муниципального управления факультета управления ЧелГУ Елена Анатольевна Колесник.

Челябинская область? Есть ли у местных муниципалитетов сформированная экономическая культура и городская идеология?

— Интересы вырастают из наличия большой проблемы: когда все хорошо и понятно, свой интерес развивать негде. А у нас в городе поле деятельности очень обширное. Мы здорово отстаем от многих российских городов-миллионников, даже от того же Екатеринбурга, именно по части формирования городской культуры, связей городского сообщества с властью. К сожалению, они продолжают оставаться не единым механизмом, а несколько разобренными элементами системы. Поэтому здесь есть над чем подумать, есть что изучать и что предлагать. У меня диссертация посвящена вопросу, как сделать так, чтобы связь между городским сообществом и местной властью в целях социально-экономического развития стала теснее.

— Какие шаги необходимо предпринять для формирования городской культуры?

— Вопрос непростой и многоэлементный. Чтобы сформировалась полноценная городская культура,

необходимо четкое понимание: к чему мы стремимся? Начинать нужно с целепостановки. Важной является роль органов власти, которые, с одной стороны, должны создавать ориентиры, а с другой — обязательно слышать городское сообщество, тех людей, которые здесь живут, их истинные потребности, интересы, ментальные особенности. Каждая местность обладает особым внутренним духом, который порой отличает даже жителей одного города от другого. Здесь, к сожалению, у нас пока все не очень благополучно.

Но радует, что становится все больше и больше активных горожан. Они не просто живут в городе, а относятся к нему как к части своей жизни, за которую несут ответственность и которую способны улучшать. В работе органов власти намечается позитивная тенденция слышать людей. Один из серьезных недостатков администрирования, муниципального управления заключается в том, что у любого чиновника всегда есть наработанные решения, любимые шаблоны в решении проблем. По ним, конечно, действовать всегда проще, но они далеко не всегда устраивают лю-

дей. Хорошая привычка — прежде чем принимать решение, слушать, что по этому поводу говорят и думают люди, — наконец стала формироваться. Это усложняет процесс принятия решений, делает его более длительным и переговорным, но хорошо влияет на конечный результат.

На мой взгляд, признаком позитивных изменений стало то, как проводятся публичные слушания по вопросам городской жизни. Десять лет назад это было совершенно формальное, никому не известное мероприятие, на которое собирались случайные люди. Сейчас нередко публичные слушания проходят очень жарко, бывает, что их приходится проводить повторно. Например, когда принимался генеральный план города, где определялось не только будущее застройки, но и вообще градостроительной концепции Челябинска. Пришло много заинтересованных людей, была очень грамотная аудитория. Много острых вопросов. Время, когда все проходило гладко и тихо, все голосовали «за» и поддерживали, уже прошло. Во многом этому способствуют социальные сети, где подобная информация достигает

Открытие площадки Международного научного культурно-образовательного форума «Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации»

Выпускной факультета управления, 2022 год

своей целевой аудитории. Обсуждение, прежде чем оно проводится в формальной обстановке, нередко начинается на уровне сообществ единомышленников — людей, которым небезразлично будущее своего города.

— **Какие иные факторы, кроме социальных сетей, повлияли на активность горожан, их интерес к урбанистике, большую открытость органов власти?**

— Большую роль сыграло то, что довольно много лет мы жили в условиях открытой страны. Наши граждане, особенно молодежь, активно пользовались этими возможностями. Личные границы каждого человека существенно расширились: люди путешествуют, сравнивают то, где они живут, с теми местами, где бываю, и очень быстро начинают понимать разницу. Неизбежно возникает вопрос, почему где-то могут быть даже порой простые, но фан-

тастические решения в городской среде, а у нас все стандартно, однообразно и беспросветно, годами не меняется. Возник запрос в обществе, который был сформирован благодаря тому, что изменился образ нашей жизни. Это вызвало в людях желание начать менять что-то у себя. Это же всегда так работает. Мы, бывает, начинаем делать ремонт у себя дома, когда приходим к друзьям и видим, как у них стало здорово после того, как они что-то изменили в своей квартире. Предыдущие годы помогли сформировать нам другую категорию горожан: не просто людей, у которых нет привычки обращать внимание на то, что их окружает. Сейчас это стало важным, и это здорово. Я думаю, что этот процесс, несмотря на возникший режим закрытости, уже не заставит людей забыть то, к чему они стремятся.

— **Вы часто сравниваете Челябинск с Екатеринбургом. Это просто удобное сравнение ввиду соседства?**

— Это удачный пример, потому что мы с Екатеринбургом совпадаем по очень многим позициям. Мы находимся рядом, у нас одна климатическая зона, общие географические моменты, мы схожи по численности населения, самое главное — по структуре экономики. И тот и другой город относится к так называемым старопромышленным регионам. Это дает основание говорить о том, что исходные условия у нас сопоставимы. Когда мы сравниваем какие-либо результаты, то понимаем, что их причина не в уникальных особенностях места, а в первую очередь в тех решениях, которые принимаются на уровне города. У нас в принципе даже бюджеты сопоставимы, несмотря на то что в Екатеринбурге численность населения немного больше. Нельзя сказать, что там изначально в разы больше денег, поэтому у них есть какие-то моменты, которых нет у нас. На мой взгляд, самая главная причина различий в том, что Екатеринбург сумел за прошедшие годы выстроить более конструктивные отношения между городской и региональной властью и местным сообществом. Они лучше слышат друг друга.

— **Возвращаясь к Челябинску: какую роль играет ЧелГУ в развитии городского сообщества?**

— Любой вуз всегда источник развития. Знание — это не только свет, это еще и сила, которая двигает прогресс. Когда-то мы ездили в только что открывшийся Троицкий филиал нашего университета, проводили там занятия. Я очень хорошо помню, как даже внешне менялся город в связи с тем, что там открылся наш филиал. Сначала здание требовало ремонта, его постепенно привели в порядок. Произошло благоустройство вокруг университета, заработал фонтан, который стоял разрушенным. Стали появляться симпатичные кафе, объекты малого предпринимательства. Все вокруг стало втягиваться в воронку преобразования, и центром этого был университет. Так происходит в любой ситуации. Студенты сами по себе — самые перспективные, активные и мобильные члены нашего общества. Та концентрация молодой и здоровой энергии, которая формируется в стенах университета, всегда находит выход и в научной сфере, и в чисто практической. Наш университет очень узнаваемый, он действительно является не просто местом притяжения в городе, но самобытным образовательным учреждением. Как правило, сюда приходят далеко не случайные люди. Очень часто абитуриенты как из нашего города, так и из других мест делают выбор между двумя ведущими вузами: ЮУрГУ и ЧелГУ. Те, для кого имеют ценность наша некая камерность, индивидуальный подход, возможности реализовать себя крайне разносторонне, всегда делают выбор в пользу ЧелГУ. У вуза есть узнаваемое лицо, своя специфика. Это очень важно, потому что университет становится местом объединения потенциальных единомышленников, людей со схожими взглядами на жизнь, близкими базовыми характеристиками. Это гарантия того, что они находят себе попутчиков по жизни, с которыми, как правило, связь не прерывается.

— **В 2021 году вы выпустили публикацию о роли лидеров студенческих самоуправлений в жизни учебного заведения и жизни молодежи в целом. Какие условия создает факультет для формирования таких лидеров?**

— Начнем с того, что задача факультета управления — выращивать тех самых лидеров. Ребята получа-

Елена Анатольевна Колесник, кандидат экономических наук, доцент. В 1993 году окончила Государственный университет управления по специальности «Экономическая кибернетика». В 1995 году завершила обучение в магистратуре и получила квалификацию менеджера. В 2010 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Совершенствование управления социально-экономическим развитием монопромышленного города». Эксперт в области государственного и муниципального управления, развития городских сообществ и разработки управленческих решений. Обладатель знака отличия Челябинской области «Материнская слава» III степени.

ют очень хорошую теоретическую подготовку, которая дает им возможность понимать, как должен быть организован процесс управления. Студенты получают большой объем знаний в области психологии. Это люди, которые понимают других людей. Они осуществляют управленческую деятельность не механически, а с учетом индивидуальных особенностей. Плюс к этому у нас созданы уникальные условия для того, чтобы студенты на практике пробовали свои силы в качестве управленцев. У нас очень сильный совет самоуправления на факультете. Там ребята сами творят свою студенческую жизнь. Они не просто являются участниками мероприятий, огромное их количество они организуют и проводят самостоятельно. Многие мероприятия направлены на включение ребят в самоуправленческую жизнь начиная даже не с поступления, а с этапа абитуриентства. Поэтому каждый из наших выпускников помимо диплома получает и большой практический опыт управления, пусть пока на уровне студенческих коллективов. Здорово, что у нас не уменьшается количество ребят, которые после окончания факультета работают по специальности. Это тоже говорит о том, что их первоначальный выбор был сделан не случайно и что в процессе обучения они не разочаровались в своем выборе.

— **Госуправленец по сути своей очень гуманная профессия: предполагается, что руководитель хочет создать комфортную среду для хорошей жизни людей. Действительно ли студенты приходят на факультет с целью менять мир к лучшему или есть иная мотивация?**

— Нельзя сказать, что 100% наших абитуриентов — это люди, которые идут менять мир. Хотя доля тех, кто идет именно за этим, немаленькая. Не меньше, на мой взгляд, 40% наших студентов приходят на факультет с какими-то идеями, имеют опыт проектной деятельности, когда у них что-то получилось, и спешат двигаться дальше. Есть, конечно, как и на любом другом факультете, ребята, которые не совсем понимают, чему их собираются учить и что из них получится. Но важным преимуществом является то, что в нашей учебной программе предусмотрено большое количество практик, начиная с ознакомительной и заканчивая преддипломной. Если молодые люди поступили на направление «Государственное и муниципальное управление», то это всегда практика в органах власти. Возможность погрузиться в эту атмосферу с самого начала очень важна. После первых практик возникает ясность. Студенты начинают по-другому относиться к учебе, к своим планам. Нередко бывает так, что место практики становится их последующим местом работы. Количество выпускников, которые работают в органах и местного самоуправления, и государственной власти, с каждым годом увеличивается. В этом году, например, весь выпуск дневной магистратуры — это ребята, которые уже работают в различных министерствах, управлениях городского уровня, занимают руководящие должности. Когда приходят заинтересованные люди, результат соответствующий.

— **Мир меняется быстро, соответственно должны меняться и подходы к государственному и муниципальному управлению. Каким должен быть современный управленец?**

— Первое, что должно быть присуще современному управленцу, — это гибкость. Это должен быть человек, готовый быстро переобучиваться. Сегодня мы уходим от привычных шаблонов

С губернатором Челябинской области А. Л. Текслером. Вручение знака отличия Челябинской области «Материнская слава» III степени

организации любой деятельности. Мы уходим от линейных структур, где очень четко были определены обязанности и за каждым закреплён его функционал. Появляется очень много творчества в процессе управления. Нужно быть готовым экспериментировать, постоянно быть в тренде: читать профессиональную литературу, изучать опыт других коллег. Важно уметь разбираться в людях, поскольку любой управленец — это человек, который понимает, кому можно делегировать полномочия, а кого лучше от них держать дальше. Сегодня практически все работодатели при приеме на работу отмечают в качестве важного показателя умение работать в команде. Время, в которое мы живем, не время одиночек, индивидуалистов. Учебный процесс сейчас строится таким образом, чтобы у ребят было очень много не только интерактива, но и работы в малых группах, когда им приходится

принимать коллективные решения и уметь договариваться.

— Вы мама пятерых детей. Как опыт материнства влияет на работу преподавателя?

— Это очень сильный мотив для работы. Что бы ты ни делал, чем бы ты ни занимался, когда за тобой целая команда, ты не можешь ее подвести. Поэтому путь один — только вперед, только к успеху. Это также и тот самый опыт командной работы, который очень пригождается в работе со студентами. У меня старшие дети уже выросли, трое окончили вузы, и благодаря тому, что я много общаюсь со своими детьми, довольно хорошо понимаю современных студентов. На примере собственных детей я знаю, чем они живут, как трудно бывает организовать свой учебный процесс. Многим приходится совмещать работу и обучение. Я, наверное, такой понимающий преподаватель.

— Преподаватель играет важную роль в воспитании молодого поколения. Какими принципами кроме упомянутого понимания должен руководствоваться хороший специалист?

— Главный принцип, актуальный не только для преподавателя, — быть тем человеком, каким ты призываешь быть других. Если ты, допустим, говоришь студентам о том, что важно быть пунктуальным, нужно быть пунктуальным самому, чтобы не возникало противоречий. Необходимо быть просто искренним человеком, потому что студенты очень сильно чувствуют фальшь, притворство. Этого нельзя себе позволять. Если приходится обсуждать какой-то спорный вопрос, лучше не говорить ничего, чем говорить то, что не думаешь на самом деле.

Майская демонстрация

Выпуск филологов, 1988 год

Я

ркие способности к математике обычно бывают у вундеркиндов. Вы из них?

— Определенные способности в детстве у меня были, но вот вундеркингом я, конечно, не был. Зато всегда перед глазами у меня были сверстники, которые лучше разбирались в науках, быстрее сообщали, дальше видели и выводы делали интереснее. Может быть, это потому, что учился я в 31-м челябинском физико-математическом лицее, где всегда была велика концентрация вундеркиндов на душу населения. Я же не был чемпионом-олимпиадником. Мои самые высокие школьные достижения — победы на областном этапе Всероссийской олимпиады по математике и физике. Я был хорошистом-отличником, но не лучшим из лучших.

— Кто из учителей оказал на вас сильное влияние в лицейские годы?

— Увлеченность тем или иным предметом очень сильно зависит от личности учителя. Если педагогу нравится, учеба с ним идет на ура. У нас был отличный учитель физики — Иван Александрович Иголевич, поэтому физику, особенно в 9–10-м классах, я любил безумно. С удовольствием и с успехом участвовал в различных олимпиадах, прошел заочную физико-техническую школу при МФТИ. Математика тоже была в сфере моих интересов, но физика очень долго оставалась на первом месте. А в 11-м классе учителя-физика нам поменяли, и увлеченность предметом сразу уменьшилась. Зато математика неожиданно увлекла. Тем более что преподаватель математики у нас была тоже довольно хорошая — Лидия Петровна

Ф. Г. Кораблев: Математические абстракции — это часть окружающего мира

Беседовала
Наталья Чанова

С доцентом кафедры компьютерной топологии и алгебры математического факультета ЧелГУ Филиппом Глебовичем Кораблевым поговорили о том, что нужно математику для жизни и работы, и о том, какие дороги приводят в университет.

Пинигина, она сумела заложить в нас основательную базу знаний. Успеваемость по математике у меня всегда была на достойном уровне, что важно для любого выпускника 31-го лица.

— Как к вам пришло решение поступать в ЧелГУ?

— Отвечу честно: изначально это был запасной вариант. Систему ЕГЭ только начали вводить, было много неразберихи. Но главное — подать документы можно было только в один вуз. Зато во многих университетах, в том числе в ЧелГУ, проводили олимпиаду, победа в которой, по сути, обеспечивала поступление еще до сдачи экзаменов в школе. Естественно, такую олимпиаду в ЧелГУ я написал хорошо, если не сказать отлично. Но основным приоритетом было поступление на мехмат МГУ, поэтому три раза писал вступительные олимпиады и там. Но — не судьба: на апелляции не удалось убедить жюри, что решение мое правильное. В математике такое бывает. Придумал, как решить, — молодец. Но теперь докажи, что прав.

— Не секрет, что ваша мама — профессор матфака ЧелГУ Вера Владимировна Кораблева. Она повлияла на ваше решение стать математиком?

— Мои мама и папа (он химик) — из числа первых выпускников ЧелГУ. Родители никак не влияли на мой выбор профессионального пути, который был в значительной мере предопределен еще в школе. То, что я по жизни буду связан с точными науками, было понятно достаточно рано. Конечно, сначала однокурсники меня пытались подкалывать: «Ну, у тебя тут мама, значит, пятерки будут ставить». Но это все было на уровне шуток.

— Каким было ваше первое впечатление от вуза, от факультета?

— Я поступил в ЧелГУ вместе с несколькими своими одноклассниками, и мы быстро вошли в учебный процесс. Почему-то существует такой миф, что выпускникам 31-го лица на матфаке ЧелГУ как минимум целый год придется скучать. Нет, конечно! Преподаватели у нас (и тогда, и сейчас) очень требовательные: нужно было делать домашние задания, готовиться к занятиям, а не надеяться выплыть за счет качественной базовой

подготовки и способностей. Учеба на матфаке всегда создает некий вызов, так что было ощущение, что я как минимум не трачу зря время и как максимум нахожусь на своем месте.

— Как и когда у вас произошел выбор научной тематики?

— У нас на математическом факультете выбор темы для первой курсовой работы происходит на втором курсе, в дальнейшем эта линия исследований обычно поддерживается. Мы проводим исследование, исход которого заранее не предрешен. Научный руководитель в этом процессе только направляет, очерчивая круг задач. Результат — всегда авторский текст, ни в коем случае не реферат. Так мы работаем каждый год, постепенно углубляясь в выбранном направлении. Сменить тематику и научного руководителя можно, и так иногда делают, но это невыгодно, потому что постепенно ты начинаешь понимать в выбранной области все больше и больше. По сути, мы выбираем стезю именно на втором курсе. Во многом это лотерея. Ведь что может понимать в математике вчерашний школьник? Школьная программа на самом деле очень далека от проблем, которые решает современная наука. В математике есть много областей, о которых подчас даже и выпускники вузов представления не имеют. Профессора Матвеева в качестве научного руководителя я выбрал по совету мамы, и тут свою роль сыграл не только безусловный авторитет Сергея Владимировича, но и то, что он не был другом моих родителей. Вот как дал он мне первую задачку, так я и работаю до сих пор в выбранном направлении. Топологией я увлекся сразу и всерьез. Если говорить точнее, мы специализируемся на топологии многообразий. Академик С. В. Матвеев — один из признанных научных лидеров в этой области. В России есть несколько близких нам научных школ — в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. Есть у нас коллеги и за рубежом, мы с ними тоже общаемся, хотя и не так часто.

— Вас называют одним из любимых учеников Сергея Владимировича. Что значит для вас этот факт?

Филипп Глебович Кораблев, кандидат физико-математических наук, доцент. Научный сотрудник учебно-научной лаборатории компьютерной геометрии и квантовой топологии, старший научный сотрудник отдела алгоритмической топологии Института математики и механики УрО РАН. Победитель трех грантовых конкурсов.

— Я бы не сказал, что это так. Сейчас сложились такие обстоятельства, что практически никого не осталось из последователей школы Матвеева. Кто-то уехал и бросил науку. Кто-то сменил научное направление. А есть и те, кто совсем ушел из математики. К счастью, у нас есть коллеги, которые примкнули к нашей научной группе, но из тех учеников, кого можно называть «основным составом», по сути, остался я один. Научная школа академика Матвеева — это серьезный вклад в науку, но, увы, сейчас практически никого не осталось, чтобы продолжать его дело. Были люди, которые и не скрывали, что степень кандидата наук им нужна для продвижения по карьерной лестнице за пределами университета. Что касается меня, я свое уже нашел. Тут ведь многое от характера зависит. Есть те, кто склонен искать, где трава зеленее, а я вот остался в ЧелГУ.

— Какой вы преподаватель?

— Думаю, вполне адекватный и современный. Оттарабанить что-то у доски, повернувшись спиной к аудитории и стирая свои записи рукавом, — это анекдотичный образ плохого преподавателя из прошлого. Так, конечно, сейчас никто старается не делать. Обратная связь с аудиторией для меня важна. И хотелось бы, чтобы тебя понимали. К сожалению, сейчас на матфаке очень неоднородный контингент, и уровень восприятия математики у студентов очень разный. Есть люди, которые пришли изучать математику, а есть те, кто поступил, чтобы получить отсрочку от армии. И это очень грустно.

— Какие студенты сегодня приходят учиться на математический факультет ЧелГУ?

— Среди тех, кто может воспринимать математические абстракции (а это студенты, с которыми можно работать на занятиях), есть те, кто потенциально может двигать науку, и те, кто, подучившись, пойдет работать программистом. Люди, с которыми можно разговаривать, есть, но тех, с кем можно продолжать науку, очень не хватает. Более того, даже те студенты, которые потенциально могут пойти в науку, выбирают иные перспективы, с более высокими зарплатами.

— А как же грантовая поддержка?

— Да, это хорошее подспорье для ученого, и гранты у нас есть, хоть и не очень много. Дело в том, что каждый грант — это прежде всего обязательства по числу статей, а написать статью по математике — большое дело. Мы берем грантов ровно столько, сколько сможем подтвердить публикациями. Сегодня у нашего коллектива один грант. Как руководитель я выступал в одном грантовом проекте. Все

остальные гранты, а их было более десятка, проходили под руководством С. В. Матвеева. Однажды мы получили мегагрант, про него пошумели в СМИ, но даже он зарплату увеличил ненамного.

— Для чего математикам нужна учебно-научная лаборатория компьютерной геометрии и квантовой топологии?

— Есть такой анекдот: «Математику для работы нужен лист бумаги, карандаш и ластик. А философу даже ластик не нужен». И действительно, чтобы делать математику, ничего, кроме самого человека, не надо. Так что лаборатория — это, по большому счету, место наших встреч и дискуссий. Смысл не столько в самой лаборатории, сколько в объединении людей вокруг лидера, который видит перспективы развития направления.

— Видите себя в качестве такого лидера?

— Не хотелось бы, но приходится. Я бы сам еще учился и учился у С. В. Матвеева. И спрашивал бы,

как правильно. Но все чаще возникает мысль: а ну как руководитель сам порой на самом деле не знает, как правильно.

— Для чего нужны исследования, которые вы проводите?

— Стереотип о том, что наука нужна для извлечения какой-то выгоды, очень живуч. А топология не поможет ни ракеты строить, ни надои скота увеличить. Фундаментальная наука вообще нужна не для этого. Она нужна, чтобы изучать окружающий мир. И тут может показаться, что математика изучает какие-то не нужные никому абстракции. Но абстракции — простанства, функции — это часть мира. Любой ученый знает этот мир с особой, уникальной точки зрения. Меня не раз спрашивали: «Вот ты, математик, что изучаешь? Ведь уже все известно и посчитано!» А обычный человек, пусть даже с хорошим базовым образованием, не готов воспринимать многое в современной математике. Поэтому остается только руками разводиться...

Академик С. В. Матвеев считает, что будущее науки — за такими молодыми учеными, как Ф. Г. Кораблев

Математический факультет ЧелГУ — один из первых в университете — продолжает привлекать талантливых ребят

— На чем обычно базируется интерес человека к математике? Что движет вами, вашими коллегами и вашими учениками?

— Нами движет природная потребность задавать вопросы про окружающий мир. Но эта сила может сойти на нет, если такой человек будет заниматься обычным поиском средств к существованию. Должен быть какой-то постоянный источник дохода, который позволит все свое время направить на изучение математики. И тогда можно выучиться, написать диссертацию, спокойно и вдумчиво вникнуть в какую-нибудь предметную область. Да, можно поступить в аспи-

рантуру и работать на стороне, но тогда толку не будет. Наука требует всего твоего времени. Нельзя делать математику по выходным.

— Есть такой миф, что настоящий математик — не от мира сего. Рассеянный, непрактичный. Это действительно так?

— Миф возник не на пустом месте. Те, кто по-настоящему понимает математику, зачастую люди чудачковатые. Но это лишь следствие их способа воспринимать окружающий мир. У меня в жизни, к сожалению, есть другие увлечения, кроме математики. Вот программирование проще и иногда отвлекает внима-

ние. Может быть, без этого отвлекающего фактора математическая успешность у меня была бы лучше. Но не могу совладать с собой! А топология при этом стоит, ждет.

— Какие черты характера отличают перспективного математика?

— Умение задумываться о том, что происходит, в чем тут причина и может ли быть иначе. Смелость ничего не принимать на веру, только потому что «нас так учили». Но главное — способность и желание делать математику постоянно, а не с девяти до пяти.

Работа с одной из первых вычислительных машин

Армрестлинг среди стройотрядовцев

Е

лена
Владиславовна,
поступая в ЧелГУ,
вы были сразу
ориентированы
на археологию?

— Нет, я увлекалась древнерусской историей, планировала идти на кафедру дореволюционной России и изучать духовную культуру. Вообще не знала, что в университете есть археология, эта наука была для меня из области приключенческих книжек. Когда мы поступили, первую неделю слушали установочные лекции. Каждый день приходили преподаватели, рассказывали и рекламировали свою специальность и кафедру. На одну из пар пришел Геннадий Борисович Зданович. Это была даже не лекция, а разговор про мировоззрение и миропонимание. Тогда я поняла, что археология — это как раз про духовную культуру.

Геннадий Борисович был самый лучший учитель, он не учил предмету, он им заражал, особенно неокрепшие умы. Со временем мы понимали, что его идеи можно критиковать, не соглашаться, но он умел их красиво и поэтично излагать. Недавно я разговаривала с коллегами из Казахстана, которые в школьные годы ходили к нему в кружок, и они вспоминали, как Геннадий Борисович читал им «Мастера и Маргариту» и стихи Серебряного века в экспедициях...

У него была собственная методика погружения: он мог посадить тебя перед какой-нибудь бровкой, в которой десять тысяч слоев, и сказать: «Рисуй!» И ты сам, вначале ничего не понимая, начинаешь рисовать, стараешься вникнуть. Потом пришел Геннадий Борисович и начинал объяснять, как надо было, и ты, уже погрузившись, понимал это. От него я взяла отношение к тем артефактам, которые мы находим,

Е. В. Куприянова:
**Археология —
это древняя
криминалистика**

Беседовала
Нина Басова

Как люди приходят в археологию? Почему первые раскопки напоминают практику в летнем училище? Правда ли, что археологам не нужны математика и физика? Расспрашиваем директора учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ Елену Владиславовну Куприянову — ведущего специалиста на Южном Урале, подарившего нам немало исторических открытий.

как к живым людям и остаткам деятельности древних людей.

— Уже третьекурсницей вы стали сотрудником научно-образовательного комплекса изучения проблем природы и человека. Так захватила специальность?

— Раньше была хорошая практика — студенты, которые специализировались на кафедре археологии, начинали с первого курса появляться в лаборатории, им давали поручения. Например, мне и моим однокурсникам еще до первого участия в раскопках дали какие-то коллекции, мы их обрабатывали, шифровали, учились рисовать. Благодаря моим художественным способностям меня устроили в лабораторию. Я бы сравнила этот процесс погружения с учебой в летном училище. Например, туда поступают молодые ребята, учатся замечательно, а когда начинаются полеты, многие из них, оказывается, не могут летать, их определяют как профнепригодных. И у археологов так же: ты можешь теоретически изучать археологию сколько угодно, она тебе нравится, но ты приезжаешь в поле и понимаешь, что это не твое.

— Помните первую свою археологическую практику?

— Она проходила на Аркаиме, было две группы по 25 человек, практически весь курс. В отличие от сегодняшних студентов, половина которых имеют медотводы, в то время мы ездили полным составом. Основная масса первокурсников занимались постройкой новодела, месили глину, лепили кирпичики. Эта работа многим не нравилась, не так мы представляли археологическую практику. А мне очень повезло, наши старшекурсники, которые специализировались на кафедре, Иван Ульянов, Федор Петров занимались раскопками и взяли меня и еще нескольких ребят к себе. Иван учил размечать курганы, а Федор потом отправил на Аркаим к Татьяне Сергеевне Малутиной. Это был первый опыт раскопок, и мы были очень горды, что еще первахами работали в команде профессионалов.

Я была достаточно субтильным, неспортивным ребенком и помню, что перед первой поездкой родители волновались, как я буду там жить. Но после месяца раскопок

мы вернулись, а через два дня я уехала обратно.

— Как полевые условия меняют людей?

— Я уже второй год преподаю на историко-филологическом факультете и на первой лекции говорю студентам, что это будет приключение, которое изменит их навсегда. Даже если человеку совсем неинтересна археология, то этот опыт в любом случае его поменяет. Поле раскрывает людей иногда совершенно с неожиданной стороны. Бывает, что общаешься с человеком, он тебе кажется надежным и порядочным, а в поле выехал — и понимаешь: нет, не товарищ. А бывает наоборот: не ждешь многого от человека, а когда нужна помощь — он старается, помогает.

— Чего не хватало в поле?

— Мы молодые были, всегда голые. Однажды на третьем курсе меня взяли на две недели на Аркаим проводить экскурсии. И на одну из экскурсий приехало много местных школьников, которым с собой дали сухпайки. Они жили рядом, приехали, послушали, поехали обратно. И учитель гово-

рит: «Заберите себе что осталось». Я пришла к своим в вагончик, показала «богатство», а там беляши, пирожки, еще что-то. Радости не было предела.

Раньше с продовольствием в экспедициях было совсем плохо. Например, в 1998 году, когда был кризис, мы копали в Варненском районе комплекс Исинеи и укрепление Чекатай. Из продуктов были рис, макароны и гречка. Каждый день одно и то же, было сложно. Сейчас, конечно, проще, все можно купить. Студенты говорят: «Нам надо в магазин!» На вопрос «зачем?» отвечают: «У нас чипсы кончились». Ну ладно, едем.

— Своих детей берете с собой?

— Да, старшему сейчас 26 лет, он узнал, что такое экспедиция, в пять лет. Сеня тогда впервые со мной поехал, и каждый год мы были вместе, до института. Оле сейчас четыре, она начала ездить со мной с года, конечно, не постоянно, поскольку работать с ребенком сложно да и хочется ее побережь. В этом году ее посвятили в археологи вместе со студентами из Екатеринбурга. Считаю, что для детей это школа жизни, они видят там разных людей. Например, когда сын был маленький, мы несколько лет копали с курсантами из ЧВВАКУШа. Он видел образец настоящих мужчин. Были случаи, когда он говорил: «Мама, принеси поесть, попить», а они ему объясняли, что он мужчина и сам должен помогать маме. Потом он влился в студенческое сообщество, и они дружат до сих пор.

— Археологическая школа Геннадия Борисовича Здановича всегда была очень сильной. Как она изменилась с его уходом?

— Изменения начались раньше, когда поменялась структура нашего вуза, произошло объединение факультетов и кафедр. Раньше кафедра археологии была самостоятельной, у нас было больше преподавателей, спецкурсов, связанных со специальностью. Потом из преподавания ушли Геннадий Борисович и Светлана Яковлевна Здановичи, Александр Дмитриевич Таиров, Илья Эдуардович Любчанский. Это те преподаватели, которые дышали археологией и вели за собой студентов.

Но у нас хорошие перспективы. Мы с Федором Николаевичем Петровым взяли активно за преподавание, к нам идут курсовики, надеем-

Г. Б. Зданович, основавший археологическую школу на Южном Урале, умел увлечь, как никто другой, 1999 год

ся, что все возродится. С большим удовольствием работаем с ребятами в поле, занимаемся наукой.

— У вас проходят практику студенты из других вузов и других городов. Как это происходит?

— Сейчас во многих вузах не выделяется финансирование на научные экспедиции, и они не знают, куда вывезти студентов на практику. Получается, что она есть в программе, но, чтобы содержать собственную экспедицию, нужны условия: обо-

рудование, финансирование, база. И, когда коллеги из других вузов спрашивают, нужны ли нам практиканты, мы с радостью их принимаем.

— Многие считают, что работа археологов — это только раскопки, поиск предметов или останков. Расскажите, чем еще занимаетесь?

— Археолог успешен, если он как личность разносторонне развит и постоянно готов обучаться чему-то новому. Не секрет, что у нас иногда ребята поступают на истфил, потому что думают, что на гуманитарной специальности учиться легко, математику и химию учить не надо. Но археология — это междисциплинарная наука, тут нужны все знания по всем предметам. Сейчас широко используются разные методы. Конечно, сложным анализом занимаются специалисты, но ты должен понимать, как это работает. Например, я в школе не любила физику и химию, но мне пришлось подтягивать эти предметы, а также математику и астрономию, возвращаться к школьной программе и перечитывать, чтобы понимать, как проходят

Расчистка коллективного погребения на могильнике Степное, 2005 год

В полевых условиях студенты лучше узнают друг друга, иногда с неожиданных сторон, 2022 год

комплексные исследования. Кроме того, археолог должен обладать навыками рисования, черчения, уметь фотографировать.

Я получала дополнительное образование как реставратор. Это другая сторона моей деятельности и отдельная область, которая, несомненно, расширила мой кругозор. Когда ты этим занимаешься, достаешь артефакты, сам же, как мы говорим, их лечишь, делаешь все, чтобы они как можно дольше хранились, то видишь процесс со всех сторон. В этом плюс совмещения профессий — археолога и реставратора.

Когда я отучилась в Екатеринбурге и прошла практику в реставрационных мастерских, через несколько лет поехала на аттестацию в Министерство культуры. Представители комиссии в основном были уже все в возрасте, сказали, что наконец-то археологи стали осознавать необходимость заниматься реставрацией.

— Что послужило толчком к освоению профессии реставратора?

— В 2001 году, когда мы копали могильник у Степного, среди находок было большое количество украшений, оружия, артефактов. Эта коллекция остается одной из богатейших. Это все было красиво, но разваливалось на глазах. Мы усиленно старались их сохранить, заворачивали в монолитики (фрагмент культурного слоя, извле-

ченный вместе с находками и грунтом в непотревоженном состоянии, чтобы затем в лабораторных условиях его можно было расчищать. — *Примеч. ред.*) Большое количество коллекций, найденных в 1970—80-х годах, оставаясь в этих монолитиках, умирают.

После экспедиции мы поехали на конференцию в Екатеринбург. По дороге нужно было забрать супругу одного из археологов, которая работала в реставрационных мастерских. Нам провели экскурсию по ним, и после этого я задумалась о том, что хочу научиться реставрационному делу. Геннадий Борисович выделил деньги, и меня послали на стажировку. Правда, отправили к его бывшей ученице Ольге Петровне Ченченковой, поэтому в итоге денег она не взяла. Мы до сих пор поддерживаем с ней теплые отношения. Мне повезло и в другом: Ольга Петровна — художник-реставратор высшей категории и одна из тех немногих, кто разбиралась в археологии.

— Навыки рисования используете?

— Конечно. Я училась в изостудии, моим учителем был член Союза художников, который думал, что я поступлю в художественное училище, а я пошла на истфак. Но все, чему я там научилась, применяю в своей работе. В «художке» поставила руку, я всегда сама рисую керамику. Тушью обводит специальный художник, но когда ты кон-

тактируешь с вещью, то смотришь и технологию, и сбои на сосудах. Это медитативное состояние, сразу представляешь, как этот предмет выглядел, появляются идеи. Когда прорисовывала Степное в первые годы, у меня родилось много идей по статьям на эту тему, — я и семантику орнамента изучала, и отпечатки ногтей на керамике, то есть это все пришло в процессе работы.

— Как выбираете предметы для реставрации?

— У нас есть хранители фондов, которые наблюдают за состоянием вещей. Когда видят активное разрушение, то просто приносят и говорят: «Полечи». Много нереставрированных вещей из старых коллекций, есть уже восстановленные, но поскольку через 20 лет положено проводить перереставрацию, то нужно снимать покрытие, заново чистить, клеить, покрывать. Бывает, условия несоответствующие. Например, когда на Аркаиме музей располагался в деревянном домике, зимой все часто перемерзало, весной текло. А такие вещи очень не любят повышенной влажности и сухости — они начинали «цвести» и разрушаться.

Сейчас я стараюсь заниматься свежими находками, найденными этим летом, а вообще выбираем те, которые нуждаются в скорой помощи. Но процесс реставрационных работ небыстрый, состоит из нескольких этапов. Вначале идет очистка от почвенных загрязнений или коррозии. Мы это сравниваем с гнойной раной — пока все не вычистишь, она будет гноиться дальше. Цветение протекает очень быстро, поэтому здесь задача — как можно скорее его остановить. Потом идет сушка, а затем консервация — покрытие специальным слоем, который оберегает от воздействия внешних факторов. А заключительный этап — подклеивание фрагментированных предметов, дореконструкция. Это касается нецельных предметов, особенно украшений. Иногда процесс реконструкции может занимать от пары часов до нескольких недель, в зависимости от сложности работ.

— Какое оборудование требуется для реставрационных работ?

— Это большой вопрос, и не только для наших реставраторов. Иногда приезжают специалисты из Москвы или Санкт-Петербурга и спрашивают: «Что за каменный век?», хваста-

ются своими технологиями. А у меня любимым инструментом долгое время была советская лыжная палка из стекловолокна. Я когда-то эту палку распилила и до сих пор ею пользуюсь. Такие покупать в лавке реставратора очень накладно, особенно сейчас. Пригодился бы сушильный шкаф, потому что мы сушим предметы в обычной духовке. Я уж не говорю о реактивах, дистиллированной воде, которые мы в основном покупаем из личных средств, а они нужны в большом количестве.

— От планирования раскопок до реконструкции и описания: можно ли сказать, что какой-то из этих этапов работы наиболее важен?

— Прежде всего важен сам процесс раскопок, все вращается вокруг него. Поскольку, когда копаешь памятник, ты его временно уничтожаешь. То есть ты именно сейчас должен сделать все возможное, чтобы получить максимальное количество информации. Потому что потом все исчезнет и никто ничего переделать не сможет. Поэтому хочется, чтобы все прошло гладко, ничего не пропустить и не потерять. Самое важное для руководителя — расставить всех по своим местам, чтобы каждый был ответственным за свое направление. Иначе вернешься с раскопок, развернешь коллекцию и поймешь, что восстанавливать уже нечего. Я считаю, что у меня очень хорошая команда, каждый член которой знает свое дело. Конечно, студенты иногда могут не понять инструктаж в силу своей неопытности. Могут напутать номера, разложить предметы не в те пакеты, не так подписать, этикетки потерять. Исправляем коллективно благодаря опыту и памяти. Бывает, например, сосуд без этикетки, но ты просто помнишь, где он находился. Структурирование важно.

— Вы часто проводите аналогию реставрации с медициной, но многие сравнивают ее с криминалистикой. Какие схожие методы вы используете?

— Археология — это древняя криминалистика. Одна из дисциплин археологии — трасология, учение о следах, — пришла полностью из криминалистики. В полиции криминалистов специально учат, аттестуют, у них есть корочки. У археологов этого нет, но они об-

ладают всеми навыками такого специалиста, поскольку точно могут определить по следам, что с найденной вещью происходило. Сам археологический памятник напоминает место преступления — нет тех, кто его совершил, но есть некие следы этой деятельности, и будь любезен узнать по ним все.

— Кого из перспективных археологов в регионе вы можете назвать сегодня?

— В нашей лаборатории — это, несомненно, Наталья Батанина и Николай Петров, из других вузов отмечу Алину Чиркову, которая сейчас учится в Москве на антрополога. У нас была большая проблема: в регионе не было своего специалиста. Мы возили кости в Самару, Москву, потом были большие трудности их вернуть, коллекция пропала. Алина сейчас защитилась, работает в столице, но когда приезжает в Челябинск, с радостью берется обрабатывать коллекции, причем бесплатно.

Можно отметить еще одного молодого специалиста-археозоолога — Алексея Рассадникова из Екатеринбурга. Такой человек необходим в экспедиции, потому что кости животных — это один из основных материалов, который мы находим при раскопках, и они дают очень много информации об экономике, обрядах, ритуалах древних обществ. Это не только определение видов животных, но и представлений об их использовании, болезнях, питании и т. д. В ЧелГУ был свой специалист — Леонид Леонидович Гайдученко. После его смерти была лакуна в таких людях, и Алексей нам очень сейчас помогает. Есть еще много талантливых ребят на Урале.

— Какое исследование вашей команды за последнее десятилетие вы считаете наиболее значимым?

— Я патриот Степного, это самый интересный памятник. Мы не каждый год там работаем, но всегда будем туда возвращаться. Результаты впечатляющие и коллекции самые богатые. Причем от комплекса памятников Степного я еще много жду. Каждый из них связан с аркаимской культурой — и могильники, и поселения. Это место постоянно преподносит сюрпризы. Например, с коллегой из другого вуза мы пишем про погребальные обряды и их гендерные особеннос-

С. Ф. Н. Петровым на конференции «Человек в пространстве древних культур» на Аркаиме, 2003 год

ти. У нас были статьи про погребения на поселении. Мы выделили общие черты. А в прошлом году нашли два совершенно нетипичных погребения в поселении. Потом мы писали, что в синташтинском погребальном обряде очень мало младенцев. И вдруг откапываем курган с 18 младенческими погребениями! Только ты думаешь, что что-то понял про Синташту, как она открывается заново.

Сейчас я собираю коллективную монографию, которая включит исследования 2021 года и совместную с американцами работу в 2008 году. Надеюсь, что летом она отправится в типографию. Аудитория ждет, поскольку интерес к укрепленным поселениям большой.

— Находим ли мы практическое применение открытиям археологов?

— Конечно, можно сказать, что археологи — единственные носители знаний о прошлом. Если вдруг все наши технологии исчезнут, кто, как не археологи, научит выживать, лепить горшки, ткать, обрабатывать шкуры?.. К тому же людям всегда было интересно, как создаются вещи. Археолог всегда сравнивает те процессы, которые мы реконструируем с историческими событиями и современностью,

Ценные находки команды Е. В. Куприяновой хранятся в музее ЧелГУ

проводим параллели, это одна из главных задач. Это кажется, что в бронзовом веке все было по-другому. Но на самом деле проецировать на себя чужие жизнь и опыт нужно и важно. Профессиональные историки — это не те люди, кто заучивает даты, события и имена, это люди, которые учатся понимать процессы, реконструировать и даже прогнозировать их. Например, древняя мифология присутствует во многих архетипах современного мышления и оставляет много штампов.

— **Аркаим удачно интегрирован в туристическую инфраструктуру.**

Есть ли в регионе другие объекты с таким потенциалом?
— Сейчас заповедник «Аркаим» активно развивает Синташтинский комплекс. Это известный памятник, даже более богатый, чем Степное. Но его раскопали очень давно и там мало что осталось. Планируется сделать монументальный памятник, реконструировать курганные насыпи, места, где были поселения и могильники. Но для памятника не очень хорошо, когда он становится объектом туризма. Поскольку экспедиция — это своего рода интимный процесс, ты стараешься погрузиться в исследование, отключиться от внеш-

них шумов, то туристы этот процесс очень затрудняют и замедляют. Я говорю о том, что если памятник еще исследуется, то его не надо делать туристическим объектом. Есть красивые места, куда люди поедут не из-за археологии, а для общения с природой и приобщения к истории. Например, Зюраткуль. Там много археологических памятников, и если реконструировать их, то это будет не менее интересно и познавательно.

Первая музейная экспозиция в ЧелГУ

Лабораторные работы

А

лександр Владимирович, ваша биография тесно связана с известными научными центрами.

Выпускник физико-технического факультета Томского политехнического института (ныне Национальный исследовательский Томский политехнический университет), сотрудник Физико-энергетического института (ГНЦ РФ — ФЭИ), Томского НИИ ядерной физики, Санкт-Петербургского госуниверситета. С 1979 года преподаете в ЧелГУ. Кто из наставников, ученых оказал на вас наибольшее влияние на разных этапах карьеры?

— Много выдающихся личностей. Первые учителя и коллеги: физик-теоретик, классик в теории переноса излучений профессор Анатолий Михайлович Кольчужкин, его ученик, преуспевший во многих областях — от теории космических лучей до космологии, мировой авторитет в теории дробных производных, мой долготелный друг фантастический профессор Владимир Васильевич Учайкин. В ФЭИ довелось работать с известным создателем первой национальной системы нейтронных констант, сыгравшей выдающуюся роль в создании отечественной атомной энергетики, профессором Марком Николаевичем Николаевым. Судьбоносным оказались знакомство и работа с мировыми классиками вычислительного метода Монте-Карло — профессором Сергеем Михайловичем Ермаковым и членом-корреспондентом РАН Геннадием Алексеевичем Михайловым. Первый стал моим руководителем по кандидатской диссертации и консультантом по докторской, второй был официальным оппонентом на обеих защитах — в ЛГУ и СПбГУ.

А. В. Лаппа: Ростки нового возникают по инициативе граждан и при поддержке государства

Беседовал
Андрей Сафонов

Поиск и укрепление взаимосвязей между физикой и медициной — дело жизни доктора физико-математических наук, профессора кафедры общей и теоретической физики ЧелГУ Александра Владимировича Лаппы. Говорим о том, как в Челябинске развивалась лазерная хирургия, что препятствует этому процессу и почему в одиночку даже гениальный человек не может предсказать будущее.

— **Судя по всему, для вас метод Монте-Карло важен.**

— С ним связана значительная часть моей жизни. Метод Монте-Карло, называемый также статистическим моделированием, объединяет множество численных методов решения задач математической физики с использованием случайных величин. Родился во время войны при создании атомной бомбы в знаменитом «Манхэттенском проекте». У истоков стояли великие Энрико Ферми, Джон фон Нейман, Станислав Улам. Интересно, что именно для реализации метода были придуманы первые вычислительные машины. Сейчас метод применяется повсеместно и далеко не только в физике. Наибольших успехов он достигает в задачах, имеющих вероятностную природу, и здесь прежде всего надо указать на многообразные задачи, связанные с ионизирующим излучением — фотонным (рентгеновским, гамма), электронным, нейтронным, протонным и так далее. Значительная часть моей научной жизни была посвящена именно этому направлению: теоретическим исследованиям и разработке вычислительных методов в области переноса из-

лучений в веществе. Со временем я все больше смещался в сторону биологии, исследований воздействия излучения на живые объекты. В частности, отмечу серию теоретических работ по воздействию излучения на клетки, молекулы ДНК, по расчетам выхода двуниевых разрывов ДНК и так далее.

— **Сфера ваших научных интересов — взаимодействие физики и живой природы?**

— Да. Вторая часть моей научной жизни связана с медициной. С лазерной медициной.

— **Как это соотносится с вашими более ранними исследованиями?**

— Распространение в биологической ткани оптического излучения, включая лазерное, похоже на распространение нейтронов или гамма-квантов в среде. В новой для себя области удалось применить свои знания ионизирующего излучения, и мы с коллегами создали определенные методы и программы. Пришлось заняться и более практическими вещами — разработкой лазерных медицинских технологий. В 1996 году я пришел в только открывшийся институт лазерной хирургии (на территории

областной больницы № 3), который возглавил первый его директор член-корреспондент РАН Арнольд Израилевич Козель. Моя задача состояла в организации подразделения, ответственного за всю технику, физические методы и технологии лазерного хирургического лечения широкого круга заболеваний. Прежде всего необходимо было решить две принципиальные задачи: сформировать коллектив и приобрести лазеры. Первая была решена за счет родного физического факультета ЧелГУ, почти все сотрудники созданного инженерно-физического отдела (самого большого в институте) работали на физфаке или были связаны с ним. При решении второй задачи требовалось, грубо говоря, угадать, какие типы лазеров из многочисленных существующих окажутся наиболее перспективными для хирургии. Удалось не ошибиться и поставить на так называемые диодные (полупроводниковые) лазеры. Тогда, в 1996-м, это была экзотика, но уже через десять лет диодные лазеры заняли прочное место в хирургии и терапии и начали активно вытеснять традиционные типы лазеров: твердотельные, газовые, на красителях.

В своем институте А. И. Козель собрал целое созвездие выдающихся ученых-медиков, профессоров Челябинской медицинской академии (ЧелГМА; ныне Южно-Уральский государственный медицинский университет). Среди них был знаменитый хирург и ученый, заведующий кафедрой общей хирургии ЧелГМА, руководитель хирургической клиники и центра эндокринной хирургии профессор Валерий Алексеевич Привалов. Встреча с ним вылилась в более чем двадцатилетнее активное научное сотрудничество, быстро переросшее рамки института и приведшее к созданию в 2003 году межвузовского медико-физического центра на базе ЧелГМА и ЧелГУ. Здесь физики и медики объединились для исследований, разработки, внедрения и применения новейших медицинских лазерных технологий и техники.

— **Идея центра себя оправдала?**

— Да, вполне. За двадцать лет разработаны десятки новых лазерных малотравматичных технологий лечения, защищенных более чем 20 патентами РФ. Выиграно множество грантов, опубликованы сотни статей, получено много дипломов, медалей и других наград на выставках и конференциях. Многие из этих технологий внедрены и широко используются в области, стране и даже за рубежом. Только два примера. Лазерная термотерапия узловых образований щитовидной железы. Очень распространенное заболевание. Традиционное лечение — непростая и небезопасная операция под общим наркозом. Вместо нее — укол в узел и аккуратный прогрев его лазерным пучком через тонкий кварцевый световод под УЗИ-контролем. Процедура длится 10 минут с использованием местной анестезии. Другой пример: фотодинамическая терапия рака. Больному вводится в кровь специальный нетоксичный препарат, называемый фотосенсибилизатором. Препарат «ищет» опухоль и накапливается в ней. К опухоли через световод подводится свет лазера определенной длины волны, часто в красном диапазоне. Происходит фотохимическая реакция с образованием синглетного кислорода — мощнейшего радикала, мгновенно инактивирующего биологические макромолекулы опухоли. В результате опухоль деградирует и гибнет.

Мы вместе с коллегами из Москвы и Санкт-Петербурга разработали, испытали, исследовали и внедрили эффективный фотосенсибилизатор нового поколения «Радахлорин». Сейчас он применяется повсеместно. На моих глазах фотодинамическая терапия выросла из экзотического экспериментального метода, к которому большинство онкологов относились прохладно (чтобы не сказать пренебрежительно), во вполне законный и почитаемый метод лечения в ряду традиционных методов: хирургии, лучевой терапии и химиотерапии. Хочется думать, что наша работа внесла небольшой вклад в эту эволюцию. Кстати, наша работа прямо послужила открытию в Челябинском центре онкологии и ядерной медицины отделения фотодинамической терапии (одного из первых в стране). Необходимо отметить, что успех центра был бы невозможен без потрясающей энергии и научной страсти Валерия Алексеевича. Он был первым медиком в моей жизни, с кем удалось установить необходимое взаимопонимание в области наукоёмкой медицины. Дело в том, что взаимодействие физиков и медиков — это соотношение разных мировоззрений. Мы по-разному думаем, по-разному представляем себе мир. Врач должен как-то понять физиков. Физик пытается что-то объяснить и, в свою очередь, понять медиков. И у нас с В. А. Приваловым это получилось. Центр также не состоялся бы без моих выдающихся коллег-медиков — замечательных врачей и ученых профессоров И. А. Абушкина и И. В. Крочака.

— **Центр такого уровня проблематично создать без организационной, материальной поддержки государства.**

— Разумеется. Организация центра была профинансирована из бюджета Челябинской области при прямой поддержке губернатора Петра Ивановича Сумина. В дальнейшем область участвовала в финансировании работы центра через конкурсы грантов по областным программам поддержки вузовской науки. К сожалению, сейчас такой программы нет. Первая помощь от области пришла еще в 2000 году. Благодаря этому нам с В. А. Приваловым удалось в первый раз поехать на самую представительную в мире лазерных научную конферен-

Александр Владимирович Лаппа, доктор физико-математических наук, профессор. С 1979 года преподает в ЧелГУ. В 2003 году возглавил созданный совместно с профессором В. А. Приваловым межвузовский медико-физический центр, который развернул свою работу на базе ЧелГУ и Челябинской медицинской академии. Научные интересы — физика воздействия ионизирующего и лазерного излучения на объекты живой природы, методы статистического моделирования, лазерные медицинские технологии. Руководитель научной школы. Действительный член Лазерной академии наук. Обладатель 20 патентов на изобретения.

цию Photonics West, проходящую ежегодно в Силиконовой долине США (Сан-Франциско, Сан-Хосе). Выступили с двумя докладами, тем самым положив начало распространению в мире нашей технологии по лазерному лечению щитовидной железы. Там же произошла встреча с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга и Германии, положившая начало долголетнему успешному сотрудничеству по фотодинамической терапии. Множество раз еще, вплоть до ковидных времен, сотрудники центра выступали на этой конференции.

— **О взаимодействии физики и медицины в пределах и нашего региона слышим довольно часто. Действует областной центр онкологии и ядерной медицины. В ЧелГУ открыт факультет фундаментальной медицины. Несколько лет назад шла речь о перспективах создания большого медицинского кластера...**

— Факультет фундаментальной медицины возник в какой-то мере и благодаря работе нашего межвузовского центра. Вполне естественно, что занимавшая на тот момент пост ректора ЧелГУ Диана Александровна Циринг старалась искать новые, престижные направления деятельности. Повлияло и то, что один из ведущих онкологов области академик РАН Андрей

Профессора В. А. Привалов и А. В. Лаппа за работой, Каракас

Профессора В. А. Привалов, А. В. Лаппа и И. А. Абушкин, Мюнхен

Владимирович Важенин (сегодня он руководит медицинским университетом) — член попечительского совета ЧелГУ и сотрудничал с нами. Хотя с открытием у нас факультета фундаментальной медицины отношения между двумя вузами на некоторое время ухудшились.

— Они стали в чем-то конкурентами?

— Да, так, видимо, некоторым показалось. Но вообще в классическом университете должен быть медицинский факультет и даже своя клиника, как это устроено в США, дабы обеспечить более тесное и органичное взаимодействие медицины с обслуживающими ее науками. Современная медицина — пирамида, только на вершине которой стоит врач, все тело и основание ее заполняют физики, химики, биологи, математики и другие специалисты, сосредоточенные

именно в классическом университете. Перефразируя Клемансо, можно сказать: медицина слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее медикам.

— Каков сейчас уровень межвузовского взаимодействия в тех направлениях исследований, которые близки вам?

— Наш межвузовский центр продолжает действовать, но интенсивность и формы деятельности изменились. Не к лучшему, увы (как и многое в стране). Мы плохо пережили ковид, из-за которого почти прекратились лазерные операции на нашей основной клинической базе, в горбольнице № 1, прервалось обучение врачей лазерным технологиям (надо сказать, очень популярное в стране), которое мы непрерывно проводили 20 лет. Мы, конечно, все восстановим, но формы деятельности будут другими. Дело в том, что, когда мы на-

чинали, лазерная медицина была институтской наукой, теперь же, спустя 26 лет, она стала почти клинической рутинной. И Челябинск — один из наиболее продвинутых центров в этом отношении. У нас в той или иной степени лазерная хирургия представлена во всех крупных больницах Челябинска. Интенсивно внедряют лазерные технологии частные центры, изначально ориентированные на малоинвазивные методы. Но есть, конечно, проблемы.

— Что необходимо сделать?

— Возобновить международную производственную кооперацию и признать лазерное лечение высокотехнологичной помощью. Сегодня у нас в области таким признано только то лечение, которое осуществляется в Челябинском центре онкологии и ядерной медицины. А то, которое производится, скажем, в городских больницах

№ 1 и № 6 Челябинска, в эту категорию не попадает.

— Почему?

— Из экономики, видимо. Из желания все зарегулировать. Боюсь, что продолжение этой темы быстро выведет нас к общим проблемам здравоохранения в стране.

— А если лазерное лечение признают высокотехнологичным, деньги из Фонда обязательного медицинского страхования будут поступать?

— В этом случае должны. Но тогда введут квоты по количеству операций. Практика показывает, что квоты редко бывают достаточными. Результат — очереди и платная медицина.

— Если говорить о лазерной медицине как о научной сфере, можно ли охарактеризовать место Челябинска и ЧелГУ в контексте мировой науки?

— Челябинск и ЧелГУ хорошо представлены и в России, и в мире. Нас знают по докладам на международных конференциях. Мы много публиковались

на английском языке в престижных научных изданиях. Как уже говорил, в Челябинске лазерная медицина достаточно широко распространена, намного больше, чем во многих крупных городах страны. Нас знают, и я знаю всех исследователей и производителей в этой сфере. И не только по многочисленным конференциям. Были совместные проекты, в том числе с хорошим финансированием. Так, долгое время мы сотрудничали с НПО «ИРЭ-Полюс» — российской частью гигантской международной лазерной корпорации IPG Photonics, основанной и руководимой до последнего времени нашим великим соотечественником Валентином Павловичем Гапонцевым (к несчастью, в этом году его не стало). Он, пожалуй, единственный россиянин — долларовый миллиардер, который заработал состояние не на природных ресурсах или банках, а на высоких технологиях (увы, не в России). В начале 2000-х его команда разработала и изготовила по нашему заказу диодный лазер с уникальными (на то время) параметрами, позволившими нужным образом

перфорировать живую костную ткань. В результате возникла одна из самых удачных наших технологий — лазерная остеоперфорация для лечения многих костных заболеваний, включая все остеомелиты, тяжелые переломы, асептические некрозы. С 2010 года началось наше плотное сотрудничество с «ИРЭ-Полюс» по применению в медицине лазеров нового типа, называемых волоконными (излучение в них рождается в оптическом волокне), генерирующих в новом для медицины диапазоне спектра. В результате появилось несколько высокоэффективных технологий для лечения геморроя, тяжелых сосудистых патологий, всевозможных кист и других серьезных заболеваний. Другой мощный наш партнер — головное предприятие Росатома — Российский федеральный ядерный центр (Снежинск). Самым значительным результатом нашего почти двадцатилетнего сотрудничества стала система для малоинвазивной хирургии, объединяющая новейший волоконный тулиевый лазер с медицинскими технологиями для лечения

А. В. Лаппа и глава IPG Photonics В. П. Гапонцев, Сан-Франциско

многих заболеваний. Проведенные нами всесторонние исследования системы, включавшие физические и медицинские (на животных) эксперименты, широкую клиническую апробацию, показали прекрасный результат.

Тут нужно заметить, что наш лазер относится к тому же типу, что и лазер В. П. Гапонцева, корпорация которого, IPG Photonics, является главным мировым производителем мощных волоконных лазеров. И «ИРЭ-Полюс» был до последнего времени единственным произво-

дителем в России медицинских волоконных лазеров. Наш лазер разрушает эту монополию. Более того, он эффективнее и легче за счет реализации так называемой «прямой схемы накачки»; у ИРЭ используется более громоздкая трехступенчатая схема. И еще очень важное. Лазерные диоды и некоторые другие ключевые комплектующие «ИРЭ-Полюс» получает из зарубежных подразделений IPG. Снежинск же готов к собственному производству необходимых ключевых комплектующих.

— **Правила конкуренции позволяют ученому взаимодействовать с разными организациями?**

— Не вполне. Например, мои деловые отношения с В. П. Гапонцевым и ИРЭ практически прекратились после того, как в 2018 году между ЧелГУ и РФЯЦ был заключен большой договор и мы начали финальные испытания нашего лазера. Мы стали прямыми конкурентами с ИРЭ, и при всем нашем взаимном уважении пришлось разойтись. Но я никогда не скрывал свою

позицию. Я не производитель и не продавец лазеров. Я, скорее, пациент, потенциальный потребитель. И в моих интересах — чтобы производителей было как можно больше, чтобы они конкурировали, было разнообразие предложений и справедливая цена. Все понимают, что конкуренция — благо, но для любой корпорации это не повод своих конкурентов поддерживать. И я не стремился усидеть на двух стульях, понимая, что такая позиция опасна.

— **Роль материального фактора (доступ к дорогостоящему оборудованию, уровень финансовой обеспеченности ученых) действительно велика или все же преувеличена?**

— Что значит преувеличена! Наша наука финансируется на порядок хуже, чем в развитых странах, вузовская особенно. Мы живем исключительно на гранты. Но, во-первых, они недостаточны, во-вторых, нестабильны: сегодня — есть, завтра — нет. На грантах невозможно собрать постоянно действующую команду. Ты не можешь предложить человеку уйти с постоянного места работы и перейти на полный рабочий день в твою компанию исследователей. Это ужасная система! Советская система была, мягко говоря, неидеальной, но все-таки лучше грантовой. При вузах постоянно действовали бюджетные лаборатории, значительные средства поступали от хоздоговоров с отраслевыми институтами и производственными предприятиями.

— **И какова альтернатива?**

— Советскую систему не возродить — нет отраслевых институтов и производства. Но достойное бюджетное финансирование вузовской науки ввести необходимо. Опреде-

ленное количество средств и сейчас выделяется по государственному заказу. Но этого очень и очень недостаточно. С оборудованием сплошные проблемы, тем более 100 процентов комплектующих — зарубежные.

— **Как в этих условиях выживает наука?**

— А ее, по гамбургскому счету, нет. Как нет приличного образования и достойного здравоохранения. Не бывает развитой науки и образования без развитого производства (чистый марксизм). И я в своей жизни был свидетелем гибели всего этого. Преподаю уже сорок с лишним лет и вижу, как каждый год уровень студентов падает. Когда я пришел преподавать в 1979 году, считал, что студенты у нас плохие по сравнению с теми, с которыми я учился сам. Сейчас те первые мои студенты кажутся сплошь гениями. Снижение уровня началось с середины 60-х годов. Трудно поверить, но тогда мы конкурировали с американцами на равных по самым значимым научным областям. Даже в вычислительной технике, где они были впереди, наши позиции были очень достойными. В 1967 году началось производство полностью отечественной транзисторной машины БЭСМ-6 на миллион операций в секунду — достижение, сравнимое с полетом Гагарина! Работал на ней, знаю. Теперь у нас вычислительной техники просто нет совсем!

— **Вы человек, глубоко переживающий...**

— Конечно, это же дело моей жизни!

— **...и наверняка задумывались, что именно пошло не так.**

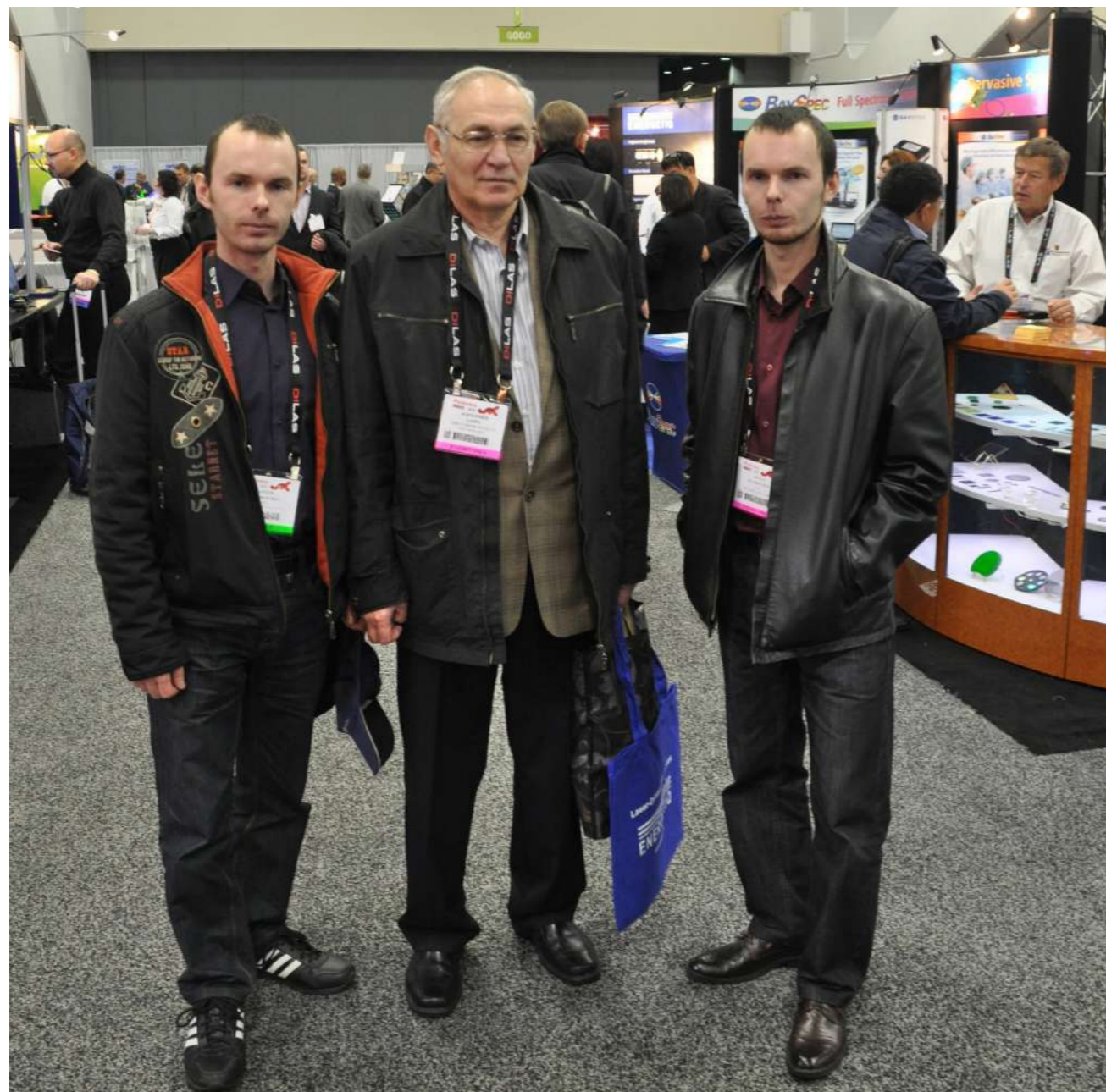
— Ответ известен. Все наши великие достижения конца со-

роковых — начала шестидесятых были оплачены неимоверными усилиями и страданиями всей страны. Страна не могла далее существовать в этом нечеловеческом режиме. А человеческий режим с развитой экономикой и наукой был несовместим с условиями того архаичного общественного устройства и той тоталитарной системы власти. Конкретно по вычислительной технике. Эта власть приняла решение бросить все силы на создание единой системы ЭВМ, полностью скопировав американскую систему IBM-360/370. Фирма IBM не возражала (несмотря на явное нарушение своих авторских прав), поскольку считала систему устаревшей и уже вела разработку новых. В итоге собственные разработки и производство вычислительной техники быстро деградировали, а новая система толком так и не заработала.

— **К этому приводит стремление все регулировать?**

— И это тоже. Как подобные процессы происходят на Западе? Инициативные ребята на свой страх и риск запускают стартапы. Многочисленные венчурные фонды их поддерживают. Девяносто процентов разоряются, ни к чему не приводят. Но остальные пять — десять процентов обеспечивают прорыв. Естественным образом за счет инициативы граждан и поддержки бизнеса и государства возникают ростки нового. Ни один даже самый великий человек не способен предвидеть будущее. Помните: хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

А. В. Лаппа с аспирантами Куликовскими, Сан-Франциско

Лекцию читает доктор исторических наук М. Д. Машин, 1981 год

Студенческий строительный отряд «Поиск», конец 1980-х годов

С

Сергей Федорович, вы однажды признались, что тяга к естественным наукам у вас возникла под влиянием отца. В чем это выразилось?

— Папа был и есть (ему уже 90 лет) рыбак. Все время брал меня на водоемы. В Омске, где я жил, главный водный объект — река Иртыш. Во времена моего детства она представлялась мне гигантской. Мы очень часто ездили на ночные рыбалки. Посещали места рядом с берегом, ходили по лесам. Там, как в Челябинске, есть реликтовые ленточные боры, которые остались после прохождения ледника. Когда ледник шел, он пробивал русла рек нынешних, а боры сохранялись сплошными участками леса в том состоянии, как сейчас. Под Омском есть место, называется Чернолучье, там ленточный бор до сих пор стоит. Конечно, он подвергся воздействию человека, но тем не менее существует. Так вот, мое знакомство с природой в малолетстве началось с Чернолученского бора и реки Иртыш. Папа мне все про них рассказывал, объяснял. Это было очень интересно. Потому что он сам здесь вырос. Его детство в военные годы было голодным, и мальчишки 12–14 лет ходили на рыбалку, попросту добывая себе пропитание. При этом они познавали природу. И эти познания, первые навыки общения с природой, первые навыки общения с природой мне не школа дала, а отец. Он до сих пор всем этим интересуется и сам человек очень интересной судьбы. Уже потом, в школе, мне встретился очень хороший учитель биологии. Биология и история, особенно археология, были моими самыми любимыми предметами.

— Почему не стали археологом?
— В год, когда поступал, к истории в список вступительных

С. Ф. Лихачев: Молодой исследователь — человек, который должен творить свою науку

Беседовал
Андрей Сафонов

С министром экологии Челябинской области доктором биологических наук, профессором Сергеем Федоровичем Лихачевым говорим о роли человеческого в постижении естественных наук, развитии факультета экологии ЧелГУ и участии выпускников в сохранении природной среды региона.

Парад факультетов ЧелГУ, 2017 год

экзаменов добавили английский язык, а я в школе изучал немецкий. Поэтому с легким сердцем пошел на естественно-географический факультет Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Был участником экспедиций. Могу сказать, что с 1975 до 2005 года участвовал во всех полевых сезонах.

— После окончания института в 1979 году вы работали с детьми. Что дал вам этот опыт?

— Мы в Доме пионеров организовали кружок. Дети занимались ихтиологией, аквариумным рыбодоводством. Все они мои единомышленники! Многие из тех ребят уже кандидаты наук, работают в Омском педагогическом университете и не только. Было здорово! Ездили в экспедиции, сами делали аквариумы, рыб разводили, растения выращивали, проводили научные исследования ихтиофауны. Моя ученица после поступления в универ-

ситет занималась исследованием рыб Ладожского озера. Ездил в Ленинград, работала в лабораториях Государственного научно-исследовательского института рыбного хозяйства. Написала кандидатскую диссертацию, работает в университете, возглавляет факультет. Я ею горжусь, конечно. И это далеко не единственный пример.

— Что общего в работе с детьми, подростками и студентами?

— Понимаете, и в школе, и в вузе, и в любых учреждениях, связанных с образованием, самое главное — не дать знания, а пробудить у обучающегося интерес, желание эти знания получать. Особенно сейчас, когда возможностей для доступа к информации много и, казалось бы, преподаватель особо не нужен. Поэтому задача — заинтересовать и направить обучающегося. Когда направляешь, дети, школьники, студенты что-то улавливают, задумываются о том,

чтобы связать свою судьбу с наукой, производством. Они начинают двигаться, и педагогу важно им задать траекторию и немного ее корректировать. Например, в поиске и оценке качества тех же знаний. Молодые, неопытные, многое читают в Интернете, а там, как известно, могут написать нечто такое, что вообще противоречит здравому смыслу. То есть необходим вектор. Кроме того, нам, естественникам, очень важно, чтобы студенты работали «в поле», осваивали методики. И для школьников это тоже очень полезно. Сужу по своему опыту: если школьника сориентировать, помочь ему выбрать систему координат, то, став студентом, он намного меньше времени потратит на адаптацию в вузе, так как знает, чего хочет.

— Может ли преподаватель исправить ситуацию профориентации за счет индивидуального подхода к каждому студенту?

— Подход и должен быть индивидуальным. Во-первых, сейчас академические группы небольшие, это не поток 100—150 человек. Во-вторых, преподаватель, поняв интересы студентов, может вовлечь их в научную работу. Я готовил будущих аспирантов начиная с момента их поступления на факультет. Первый год — упор на теорию. На втором курсе они начинали применять освоенные методики в природе, собирали материал. К четвертому-пятому курсу оставались два-три человека, готовых связать себя с наукой. Ко времени поступления в аспирантуру они уже владели методиками, знали основную литературу, у них уже были научные статьи, опыт участия в конференциях — все то, что позволяет правильно воспринимать материал исследования и, самое главное, сохранять творческое начало в работе. Аспирант — это человек, который должен творить свою науку: придумывать, экспериментировать, студентов к своей теме подключать, тем более они тянутся почти к таким же по возрасту. Жаль, что сейчас весь этот процесс излишне запрограммирован и многое сводится лишь к получению зачетов, оценок на экзаменах и дипломов, в том числе аспирантских. Необходимо в каждом студенте пробуждать, поддерживать творческий интерес и строить базу этих интересов. Для этого должно быть постоянное непосредственное общение педагога и обучающегося.

— Поговорим о ваших интересах в науке. Кто повлиял на ваше становление именно как ученого?

— Я представитель ленинградской, так называемой догелевской школы. Меня учили непосредственные ученики Валентина Александровича Догеля — это член-корреспондент Академии наук СССР. Вспоминаю с большой теплотой Ксению Мионовну Суханову и Юрия Ивановича Полянского. Да и многих людей, известных в биологической науке, знаю хорошо. Учился в аспирантуре Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Кандидатскую защищал в ЛГУ имени Жданова. Была вероятность, что после защиты останусь в Ленинграде, но вернулся в Омск, на кафедру зоологии педагогического института. Конечно же, это серьезный преподавательский опыт. Как сейчас

помню, 2 ноября 1984 года заступил на работу и в этот же день начал читать лекции по дарвинизму для заочного отделения. Учебная нагрузка — 1500 часов в год, зарплата 128 рублей в месяц. Года через два стал старшим преподавателем. Затем, в 32 года, — заведующим кафедрой, довольно молодой возраст для того времени. Восемь лет там проработал. Докторскую диссертацию защитил в Зоологическом институте Академии наук СССР, одном из самых авторитетных научно-исследовательских центров мира. Еще до защиты написал две монографии. Первая посвящена зонированию водоемов по видовому составу эвгленовых жгутиконосцев — микроскопических одноклеточных организмов. По их составу без химического анализа можно определить, например, степень загрязнения природных и сточных вод. Вторая монография затрагивает вопросы эволюции, происхождения видов — тех же самых эвгленовых жгутиконосцев. Когда знаем, как произошли те или иные виды, можем многое понять и в плане экологии.

Сергей Федорович Лихачев, доктор биологических наук, профессор кафедры геоэкологии и природопользования. С 2011 по 2018 год — декан факультета экологии ЧелГУ. Под его руководством осуществлялась подготовка высококвалифицированных специалистов по направлению «Экология и природопользование». Совместно с коллективом факультета в университете открыты новые направления подготовки бакалавров и магистрантов — «Лесное дело» и «Водные биоресурсы и аквакультура», востребованные на рынке труда Челябинской области. С 2018 года — министр экологии Челябинской области. Автор более 300 научных работ и учебно-методических пособий. Награжден почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, почетной грамотой губернатора Челябинской области.

На выводах этих двух работ построена моя научная школа. Многие мои выпускники, аспиранты, кандидаты наук занимаются этой проблемой. У нас есть представления о тенденциях, последствиях загрязнения каждого исследованного водоема, о том, будет он «работоспособным» или превратится в дистрофное образование. Это мы можем определить по видовому составу простейших.

— На посту министра, а ранее — декана факультета экологии ЧелГУ что важнее: навыки управления или концептуальное видение ученого?

— Сложный вопрос. Начну с того, что никогда не преследовал цели занять какой-нибудь пост. Меня всегда приглашали. Так было с заведованием кафедрой в Омске или в Челябинском педагогическом университете, с руководством факультетом экологии ЧелГУ или министерством. Но опыт руководящей работы накопился большой, и он, конечно, полезен.

— Как вы оказались в Челябинске?

— С давних времен у меня здесь много друзей, и они постоянно звали меня. В 2005 году переехал работать в Челябинский педагогический университет на должность заведующего кафедрой зоологии. А в 2011-м мне предложили возглавить факультет экологии ЧелГУ. Правда, ректор сказал, что, если не будем развиваться, нас объединят с химфаком. Когда я пришел, было одно более или менее сформировавшееся очное отделение студентов — человек восемьдесят. Заочного не было, магистратура и аспирантура только открывались. Удалось создать коллектив преподавателей и вместе выстроить работу.

— Что из достигнутого факультетом считаете наиболее значимым?

— Мы усилили магистратуру и аспирантуру, расширили круг образовательных услуг. Помимо направления «Экология и природопользование» появились «Лесное дело» и «Водные биоресурсы и аквакультура». Стоило очень большого труда открыть эти программы. Они пользуются спросом, сюда идут люди, которые точно будут работать по специальности. Готовится программа по биологии и географии для будущих педагогов. Интересно открыть «Охотоведение» — специаль-

Сегодня в зоне ответственности С. Ф. Лихачева — регион

ность, связанную и с лесным делом, и с экологией. Представьте: самые близкие к нам города, где есть такое направление, — Иркутск и Киров. А было бы интересно обучать, в том числе заочно, специалистов, которые уже работают в этой сфере.

— Факультет влияет на процессы в сфере экологии региона?

— Мы единственные в области готовим экологов и природопользователей широкого профиля. Все наши выпускники, кто решил работать по специальности, не остаются без дела. Случайных людей на факультете мало. Сюда идут осознанно. В лесники кто пойдет? Знаю мальчишек, окончивших «Лесное дело»,

и они реально трудятся в лесах. Это тяжелая и сложная работа. Или «Водные биоресурсы» — своеобразная специальность, ихтиологом работать не так просто. Приходят ребята с рыбоводных хозяйств, потомственные рыбоводы продолжают дело своих отцов. Есть те, кто сам заинтересовался экологией и сделал осознанный выбор. Кстати, для поступления необходимы результаты ЕГЭ по географии, не самый популярный предмет. То есть человек, который сдает этот экзамен, целенаправленно идет именно к нам. Хотя у нас сложно учиться, объем учебного материала очень большой. Но он дает преимущества на рынке труда. Многие из наших

выпускников работают в органах власти, что немаловажно. Для принятия решений необходимы мнения экспертов. Если представитель власти сам является экспертом, это играет существенную роль. Наши преподаватели входят в координационный экологический совет при губернаторе Челябинской области. Другие выступают с экспертными заключениями в медиапространстве или становятся соавторами учебных пособий для школьников и методических рекомендаций для учителей. Большинство из этих людей молоды, но с их мнением считаются. Вклад факультета экологии ЧелГУ в жизнь региона значительный, и я не хочу, чтобы он уменьшался.

Участники городской эстафеты на призы газеты «Челябинский рабочий», 1979 год

Выпуск историков, 1987 год

С

пособности к точным наукам обычно ярко проявляются еще в школьные годы. А вы когда заявили о себе как о будущем физике?

— Довольно рано, еще в начальной школе, мне стало интересно, как устроен этот мир. Отсюда интерес ко всему, включая математику, биологию, химию... К счастью, во многом благодаря учителям эта познавательная активность сохранялась на протяжении всех школьных лет. Однако физикой заниматься плотно я долгое время не планировал. Но все изменилось, когда я попал в класс с хорошим, увлеченным учителем физики. А учился я в общеобразовательной челябинской школе № 100, где в то время проводились различные образовательные эксперименты, в том числе был класс с углубленным изучением математики и физики, куда я и попал. Это помогло мне получить хорошую базу для того, чтобы начать осваивать физику с позиции исследователя уже после поступления в ЧелГУ.

— Каким было время, когда в вашей жизни появился ЧелГУ?

— На дворе был 1994/95 год, но мне хотелось, несмотря на сложные и непонятные времена, заниматься фундаментальной наукой. И я задумался о поступлении на физфак ЧелГУ. Мне казалось, что за этим направлением будущее и интерес к исследованиям к тому времени, когда я закончу вуз, все-таки возродится, выйдет на новый виток. Жизнь показала, что я во многом был прав, ведь со временем новые возможности действительно появились. Университет с первых дней покорила меня своим преподавательским составом. Не погрешу против истины, если скажу, что

А. Е. Майер: Наша уникальность — в разнообразии традиций научных школ

Беседовала
Наталья Чанова

О том, какие силы способны повлиять на прогресс в науке, что заставляет физиков искать новые методы исследований и к чему может привести моделирование поведения материалов в экстремальных ситуациях, говорим с заведующим кафедрой общей и теоретической физики ЧелГУ доктором физико-математических наук Александром Евгеньевичем Майером.

Международная конференция по механическому поведению материалов, Германия, 2015 год

благодарен всем, кто повстречался на моем пути в студенческие годы. Но особенно тем, кто направлял меня в научно-исследовательской работе.

— Кто были ваши главные учителя в ЧелГУ?

— Мой главный учитель Александр Павлович Яловец был моим научным руководителем на протяжении обучения в бакалавриате и магистратуре, а затем и в аспирантуре. В 2003 году я защитил кандидатскую диссертацию, но на этом наше сотрудничество не закончилось, и я плотно работал в его группе вплоть до 2009 года. Другим моим наставником на протяжении многих лет был Александр Егорович Дудоров. До сих пор не могу поверить, что его уже нет среди нас. Общение с профессором Дудоровым, безусловно, оставило яркий след в моей профессиональной биографии. Просто глядя на этого человека, на то, как он шутит, ведет исследования и работает со студентами, много чему учишься.

— Расскажите немного о научной школе, к которой вы принадлежите.

— Я продолжаю линию, заданную А. П. Яловцом, который долгое время изучал воздействия излучения, создаваемого ускорителями, на вещество. Меня же интересовали неустойчивости, которые возникают на поверхностях материала во время облучения. В целом не только моя кандидатская диссертация, но и магистерская работа были посвящены этой теме, разным ее аспектам. Но постепенно у меня появились и свои научные интересы. В частности, я задумался над тем, как ведут себя материалы при других интенсивных воздействиях, а не только при облучении. Вот так постепенно я «мигрировал» в область материаловедения. Примерно с 2009 года я стал уделять больше внимания пластичности материалов и с удовольствием продолжал исследование, но уже вместе со своими учениками — студентами и аспирантами ЧелГУ. Когда мы моделировали воздействия потоков энергии на материал с моим учителем профессором Яловцом, рассматривали вопрос об их поведении. А уже Василий Красников, мой ученик и одновременно ученик профессора Яловца, тоже увлекся темой пластичности металлов, причем еще будучи сту-

дентом. И результаты налицо: теперь мы вместе работаем над этой темой уже в рамках второго гранта под его руководством. Всегда радуют такие примеры, свидетельствующие о преемственности поколений и о разветвлении научных школ.

— В чем, по вашему мнению, заключаются особенности научных школ, которые сформировались на физическом факультете ЧелГУ?

— Наша сила — в разнообразии традиций. Школа астрофизиков ЧелГУ и школа Василия Бучельникова — каждая по-своему неповторимы. Руководители каждой из школ дают уникальную подготовку тем, кто только начинает свой путь в науке. Все происходит через обучение, через общение. Научная школа всегда личностна, ее развитие очень зависит от лидера, который задает некие правила, со временем вырастающие в традиции.

— Что значит для вас руководить кафедрой? Какие направления работы в этой роли доставляют удовольствие, а с какими просто приходится мириться?

— Заведующим кафедрой я стал с легкой руки Александра

Егоровича Дудорова в 2009 году. Был период начиная с 2005 года, когда я работал одновременно как в ЮУрГУ, так и в ЧелГУ. К слову, не вижу в такой ситуации ничего плохого. В научном мире вообще приветствуются периодические переходы из одного вуза в другой. Мне представляется полезным «повариться» в разных коллективах, ощутить на себе разные подходы к управлению, научиться менять методы решения тех или иных задач. Тем не менее научная школа, как правило, локализована в одном вузе, что рано или поздно заставляет тебя сделать основной выбор. И вот в моей жизни такой момент истины настал.

Признаюсь, мне непросто далось решение принять на себя заведование кафедрой. Отношусь к тем, кто с большим удовольствием отдает свое время научной работе, чем преподавательской и административной. Но наша жизнь многогранна, и со временем я научился находить плюсы там, где не видел их раньше. Вот, например, работа со студентами то и дело преподносит сюрпризы. С годами я полюбил преподавание почти так же, как и исследовательскую деятельность. Обычно всегда в каждой группе есть студенты, с которыми интересно взаимодействовать, хотя, признаюсь, количество сильных ребят на курсе колеблется год от года. Заметил, что система ЕГЭ при всех тех ее достоинствах (а их немало) в какой-то мере обескровила региональные вузы. Но тем не менее и сегодня каждый год в ЧелГУ приходит много умных и талантливых молодых людей.

— А ваши ученики и молодые коллеги, входящие в исследовательскую группу, которая занимается изучением деформационного поведения металлов и сплавов, — какие они?

— Разные! Отчасти они по-другому мыслят, менее зашоренно, без жесткой привязки к авторитетам. К тому же сегодня так много возможностей для молодых ученых! Безусловно, это стимулирует развитие. Но и нынешние аспиранты, как и я в их возрасте, не всегда понимают, в каком направлении двигаться. Без сомнений в науке никак нельзя.

Илья Бородин, Василий Красников, Виктор Погорелко, Евгений Фомин — о них уже можно гово-

рить как о перспективных ученых со множеством интересных идей. У каждого из них есть своя область интересов, но вместе мы принадлежим к одной научной школе, практикующая с их студенчеством сотрудничая по большинству проектов. Есть и молодые талантливые и увлеченные аспиранты. Егор Родионов, Наталья Грачева и уже готовящиеся к защите кандидатских диссертаций Финиль Латыпов и Михаил Леканов.

— А какое место в ваших исследованиях занимает космическая тема?

— Мы исследуем сплавы, которые используются, среди прочего, и при решении аэрокосмических задач. Моделируем их поведение в экстремальных ситуациях, которые возникают не только на Земле, но и в космосе.

А если продолжать разговор на космическую тему, то нельзя обойти вниманием наш челябинский метеорит. Лично мой вклад в изучение этой темы заключался в моделировании траектории его движения и разрушения. Исходя из свойств болида, удалось выяснить, на какие именно кусочки он разваливается при определенных условиях. Вместе с А. Е. Дудоровым мы проанализировали, как вел бы себя метеорит, пролетая под разными углами, при разных скоростях. Нас интересовали условия, при которых падение метеорита сопровождалось бы более серьезными разрушениями, чем в реальности. Оказалось, что наш метеорит достаточно безобиден, как бы он ни летел.

— А как в вашей научной группе появился интерес к нейросетям?

— Действительно, мы активно занимаемся использованием нейронных сетей для прогнозирования свойств материалов. Проблема в том, что даже довольно простые материалы ведут себя сложно, поэтому описывать их с помощью одних только базовых законов физики было бы не совсем правильно. Законы сохранения, например, задают границы процессов, в рамках которых может быть огромное количество вариаций поведения системы. Случайно меняя парамет-

ры, можно порой узнать больше, чем в поисках одного определенного закона. Спрогнозировать поведение даже такого, казалось бы, давно изученного материала, как алюминий, — непростая задача, если речь идет об экстремальных условиях, например. Но использование нейросетей может помочь в этом, дополняя традиционные детерминированные модели на основе дифференциальных уравнений. Методы машинного обучения не универсальны, но в каких-то областях материаловедения они эффективны. Остается выяснить, где именно.

— Вы следите за дальнейшей судьбой своих исследований?

— Во всяком случае знаю, что модели, разработанные нами ранее, применяются другими научными группами. К примеру, модели, которые были созданы нами в 2010—2011 годах, использовали ученые Китая, Великобритании. Они тоже занимаются темой распространения ударных волн, но в отношении к другим материалам.

— Вы многократно были победителем грантовых конкурсов. Грант — это сильная мотивация для научного исследования?

— Грантов было достаточно для того, чтобы проводить исследования, поддерживая коллектив в рабочем состоянии. Тут все просто: если не платить деньги за исследования, люди будут вынуждены заниматься поисками заработков, а значит, просто не смогут заниматься наукой.

Да, грант — это сильная мотивация. Ты должен выполнить показатели в заявленные сроки. Можно ведь долго и с удовольствием заниматься проектом, но не демонстрировать никакого результата. Жизнь показывает, что эффективность ученого ниже, если он не ограничен четкими сроками и обязательствами. Получать гранты, особенно первые, было нелегко. Поначалу их не давали, и требовалось подтягивать показатели, качество заявок и предлагаемых исследований. Но со временем стало проще. Проект должен быть интересным

Лауреаты в номинации «Ученый года ЧелГУ» по итогам 2016 года: В. Е. Федоров, А. Е. Майер, С. В. Таскаев. А. Е. Майер становился лучшим ученым несколько раз

прежде всего с позиции научного сообщества, экспертов, которые его оценивают. Понять это можно, только читая статьи в научных журналах, принимая участие в конференциях. Но этого мало. Нужно еще грамотно написать заявку. А параллельно важно работать над своими статьями по теме.

— В каких направлениях развивается современная физика?

— Современная физика активно берет все инструменты, которые способны предоставить математика и информатика. Берет и проверяет, насколько они эффективны для решения тех или иных задач. Что-то проходит проверку време-

нем, а что-то уходит, заменяясь на новые инструменты. Вот сегодня нам очень интересно все, что связано со статистической обработкой большого объема данных и обучением на этой основе нейросетей. Но это лишь одно из направлений развития. Лет двадцать назад исследования, посвященные молекулярной динамике, были редкостью, а сегодня это мейнстрим. Но это стало возможным именно благодаря использованию современных вычислительных ресурсов. Данных накапливается все больше, и описать их с использованием традиционных моделей становится все сложнее. Все сложнее становятся исследуемые системы. С этим

и предстоит справляться физике будущего.

— Каким должен быть сегодня настоящий физик, который двигает вперед науку?

— Думаю, для ученого вообще обязателен определенный уровень внутренней критики. Важно здраво анализировать результаты своего труда. Мощная движущая сила — интерес, природное любопытство, однако желание превзойти конкурента нам тоже не чуждо. Но не думаю, что на этих весах честолюбие должно перевешивать самокритику.

Александр Евгеньевич Майер, доктор физико-математических наук, доцент. Заведующий кафедрой общей и теоретической физики. Автор более 120 научных статей. Победитель 10 грантовых конкурсов.

Самостоятельная работа студентов-математиков

Химическая лаборатория

С

чего начинался ботанический сад ЧелГУ?

— Университетские ботанические сады возникают по решению руководства университета. У нас это произошло в 1999 году.

— Что значит эта территория для университета?

— Ботанический сад — это классическое академическое направление. Оно возникло тогда же, когда возникли первые университеты — в итальянской Падуе в конце XIV века и других городах, где сразу же при вузах формировались ботанические сады. Первые университетские сады представляли собой аптекарские огороды, территории коллекций, которые обеспечивали практические учебные и научные нужды факультетов естественных наук. Позднее сады приобрели облик научных коллекционных парков и статус самостоятельных научных структурных подразделений.

Наш сад — это научное подразделение, которое ведет самостоятельные научные направления (фундаментальные и прикладные), а кроме того, является базой для учебных, дипломных и производственных практик факультетов фундаментальной медицины и биологического, факультета экологии, университетского колледжа. Студенты проходят здесь учебные и производственные практики. К тому же мы занимаемся социальными и просветительскими проектами, проводим ботанические экскурсии по коллекциям сада. А благодаря развитию питомника еще и начали зарабатывать деньги для университета и для расширения своих материальных ресурсов также. Та часть ботанического сада, которая примыкает к территории

В. В. Меркер: Все мои сотрудники — практически родные люди

Беседовала
Валерия
Хисамутдинова

Ботанический сад ЧелГУ положительно влияет на общую экологическую культуру челябинцев. Об этом, а также об изменениях в городском озеленении, новых исследованиях научного центра и значении этой территории для университета рассказала директор Вера Викторовна Меркер.

первого корпуса, оказывает довольно значительное влияние на его имидж. Это не просто зеленый уголок, а научный парк, где в виде ландшафтных экспозиций и родовых комплексов представлены коллекции растений сада. В нем можно гулять, проводить мероприятия и читать лекции на открытом воздухе, под небом, используя «зеленые классы» и удобные площадки среди зелени, отдыхать в обеденный перерыв, причем одновременно на разных площадках. В свободное время к нам постоянно заглядывают студенты: лежат на газонах, сидят на камнях, общаются. Также, поскольку университетская территория открыта городу, не имеет защищенных платных входов, ее может посетить любой желающий. На территории сада постоянно находятся посетители.

— Решение о создании ботанического сада было принято в 1999 году. Было ли тогда понимание, какой значимостью он будет обладать?

— Когда на генеральном плане города появился план университета, рядом с ним сразу же была обозначена территория ботанического сада. Это было самым естественным сочетанием для классического вуза. Но принять решение и начать практически его реализовывать не одно и то же.

Идея создания ботанического сада — одна из самых красивых на свете идей, только реализовывалась она не очень просто. Прошел довольно большой период с момента подготовки генерального плана университетской территории до принятия решения о реальном создании ботанического сада и тем более до реальных работ по закладке ботанических коллекций. В начале 2000-х годов были упущены серьезные возможности — это два постановления, города и области, о создании ботанического сада. Они были просто положены в стол. Когда мне в 2006 году пришлось заниматься данными вопросами, реанимировать документы уже оказалось невозможно — прошел слишком большой срок, позволяющий это сделать. С 2005—2006 годов мы начали развивать штат, осваивать территории открытого грунта, закладывать коллекции, при этом в закрытом грунте (в приспособленном помещении факультета экологии) коллекции

тропических и субтропических растений начали создаваться еще с 2000 года в лаборатории экологии растений, которая и была создана мною в том же году для целей подготовки ресурсов ботанического сада, развивать гербарную коллекцию (кстати, которая в 2006 году уже получила международный акроним) — то есть заниматься теми направлениями, которые сами посчитали нужным заложить в ботаническом саду. К этому университет отнесся с большим пониманием. Несмотря на сложности, мы последовательно реализуем все наши задумки, в том числе с помощью руководства. Мы чувствуем эту поддержку.

— Как вы считаете, сформирована ли у жителей Челябинска экологическая культура?

— Мы осваиваем нашу университетскую территорию как ботанический сад с 2005 года. Получается, что сад возник и развивается, растет на глазах у жителей микрорайона, которые пользуются ресурсами сада с первых дней его создания. Многие дети, которые в детских колясках в 2005—2010 годах посещали сад, сейчас уже приходят со своими детьми. Жители относятся к научному саду довольно бережно, с интересом и вниманием. На протяжении прошедшего времени мы чувствуем, как растет это бережное, доброе отношение, понимание и даже любовь. Очень много говорится добрых слов, много предлагают помощи — например, немного поработать волонтером, собрать семена, обрезать сухие соцветия, прополоть...

Наряду с этим были и негативные вещи: и воровство, и вандализм, и грубое общение. Но со временем, с ростом сада и просвещением населения растет и общая экологическая культура. Сейчас все меньше происходит нежелательных событий и все больше доброго отношения.

— Есть ощущение, что в последние годы в городе появился запрос на озеленение и бережное отношение к деревьям. Неоправданная вырубка и болезни растений не остаются без общественного внимания. С чем связано появление такого интереса?

— То, о чем вы говорите, действительно хорошо заметно на протяжении последних двух десятилетий. Уходит равнодушное отношение

Вера Викторовна Меркер, кандидат биологических наук. Окончила естественно-географический факультет ЧГПУ. В 2009 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Дендрофлора Челябинской области: состав и анализ». Председатель Челябинского отделения Русского ботанического общества, редактор периодического издания «Ученые записки Челябинского отделения РБО». Член Комиссии по редким и находящимся под угрозой исчезновения животным, растениям и грибам при Правительстве Челябинской области, член Общественного совета по формированию экологической политики на территории Челябинской области при губернаторе Челябинской области. Победитель регионального конкурса на лучшие проекты фундаментальных научных исследований, проводимого совместно РФФИ и Челябинской областью. Организатор нескольких всероссийских научно-практических конференций «Актуальные вопросы современного естествознания Южного Урала». Дендролог-эксперт. Принимает непосредственное участие в разработках проектов озеленения Челябинска и других территорий региона.

к миру растений, люди стали замечать и понимать городские растения. Население, которое становится более экологически грамотным, знакомится с опытом озеленения многих других территорий, зарубежных в том числе, прекрасно понимает, что хорошее озеленение — это один из аспектов комфортной, нормальной жизни в городе. Это отношение через высказывания жителей, через СМИ влияет на политику руководства и города, и области. Серьезное внимание к вопросам озеленения городской среды сейчас уделяется на всех уровнях.

— В 2017 году, говоря о создании зеленых зон вокруг транспортных полос, вы

Губернатор Челябинской области А. Л. Текслер и В. В. Меркер: проверка ситуации с вырубкой даурских лиственниц на проспекте Ленина

отмечали проблемы в этой сфере: бедность ассортимента растений, неправильный уход за ними. Изменилось ли что-то сейчас?

— Мы довольно плотно контактируем с комитетом дорожного

хозяйства, даем им немало консультаций по вопросам как выбора ассортимента для дорожного озеленения, так и композиционных решений на отдельных участках дорог и по вопросам обрезки рас-

Биолог ботсада ЧелГУ Ю. А. Морозюк

тений. Иногда ведем кураторство этих работ по просьбе комитета. Там понимают, что это важно: загруженные автомобилями дороги наносят серьезный вред здоровью людей. Сейчас формируются (в том числе согласно нашим предложениям) защитные «зеленые стены» вдоль тротуаров, живые изгороди из кизильника, плотные посадки деревьев возле дорог. В этом вопросе растут и грамотность, и понимание, заметен хороший вектор к правильному оформлению дорог.

— Ботсад ЧелГУ признан особо охраняемой природной территорией. Что изменилось в его работе после получения этого статуса?

— Это не совсем так. Все ботанические сады являются особо охраняемыми природными территориями по закону. Но каждый отдельный ботанический сад должен иметь свой собственный документ о том, что он является конкретной ООПТ конкретного статуса. Это может быть федеральный, региональный, областной и местный уровень. Не у каждого университетского сада есть такой статус. Прежде чем получить его, нужно проделать

очень большой объем работ, как то: комплексное обследование территории, всех коллекций, провести работы, связанные с кадастровыми вопросами и графическими материалами, и многие другие. Для нашего сада такой пакет документов в прошлом году был подготовлен и сдан в Министерство экологии. При этом Министерство экологии взяло на себя инициативу в этом вопросе, министр и его заместитель обратились напрямую к ректору и ко мне с просьбой подготовить эти документы. Желание министерства состояло в том, чтобы ботанический сад получил статус областной особо охраняемой природной территории. Это также было и нашим желанием на протяжении многих лет. К сожалению, вопрос до сих пор не решен. Мы планируем до конца года обратиться в министерство повторно.

— Какие исследования сейчас ведутся работниками ботанического сада?

— В настоящий момент одно из направлений нашей работы связано с мониторингом природной среды вокруг техногенных объектов. Определяем флористический состав площадок, продуктивность растительного покрова и прочее. Эти исследования, например, для Маукского рудника в Каслинском районе, и дадут материалы к последующему мониторингу. Кроме того, в текущем месяце почти ежедневно мы проводим работу по другому договору — дендрологическому обследованию парка им. Ю. А. Гагарина. Это объект городского озеленения, территория общего пользования, которая имеет утвержденную концепцию реконструкции и благоустройства. Такое обследование позволяет правильно оценить исходную ситуацию с растительным покровом (насаждениями) этой территории. К тому же довольно давно мы разрабатываем вопросы создания гидроботанических площадок на водотоках, которые испытывают очень сильное антропогенное загрязнение с техногенных территорий. Такие исследования проведены нами для территории города Карабаша (река Сак-Элга), для реки Буйды в Башкортостане. Это реки, которые получают загрязненный сток с территории отвалов медеплавильных комбинатов. Сегодня подобная работа выполняется нами в Свердлов-

Посадка дерева в ботаническом саду ЧелГУ на сессии Совета ботанических садов Урала и Поволжья

ловской области, в окрестностях Полевского — на водохранилище Северское, которое испытывает сильнейшую антропогенную нагрузку и нуждается в снижении негативного влияния. Довольно часто мы занимаемся проектированием участков озеленения, как собственных, так и рекреационных городских и техногенных заводских территорий.

— Как происходит обустройство территории ботанического сада на Аркаиме?

— Развитие идет пока не очень быстрыми, но достаточно уверенными шагами. Главное — территория обозначена хорошо и четко. В этом году мы начали оборудовать рабочее место — куплены и установлены на территории две бытовки, у нас появился сотрудник,

который в сезон постоянно находится на территории, следит за сделанными там посадками растений и двумя домиками-бытовками, принимает гостей, участвует в мероприятиях, различных фестивалях и круглых столах, организуемых на аркаимской земле. В настоящее время подходит к концу создание концепции развития этой территории. Проект выполнялся архитекторами АНО «Управляющая компания туристско-рекреационными кластерами Свердловской области» в постоянном контакте с нами, с учетом всех наших идей и пожеланий по развитию университетской земли «Аркаимская степь». В развитии этой территории как в одном из кластеров туристической жизни нашего региона заинтересовано правительство области. Все в концепции разработано для того, чтобы можно было принимать гостей и предлагать им разные активности, связанные с историей, археологией и совре-

менным состоянием этой земли; проводить студенческие полевые практики, вести исследования степи. Планируем разбить там большой абрикосовый сад, провести прогулочную тропу «над степью» — деревянный настил-дорогу над степным чилижником и тростником в пойме Караганки.

— Какие существуют планы по развитию ботанического сада? Что хотелось бы сделать?

— У нашего творческого коллектива большие планы, но самое главное — это обеспечить сохранность и развитие тех коллекций растений, которые мы имеем. Конечно, мы каждый год добавляем к коллекционному фонду немало таксонов — десятки, иногда сотни. Проводим и планируем проводить много научных исследований. Но основная задача ботанического сада — это сохранение растительного генофонда и его изучение в условиях культуры. У нас в кол-

лекциях есть редкие виды как региональной, так и мировой флоры. Планы же касаются все более качественного содержания этих растений, улучшения условий их культивирования. Это будет просвещать наших студентов, преподавателей и гостей, в конечном итоге приводить к повышению экологической культуры и ботанических знаний у всех, кто любит и посещает ботанический сад.

— Вы окончили педагогический университет. Не скучаете по преподавательской работе?

— По настоящей преподавательской деятельности, зарегулированной рамками расписания, я не скучаю совсем. Преподавательская деятельность в ЧелГУ у меня закончилась в 2009 году, где я вела несколько предметов на факультете экологии с 2000 года. «Преподавать» же приходится практически ежедневно, отвечая на вопросы сотрудников,

Коллектив ботанического сада в краеведческом музее на открытии выставки «Красная книга Челябинской области»

Ботанический сад ЧелГУ — неотъемлемая часть территории первого корпуса

объясняя им суть работы, и другим обращающихся в ботанический сад за консультациями. Все мои сотрудники — практически родные люди: это либо мои бывшие студенты, пришедшие достаточно давно работать в сад, либо коллеги, с которыми мы вместе учились. Наше общение всегда отчасти преподавание друг для друга. Много приходится участвовать в круглых столах, читать публичные лекции. Мы ведем также научно-просветительские встречи (заседания) Челябинского отделения Русского ботанического общества. Получается, что преподавание в жизни присутствует, а расписание, слава Богу, нет. У нас довольно свободный график работы, который мы регулируем сами, расставляем

в нем приоритеты и акценты, знаем, когда и что нужно успеть сделать. Мы немного автономное научное подразделение университета, и это дает хорошие результаты.

— Как сегодня вы определяете свою профессиональную принадлежность? Дендролог, эколог, биолог, директор сада?

— Всем приходится заниматься, быть не только директором, но, и садовником, и разнорабочим. Пока что мы в нашем коллективе не можем заниматься узкими вопросами, потому что проблем намного больше, коллекции огромны и разноплановы, а сотрудников очень мало. Мы распределяем свои обязанности в коллективе с таким расчетом, чтобы сохранять расте-

ния и преумножать их по возможности, вести научные направления, участвовать в научных экспедициях и конференциях, откликаться на предложения муниципалитета и области, реагировать на все проблемные вопросы, связанные с озеленением и охраной природной среды. Много приходится делать экспертных работ, отвечать на вопросы жителей в том числе. Сегодня приходится трудиться дендрологом, завтра — цветоводом, послезавтра — садовником, в следующий день — уборщиком своего помещения. Все сотрудники в штате ботанического сада — универсальные солдаты.

От перфоленты до big data

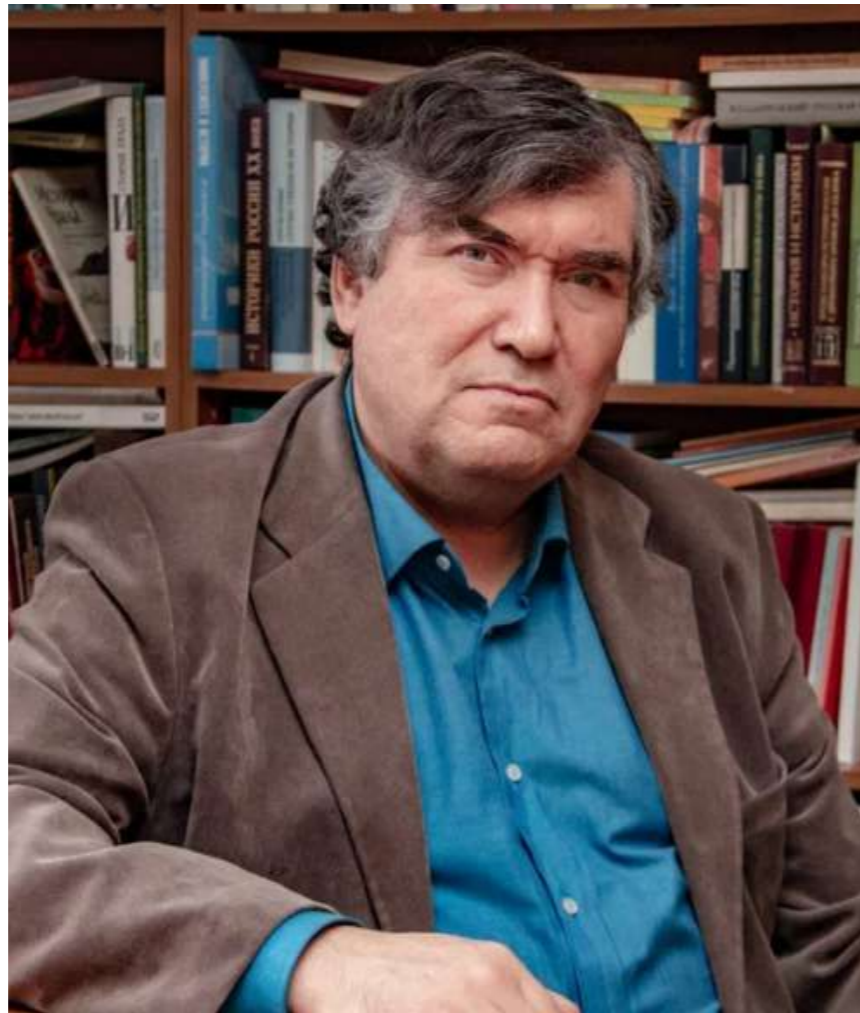
На лекцию А. В. Горшкова заглянул декан экономического факультета Р. В. Сальев

Судя по вашему чувству такта в общении со студентами, к преподавательской работе вы шли осознанно. Что определило ваш профессиональный выбор?

— Честно говоря, никогда не думал, что стану учителем или преподавателем. Когда студентом пришел на исторический факультет ЧелГУ, хотел быть исследователем. Три с половиной года из пяти увлекался древней историей, что было особенно актуально в связи с открытием Аркаима. К преподаванию относился как к важной, но сопутствующей части своей будущей работы. Но уже на пятом курсе начал преподавать в 84-й школе Челябинска. Тогда и пришло понимание значимости этой профессии. Даже думал остаться школьным учителем. Но сложилось так, что с кафедры истории советского общества истфака ЧелГУ ушел молодой аспирант и меня на его место ассистента и, соответственно, в аспирантуру взял заведующий кафедрой профессор Андрей Петрович Абрамовский — создатель одной из первых в стране кафедр новейшей (советской) истории, выдающийся организатор. Он же стал руководителем моей кандидатской диссертации. Я быстро втянулся. Потом, когда несколько коллег по ряду причин покинули университет, пришлось переходить на заочное отделение аспирантуры и брать на себя преподавание целого спектра дисциплин. Хотя это, конечно, ускорило мое погружение в университетскую жизнь.

— С педагогикой понятно. А как сформировался круг ваших научных интересов: аграрная история России и Урала, краеведение, архивное дело?

— Постепенно, потому что, как любого увлеченного студента-историка,

П. Ф. Назыров: Потенциал истории — в способности понимать и уважать иную картину мира

Беседовали
Валерия Дизер,
Андрей Сафонов

Доцент кафедры истории России и зарубежных стран ЧелГУ Павел Флорович Назыров — один из ключевых экспертов Южного Урала в области краеведения. Говорим с ним об истоках исторического образования в ЧелГУ, современных студентах, миссии историка и о том, как познавать прошлое, не «состаривая» настоящее.

меня интересовал широкий диапазон вопросов: и Гражданская война, и Отечественная война, и период колонизации Урала, и археология, и древняя история. На четвертом курсе понял, что археология — не совсем мое. Тогда меня в качестве своего курсовика взял Владимир Степанович Семьянинов, за что я ему очень благодарен. На пятом курсе руководителем моего дипломного исследования стал Владимир Петрович Половинко — еще один интересный историк. Началась работа в архиве — возможность через аграрную историю, крестьянские письма, жалобы увидеть и почувствовать людей времен Гражданской войны. Вместе с моим товарищем Евгением Морозовым во время преддипломной практики объездили по железной дороге Курганскую область: ходили в музеи, общались с людьми. Постепенно вышел на историю казачества. Уже тогда стало ясно: для понимания нескольких лет Гражданской войны нужно смотреть, что было с людьми за три десятилетия до нее и через два десятилетия после.

— На рубеже 1990—2000-х годов вы вместе со студентами в течение пяти лет собирали устный материал об истфаке ЧелГУ, о его собственной истории. Беседовали с преподавателями, сотрудниками. На ваш взгляд, в чем особенность исторического образования, которое дает Челябинский государственный университет?

— Сильной стороной исторического факультета и истфила (в первые годы, как и сейчас, факультет был историко-филологическим) является сочетание молодости и традиций.

— Но это можно сказать о любом коллективе: есть изначально заданные представления о традициях, на которые опирается молодое поколение.

— Здесь сложилось немного не так. Главный фактор, определивший развитие исторического факультета, — его молодость. Наш факультет создавался в конце 1970-х — начале 1980-х годов людьми достаточно молодыми, которые приезжали из состоявшихся, крупных университетов вроде Уральского, Псковского, Саратовского, Пермского. Многим из этих людей было тесно на обжитых площадках, и они ехали сюда с желанием реализовать свои амбициозные

планы. И многим это удалось! Первые пять лет на факультете царил очень свободная атмосфера. Студенты (довольно взрослые люди) и преподаватели (которые в массе своей были очень молоды) тесно между собой общались. Сложилась определенная модель взаимодействия, которая затем переросла в традицию очень уважительного отношения друг к другу, традицию свободного диалога, товарищеской поддержки.

— И все это сохранилось?

— Да, хотя становление факультета шло поэтапно и было несколько волн изменений кадрового состава. Когда ушли преподаватели первой волны, атмосфера изменилась. Но и в стране в 1982—1983 годах она стала более консервативной. Тогда ректор ЧелГУ С. Е. Матушкин, будучи сам человеком достаточно консервативным, тем не менее взял курс на то, чтобы замещать уходящих преподавателей выпускниками университета. То есть на смену ушедшим нередко приходили их же ученики — те, кто эти традиции впитал, для кого эта модель отношений была естественной. Оставшиеся ученые, такие как Геннадий Борисович Зданович, эту атмосферу поддерживали. В результате конфликты, часто возникающие между коллегами, никогда не принимали разрушительных форм, потому что рядом с наставниками

Павел Флорович Назыров, кандидат исторических наук, доцент. Участник авторского коллектива «Уральской исторической энциклопедии» (проект ИИиА УрО РАН), энциклопедий «Челябинск» и «Челябинская область», а также проекта Уральской электронной библиотеки (совместно с НБ ЧелГУ, ЧОУНБ и ООУНБ). В 1997—2002 годах под руководством П. Ф. Назырова и при участии студентов был осуществлен сбор материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ. Член общественного совета при Государственном комитете по делам архивов Челябинской области, член совета Челябинского областного общества краеведов.

трудились их бывшие студенты. Это позволяло достигать баланса. Например, кафедра всеобщей истории (где работали «всеобщники» и археологи) была очень мощной именно благодаря свободомыслию. Другая кафедра — истории СССР — отличалась более выраженным консерватизмом, но это здоровый консерватизм. В итоге сотрудники очень хорошо дополняли друг друга, что обеспечивало устойчивость и в 1980-е годы, и в 1990-е, когда был сложный период. И именно в это время приходили работать люди из третьего и последующих поколений выпускников. Некоторые из них, такие как Сергей Алексеевич Баканов, даже завершив очередную ступень образования в Москве, вернулись именно сюда. Обучение и последующая работа на истфиле ЧелГУ рассматриваются как престижные. И это заслуга первых преподавателей и студентов.

— А у современных студентов есть стремление и некий внутренний ресурс традиции факультета не просто воспринимать, но и поддерживать?

— Студенчество изменилось сильно, и эти перемены не произошли сразу. Студенты 1970—80-х годов были более взрослыми. В то же время они выросли в определенной системе, правила этой системы знали и старались за их рамки не выходить. Нацеленные на карьеру в хорошем смысле этого слова: представляли, где будут работать и для чего пришли в университет. Наиболее интересной лично мне кажется та группа студентов, к которой я сам принадлежал, и те близкие по духу люди, которых я учил в 90-е годы. Это было время неопределенности, и карьера в политике, органах госбезопасности или школе после окончания университета уже не просматривалась четко. Тем не менее и мое поколение студентов, и поколение студентов 90-х годов пришли сюда на волне интереса к истории. Люди приходили учиться на факультет не потому, что «история проще математики», а потому что им было интересно. Они готовили очень серьезные курсовые и дипломные исследовательские работы, хотя понимали, что профессиональными учеными не станут, так как больших денег наша система образования и науки им не даст. При этом

относились к истории с душой, с какой-то внутренней веселостью.

— **Сейчас этого нет?**

— Студенты, приходящие сегодня, в принципе другие. Они дети другой эпохи. И речь не о системно-политических моментах, а о том, что они носители иной культуры. И нам сложнее находить с ними общий язык, есть ощущение большей социальной дистанции. Может, сказываются возрастные особенности людей моего поколения. И, возможно, молодые коллеги, кому двадцать с небольшим, этого разрыва не ощущают и их оценки будут более объективными.

— **Но нам интересен ваш взгляд.**

— Современные студенты прежде всего — студенты. Они пришли учиться, хотят и готовы учиться, и именно это их сближает с предыдущими поколениями. Но надо понимать, что мы зачастую предлагаем им вещи, к которым они просто не привыкли. У нас, более старших преподавателей, с ними на культурно-повседневном уровне гораздо меньше точек соприкосновения, чем со студентами 1990-х годов. Поэтому наше взаимодействие носит более поверхностный характер, и это создает и для них, и для нас определенные сложности.

— **У студентов 1990-х годов на глазах рушились устои, которые еще недавно казались вечными. В новой реальности было за чем увлеченно наблюдать, в том числе через призму прошлого. А что в основе мотивации к обучению у современных молодых людей?**

— В 90-е было меньше правил, меньше страха и больше хаоса. Эти условия формировали отношение к жизни, модели поведения: и осторожные, и рискованные — разные. И сегодняшние студенты тоже очень разные. Но общественная среда ставит их в определенные, окрашенные конформизмом рамки, подсказывая, какой путь более успешный, а это не располагает к открытости. И в них стало меньше элементов творческого хаоса, который сейчас проявляется лишь на посвящениях и в чем-то подобном. Социальная чувствительность современным студентам тоже присуща, однако она приглушена средой.

— **Той средой, где иерархии отстроены, но их смысл в отличие**

от советского времени неочевиден. Хотя запрос, пусть неосознанный, на этот смысл есть, и задача преподавателя — способствовать поиску смысла?

— Полностью согласен! И нужно учитывать, что наша нынешняя среда, выстраивая свои поведенческие модели, пытается подражать другому времени, опираясь на его смыслы. А они еще в период моего студенчества, в 1980-е годы, начали размываться. Хотя рядом с нами жило несколько поколений людей, которые для нас эти смыслы ценностно окрашивали. Мы могли не соглашаться с какими-то официальными идеологическими установками, но мы понимали и разделяли представления наших родителей, дедушек и бабушек, переживших войну. Они наполняли эти смыслы глубоким личностным содержанием. Сейчас в роли старшего поколения выступаем мы — люди другой эпохи, которая с современными ценностными приоритетами тоже не всегда совпадает. Может, это и к лучшему. Молодые должны тоньше чувствовать изменения, воспринимать новое. Они внутренне более свободны, чем мы, но одновременно более конформичны. В этом плане можно говорить о неосознанном проявлении их цинизма, легковесном отношении к важным для нас вещам. И об условном, подчеркиваю, принятии ими тех моделей поведения, которые навязывает среда: «мы их принимаем, но за них не держимся». И это гарантия того, что возвращение к старым, отжившим формам общественного устройства невозможно. Смена поколений неизбежна.

— **Какова роль истории в контексте изменений, двигателем которых станет молодежь?**

— История для нынешних студентов не имеет такой ценности, как для людей XVIII, XIX, XX веков. В то время она играла роль светской религии. Исторические символы активно использовались для сплочения, объединения. В 1930-е годы историзм стал одной из скреп молодого советского общества. Фильмы об Александре Невском, Минине и Пожарском показывают, что ресурс истории власть активно использовала. У сегодняшних студентов чувства историзма, связи с прошлым гораздо слабее, потому что механизмы сцепления с нашим жизненным опытом у них намного меньше.

В последние два-три десятилетия жизнь меняется быстрее, чем происходит смена поколений. Это значит, что опыт отцов и дедов становится малоприменимым. Соответственно, в глазах молодых людей он не обладает такой высокой ценностью, как раньше. Утилитарное отношение к историческим символам в течение трех последних десятилетий приводит к их выхолащиванию, какими бы сакральными, святыми они ни были. В итоге к прошлому люди начинают относиться очень критично. Историческое знание становится уделом группы профессионалов, а не чем-то востребованным широкой общественностью. И это нормально.

— **Группа профессионалов наверняка понимает, что история — не только символы, но и некая реальность, складывавшаяся по определенным закономерностям и влияющая здесь и сейчас. Например, проблемы экологии, которые волнуют современных молодых людей, — результат исторического развития. То есть молодежь сталкивается с историей независимо от того, интересуется ею или нет. Разве это не пространство осознанного соприкосновения с прошлым, для того чтобы найти в нем источник решения актуальных для себя задач?**

— Пространство, безусловно, есть. Но надо иметь в виду, что массовое сознание (историкам тоже, кстати, присущее) нацелено не на аналитические процедуры, а на воплощенный в символе результат. Историческое знание, транслируемое в массы через социальные институты, школу, кинематограф, все равно превращается в набор символов и существенно искажается. А серьезная научная популяризация сталкивается с трудностями: отсутствием финансов, нежеланием государства ее поддерживать и нежеланием потребительской среды воспринимать этот материал. И второй момент. Да, у многих проблем, включая экологическую, есть исторические корни. Но как раз наличие этих корней, понимание того, что нельзя быстро все изменить, может формировать негативное отношение к прошлому. История в глазах людей превращается в мертвеца, который держит живых за горло.

— **В результате вместо стремления разобраться появляется желание забыть?**

П. Ф. Назыров со студентами историко-филологического факультета на выставке в Государственном историческом музее Южного Урала, 2022 год

— Да. С другой стороны, это удобное оправдание для тех, кто не хочет ничего менять: «так сложилось исторически, мы бессильны что-либо сделать». В итоге история становится не союзником, а помехой для людей, желающих изменений, а это вгоняет их в пессимизм. Кроме того, сама историческая наука сейчас смотрит несколько иначе на проблему объективных предпосылок. Историки все больше понимают: да, есть исторические процессы, которые обуславливают сегодняшние проблемы. Но, изучая их, мы все равно не можем выйти за рамки представлений современной эпохи. И мы, вероятно, не столько реконструируем историю, сколько конструируем ее с позиции современности. Объективность знания о прошлом размывается даже в научной среде. Историческая наука с меньшей настойчивостью указывает на корни проблем, она лишь находит связи наших объяснений прошлого с нами современными и понимает ограниченность, культурную и политическую ангажированность собственного знания. Это

неизбежный этап развития исторической науки, которая периодически переживает подобное.

— **При всей убедительности ваших рассуждений, почему, если вдруг в центре Челябинска на месте исторических зданий появятся новые, стеклянные, многие воспримут это очень болезненно?**

— Для людей старшего возраста исчезновение исторических объектов означает утрату той среды, в которой они сформировались. Это наша вторая кожа, и быстрая ее смена травматична. А молодежь устремлена в будущее и меньше чувствует потребность в корнях, особенно когда перед ней открываются перспективы. Но жизнь если меняется слишком стремительно, разъединяет поколения. Городская среда должна культивировать память, привязывать нас к месту. Это позволяет бороться с энтропией, с ощущением своей смертности, дает осознание того, что мы часть чего-то большего. И стеклянные города тоже могут так восприниматься. Для тех, кто сейчас молод, лет через тридцать эти

непривлекательные, на наш взгляд, здания станут частью неповторимой юности и тем будут дороги.

— **И их тоже будут стараться сберечь.**

— Все сохранить нельзя, но важно, чтобы оставалась цепочка преемственности. Однако искусственно «состаривать» пространство тоже бессмысленно. На одном из заседаний комиссии по наименованиям при Челябинском городском управлении культуры речь шла о том, как назвать площадь перед оперным театром, которая носит имя Емельяна Ярославского. Он очень спорная фигура: глава Союза безбожников, в Челябинске никогда не был, а речь идет о центре города. Представители оперного театра предложили название «Площадь искусств», и, на мой взгляд, это логично. Другие участники дискуссии считают, что должно быть историческое имя. Но какое? Базарная площадь? Когда-то она так называлась. Сегодня это вряд ли уместно. Никольская площадь? Допустим, но челябинцам

такое наименование не дает никакой смысловой привязки. Ничего не сделано для того, чтобы горожане узнали, что здесь был Никольский собор, что под землей большое кладбище первых переселенцев. Мой уважаемый коллега предложил: давайте назовем площадь Никольской, жители начнут к названию привыкать, а мы будем объяснять, что здесь была первая в городе церковь, что для людей XVIII века это было важно. Но мы-то живем не в XVIII веке!

— Чем завершилась дискуссия?

— Голоса разделились поровну, и площадь по-прежнему носит имя Емельяна Ярославского. Как мудро сказал глава комиссии, мы пока не созрели для выбора названия, которое и связывало бы нас с городом, и воспринималось бы всеми без конфликтов.

— Получается, миссия историка — сохранять то, что можно, чтобы человек через прикосновение к прошлому мог преодолеть ощущение своей смертности?

— Если слово «миссия» понимать широко, то соглашусь с вами с одной поправкой. Наличие исторического знания о прошлом противо-

стоит манипуляциям этим прошлым. Дает, конечно, для них материал, но ограничивает размах. Исторический источник многозначен и в разных ситуациях может быть по-разному истолкован. Тем самым противостоит однозначным и сугубо конъюнктурным трактовкам прошлого. Если говорим о миссии в узком смысле, то история — искусство работы с прошлым. Искусство профессионального вычленения информации из прошлого и понимания того, что это знание условно, не конечно, что оно требует тщательной и неоднократной проверки. Это инструмент, который позволяет нам не потерять связь с самими собой, с предшествующими поколениями. Как говорил российский историк начала XX века Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, история помогает понять людей, которые жили до нас, вступить в диалог с чужой одушевленностью. История — искусство понимания иных, иного человека. Она учит осознавать, что есть люди не такие, как ты и те, кто тебя окружает, а с совершенно другой логикой, с другими формами образного мышления. Например, есть известное высказывание: «Легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели богатому

попасть в Царство Божие». В нашем восприятии это означает, что богатый в Царство Божие никогда не попадет. Но во времена, когда высказывание появилось, игольным ушком назывались ворота в Иерусалиме. У них был низкий свод, и, чтобы попасть в город, верблюд, на котором торговцы перевозили товар, должен был входить в эти ворота на коленях, и часть товара с его спины сбрасывалась. То есть суть этой метафоры в следующем: богатый человек может попасть в Царство Божие, если избавится от лишнего и смиритсЯ с неизбежным. Так вот история учит понимать иную картину мира, иную логику, иных людей и относиться к ним с уважением. В этом ее мощный потенциал. Проще говоря, когда дело дойдет до контакта с инопланетянами, историк будет не последним человеком.

— До этого момента его навык полезен в поиске взаимопонимания с «иными людьми» нашей планеты и нашей эпохи?

— Конечно!

— Вернемся к истории города. Вы не раз отмечали, что пик интереса к краеведению пришелся

Посвящение в студенты историко-филологического факультета ЧелГУ, 2016 год

Встреча историков ЧелГУ с Теодором Шаниным. Сидят Т. Шанин, Т. А. Андреева; стоят (слева направо): А. И. Конюченко, П. Ф. Назыров, Н. Н. Алеврас, В. В. Грудзинский, И. В. Нарский, Д. В. Тимофеев

на 1980—90-е годы, а с середины 2000-х пошел на спад. С чем это связано?

— Есть объективные и субъективные причины. Например, существует опасение, что краеведение способствует сепаратистским настроениям. Хотя, наоборот, оно вписывает личный опыт человека и опыт развития его края в историю большой страны. При этом в одних городах мы видим увядание краеведения, а в других ничего подобного не происходит. В Челябинске оно увядает.

— Почему?

— Цикл жизни краеведческого сообщества везде примерно одинаков: за расцветом приходит период угасания. Многое зависит от позиции властей, возможности или невозможности людей влиять на городскую жизнь. Важно и то, насколько богат культурный слой города. К примеру, в таких мегаполисах, как Екатеринбург, Казань, если умирает одно культурное гнездо, ему на смену приходит другое, конкурирующее. При этом каждое из этих гнезд воспитало не одно поколение культуртрегеров. В Челябинске за-

тухание того или иного гнезда критично, его не всегда можно чем-то заменить. Потому что люди, которые могли бы занять освободившуюся нишу, в силу ряда причин уезжают или отходят от краеведческой деятельности, как Владимир Боже — в 1990-е годы одна из ключевых фигур не только в челябинском, но и в уральском и даже российском краеведении. И, кстати, студент второго набора и выпускник ЧелГУ. Есть те, кто остается, но им нужны условия для самоорганизации или хотя бы гарантия того, что, если они затронут чьи-либо экономические интересы, по их инициативам не ударят. И там, где уровень конкуренции между субъектами общества, бизнеса выше, там эти гарантии надежнее. Когда же конкурентное поле слабое, практически все сосредоточивается в руках властей. И нужна достаточно сильная инерция культурного процесса, чтобы он обрел свою независимость.

— У Челябинска нет опыта столь позитивной инерции?

— Есть! Город в 1970—80-е годы развивался. Мы становились культурной столицей. Бывая в Кургане

и Оренбурге, я замечал разницу в течении времени. Люблю эти города, но мне казалось, что время там идет медленнее. Зато в чуть более быстрый, чем в Челябинске, темп Свердловска я попадал сразу. В конце 1990-х — начале 2000-х годов екатеринбуржцы мне говорили, что и они не чувствуют разницу ритмов двух городов. Потом это ощущение стремительного развития стало проходить. Но радует, что сегодня в Челябинске очень активны областной архив, Государственный исторический музей Южного Урала, Центр историко-культурного наследия, где работают наши выпускники. Регулярно проходят Бирюковские чтения. Реализуется проект «Пламя Аркаима», где под руководством нашего выпускника Ивана Семьяна делаются грамотные исторические реконструкции. Город — саморазвивающийся организм, и без определенных институтов, активности и самоуправления горожан он погибает. К сожалению, понимание этого порой приходит очень поздно. Развитие краеведение — источник осознания таких рисков, показатель здоровья городского сообщества и его способности творить будущее.

Лабораторная работа

Участницы агитпробега сестры Л. и Н. Злобины

Давайте на мгновение представим, что несколько десятилетий назад не математика стала вашей профессией. На чем еще мог бы остановиться ваш выбор?

— Мне всегда казалось, что именно математика — то, что мне надо. Никаких колебаний не было. Хотя в последние три школьных года (окончил с золотой медалью школу № 91 в Челябинске) помимо математических олимпиад участвовал в олимпиадах по физике и химии. Но по математике успешнее всего: дважды становился победителем областной олимпиады, представлял нашу область на всесоюзной и республиканской олимпиадах в Москве. Достаточно высокий уровень моей подготовки обеспечили преподаватели, работавшие в школе. Нас учила педагог-энтузиаст, выпускница еще дореволюционной гимназии. Она с нами активно занималась, готовила к решению нестандартных, нетривиальных задач. Я и трое моих одноклассников, с которыми мы сразу после окончания школы в 1964 году поехали поступать в Москву (я — на механико-математический факультет МГУ, они — в Московский физико-технический институт), стали студентами этих вузов. Одного мальчика не взяли из-за анкеты (тогда личное дело проверяли тщательно). Но его подхватил Одесский государственный университет, который он успешно окончил, и он в очень молодом возрасте защитил докторскую диссертацию.

— Какие впечатления сохранились со студенческих лет?

— В начале учебы — сложные жилищные условия, материальные — тоже не очень. Нас поселили на Ломоносовском проспекте, в 20 минутах ходьбы от главного

В. Н. Павленко: В ЧелГУ с самого начала был костяк людей, объединенных общей идеей созидания

Беседовал
Андрей Сафонов

Заведующий кафедрой вычислительной математики ЧелГУ Вячеслав Николаевич Павленко — о роли музыкальной классики в решении научных задач, о формировании традиций высшей школы на этапе становления нашего университета и о том, как глубокое понимание уравнений помогает избежать распространения радиации.

здания университета, где проходили занятия.

— Это же хорошо.

— Да, но, как всегда, встаешь утром в последний момент и, чтобы не опоздать на лекции, две остановки едешь в переполненном троллейбусе. В комнате общежития нас было шестеро. На втором курсе поменьше — четыре человека. Не всегда все шло гладко: возникали конфликты.

— Первую лекцию помните?

— Очень отчетливо! Ее читал Курош Александр Геннадьевич, профессор, доктор физико-математических наук, известный алгебраист... На учебные занятия я в основном ходил, но часть из них мог пропустить, если они мне не нравились.

— Даже так?

— Пример, характеризующий меня как студента с нелучшей стороны. На втором курсе у нас преподавал Владимир Игоревич Арнольд. Впоследствии — академик, но уже тогда, в середине 60-х, на него смотрели как на звезду. В 28 лет

он совместно с Андреем Николаевичем Колмогоровым получил Ленинскую премию — одну из высших государственных наград той эпохи. А мне его лекции казались непонятными, и некоторые я пропускал. В то же время лекции Тихомирова Владимира Михайловича, Крейнса Михаила Александровича были мне очень близки.

— Что увлекало помимо учебы?

— Общественная жизнь. Очень яркое воспоминание осталось от комсомольского собрания механико-математического факультета. Шел 1964-й — последний год оттепели. Была определенная свобода мнений. Высказывались мои сокурсники и студенты постарше. Мне, мальчику из провинции, все в новинку. Отлажена воспитательная работа: комсомол, студенческие советы. Правда, вскоре над ними начали усиливать контроль, жестко реагировать на идеологические отклонения.

— В чем проявлялась жесткость?

— Например, если раньше на встречи со студентами пригла-

шали писателей, общественных деятелей даже с диссидентскими взглядами и это считалось нормальным, потом все стало идеологически сжиматься.

— Открытый диалог с писателем обычно вызывает отклик гуманитариев. Математикам такие встречи тоже были интересны?

— Конечно! Усилия преподавателей, направленные на наше общее интеллектуальное развитие, впечатляли. Всемирно известный академик Павел Сергеевич Александров приходил к нам в общежитие. В то время мы начиная с третьего курса жили в башне первого корпуса университета. Комната тоже на шесть человек, но большая, и это были уже иные, намного лучшие условия. Очень комфортно: встал, спустился на несколько этажей и сразу попал на лекцию, никуда не надо ехать. И Павел Сергеевич приходил к нам со своим учеником Анатолием Фоменко (сейчас он тоже академик), они сидели с нами, включали классическую музыку, рассказывали о ней. Затем мы вместе слушали ее час,

Математики — победители соцсоревнования в смотре-конкурсе на лучшую академическую группу в 1980/81 году

Первомайская демонстрация, 1980-е годы

два... А ребята очень разнородны в своих культурных ориентирах. И для меня все было новым: вначале тяжело воспринимать незнакомую мелодию, но потом благодаря таким вечерам я полюбил классику. Часто ходил в Большой концертный зал консерватории: в живом исполнении мелодия становилась еще более понятной. И это мне очень помогало в научной работе, в развитии математических способностей.

— Как в вашем восприятии происходит взаимодействие мелодии и математических формул?
— Не знаю, но это каким-то образом влияет на мозги. Я мог включить на проигрывателе, например, оперу или симфонию и спокойно

обдумывать научную проблему или задачу. И это мне не только не мешало, но, наоборот, помогало.

— Возможно, классическая музыка по своей природе, структуре близка к математике?

— Может быть. Но она не только к математике близка. Кстати, возвращаясь к разговору о писателях: атмосфера МГУ приобщила меня и к литературе. В школе я очень мало читал. А в Москве увидел много читающих людей. И как с музыкой — мне было важно понять, почему люди ее слушают, так и книги я начал читать для того, чтобы узнать, что в этом находят. В Московском университете царил самый настоящий культ просвещения. Павел Сергеевич

Александров очень много работал со школьниками, выезжал в пионерские лагеря. Он и академик Андрей Николаевич Колмогоров непосредственно общались с детьми, не жалели на это времени. По инициативе Колмогорова создан известный интернат. Его выпускники выделялись на мехмате (среди них были победители международных олимпиад), и мы их всех очень уважали. При этом выходцы из интерната необязательно шли на механико-математический факультет МГУ: кто-то выбирал физику, другие уезжали в ленинградские вузы. Но практически все они достигли больших успехов в науке. Среди ученых математического факультета нашего Челябинского государственного

университета интернат Колмогорова окончил академик Сергей Владимирович Матвеев.

— Как формировались ваши научные интересы?

— Когда мы учились, у нас было неформальное разделение на «элитные» и общие направления подготовки. В то время «элитными» считались алгебра, функциональный анализ, дифференциальные уравнения. Наиболее сильные ребята шли туда (при распределении базовый уровень так или иначе учитывался). С некоторым пренебрежением мы относились к программированию. У нас был этот учебный курс, мы работали на первых вычислительных машинах с этими ужасными лентами, где достаточно одну дырочку неправильно пробить — и весь труд напрасен: нужно искать ошибку и заново все переделывать. В такие моменты я переступал через себя. Хотя, наверное, если бы у меня не было тяги к абстрактным направлениям математики, я бы программирование любил. После выпуска именно программисты оказались очень востребованы на расположенных вокруг Москвы секретных предприятиях. А у нас, приверженцев абстрактных дисциплин, было две дороги: либо сразу идти преподавать в вуз, либо поступать в аспирантуру.

— Вы выбрали второй путь?

— Я занимался функциональным анализом. Работал на кафедре дифференциальных уравнений, одной из самых сильных в университете. Ее возглавлял ректор Иван Георгиевич Петровский. Потом, когда я уже оканчивал аспирантуру, его сменила Ольга Арсеньевна Олейник. Каким образом нас приобщали к науке? Через научные семинары, которые вели ученые, активно проводившие исследования. Иногда они объединялись в группы. В работе семинаров участвовали и студенты, и аспиранты, и уже зрелые специалисты. Выбор направлений был очень большой, и нам давали это право выбора, хотя были и обязательные для посещения спецкурсы. Со своим научным направлением я определился в студенческие годы именно на этих семинарах. К занятиям наукой должна быть некая склонность и, конечно же, интерес, интерес и еще раз интерес!

Вячеслав Николаевич Павленко, доктор физико-математических наук, профессор. С 1980 года — доцент кафедры математического анализа ЧелГУ, с 1981 по 1988 год — заведующий этой кафедрой. С 2000 года — заведующий кафедрой вычислительной математики. Награжден нагрудным значком «За отличные успехи в работе» Госкомитета СССР по народному образованию, нагрудным знаком «Почетный работник ВПО» Министерства образования и науки РФ и нагрудным знаком Челябинского государственного университета «За заслуги». Научные исследования поддержаны тремя грантами РФФИ.

— Продолжение учебы для вас было абсолютно естественным.

— Когда поступил в аспирантуру на кафедру дифференциальных уравнений, началась новая полоса моей жизни: активно занялся общественной работой. Причем на таком уровне, где нужно было пахать. В частности, курировал студенческие советы в общежитии, а это всегда реальные проблемы: дисциплина, отношения между людьми, обустройство быта.

— Серьезные вопросы для молодого человека.

— Да, но к тому времени, в 1969 году, у меня уже были жена и дочь, еще через два года родился сын. На третьем курсе аспирантуры я вступил в партию.

— Наука не отошла на второй план?

— Нет, занимался ею отчаянно, бился над решением задач. Первые два года ничего не получалось. И только когда мне скорректировали задачи, дело пошло. В течение года написал диссертацию, опубликовал статью. Защитил кандидатскую одним из первых: 5 октября 1972 года заканчивалась аспирантура, а уже в ноябре состоялась моя защита. После нее приехал преподавать в Челябинский политехнический институт. Поскольку состоял в партии, меня и здесь нагрузили общественной

работой. Как человеку семейному, через год дали квартиру на северо-западе (сначала жили в общежитии), хотя обещали недалеко от вуза. С транспортом огромные проблемы: можно было выйти из дома в семь утра и не доехать вовремя. Однажды я опоздал и мне устроили разбор в ректорате. В общем, непростое было время. В 1976 году открывается наш Челябинский государственный университет. Поскольку мои интересы связаны с наукой, естественно, у меня сразу возникло желание перейти туда. Но начальство не собиралось меня отпускать, хотя требуемые пять лет я отработал. Удерживали по партийной линии.

— Вы переживали?

— Конечно! Загруженность общественными и прочими делами очень негативно сказалась на моих занятиях наукой. Тем более умер мой научный руководитель, я оказался без наставника. За первые пять лет после защиты кандидатской не сделал ни одной публикации! А мои товарищи двигались дальше, поддерживали тесные контакты с Москвой. В 1977 году я поехал на курсы повышения квалификации в Киев. Там встретился с академиком национальной академии Анатолием Михайловичем Самойленко. По его совету быстро написал две статьи. Материал для них успел собрать еще до поездки: накануне попал в больницу, где была возможность поработать.

— В науку вы вернулись. А что помогло перейти в Челябинский государственный университет?

— К решению моего вопроса подключился первый ректор ЧелГУ Семен Егорович Матушкин. Райком партии дал освобождение. Так я оказался здесь.

— Помните первые впечатления от нового вуза?

— Меня пригласил на кафедру математического анализа Александр Авдеевич Цыганков. Все было в процессе становления. Не хватало кадров. Так получилось, что буквально через год я стал заведующим кафедрой и работал на этой должности до 1988 года. Пожалуй, это были самые сложные, тяжелые годы становления университета. Но, с другой стороны, была определенная свобода. Именно в это

время я создал большое число математических спецкурсов. Учебная нагрузка была большая. У ассистента кафедры она могла доходить до 28 часов в неделю. Плюс огромная общественная работа. На науку времени почти не оставалось. Но разработка спецкурсов сказались положительно: их целью было вовлечение студентов в исследования.

— Университет на этапе своего становления объединил совершенно разных людей. Как складывались взаимоотношения между ними?

— Нередко проявлялись разногласия, сталкивались интересы. Но все-таки был костяк преподавателей, сотрудников, объединенных общей идеей созидания нового. Например, на математическом факультете ядро энтузиастов составляли выпускники МГУ и других ориентированных на науку вузов. Они прекрасно знали, чего хотят достичь. Но вот как достигать — было не всегда понятно. В то же время нужно было выполнять много обязательных вещей, связанных с воспитательной и общественной работой. И это не просто программы и отчеты, а реальные дела. Тот же студенческий актив существовал не сам по себе, с ним постоянно взаимодействовали преподаватели, участвовали в работе студенческого совета. То же самое было и в МГУ.

— Человек, окончивший тот или иной вуз, транслирует традиции этого вуза, где бы он ни был?

— Конечно! По крайней мере, он старается это делать, как я пытался по примеру Павла Сергеевича Александрова устраивать в Челябинске музыкальные вторники. Но дело не пошло, чего-то все-таки не хватало.

— Зато в науке все складывалось удачно.

— Это правда. В 1988 году я ушел с заведования кафедрой математического анализа и полностью сосредоточился на своей докторской диссертации. После ее защиты начал активно работать с аспирантами. С 2000 по 2006 год у меня защитились пять человек. Причем все в срок. По-разному сложилась их судьба. Из них на кафедре остался Михаил Леп-

чинский. Он очень много занимается со школьниками, готовит их к олимпиадам, сам золотой медалист международной олимпиады. Но у него почему-то пропал интерес к абстрактной науке, сейчас он увлечен прикладными аспектами математики. Еще один мой аспирант — Дмитрий Потапов — активно работает в Санкт-Петербургском госуниверситете, готовится защищать докторскую. Защищалась у меня Екатерина Рождественская, сейчас преподает в Миасском филиале ЧелГУ. Работал под моим руководством Вадим Винокур — один из лучших айтишников нашего региона, заведовал кафедрой на нашем факультете. К сожалению, он очень рано ушел из жизни. Когда в 2000 году я возглавил кафедру вычислительной математики, у нас было два доктора наук. Потом последовательно защитились Олег Николаевич Деметьев, Владимир Эммануилович Гейт, Наталья Борисовна Медведева, и перешел к нам на работу академик РАН Арлен Михайлович Ильин. То есть у нас на кафедре было шесть докторов, и из них один академик РАН! Это была самая сильная кафедра в университете. Арлен Михайлович очень много сделал для факультета. Он создал школу, воспитал целую плеяду учеников.

Встреча с выпускниками математического факультета 1981 года

— Традиции воспитания научных кадров на факультете сохраняются?

— Да, но многие наши аспиранты, к сожалению, не доходят до защиты кандидатской диссертации. Они, как правило, становятся очень высокого уровня программистами и находят себе работу в сферах, не связанных непосредственно с наукой. Уезжают в Москву, Санкт-Петербург или за рубеж.

— Вы преподавали в филиале ЧелГУ в Троицке. Как оцениваете этот опыт с позиции распространения научного знания?

— В Троицком филиале работал много лет, уже будучи профессором. Приезжал на несколько суток, проводил в день по четыре пары. Студентов немного, и с ними работать проще. Ребята старательные, некоторые из них уже защитили диссертации.

— Из ваших научных достижений какие лично для вас наиболее значимы?

— Мною были развиты вариационный метод, метод монотонных операторов, метод нижних и верхних решений и топологический метод применительно к уравнениям с разрывными нелинейностями. В России мало кто этим занимался, хотя существующие исследования, например школы Марка Александр-

ровича Красносельского, очень высокого уровня. Зато за рубежом в этой области с начала 70-х годов прошлого века и по настоящее время работает большое число ученых. И меня можно отнести к первопроходцам.

— В чем суть этой темы?

— Математические модели ряда прикладных задач содержат нелинейности, которые при определенных значениях фазовой пере-

менной меняются скачкообразно. Для исследования таких задач применение классических методов было невозможно. И это потребовало новых подходов, в частности модификации уже известных. Такая теория была создана усилиями многих математиков, и она продолжает развиваться. Пример прикладной задачи, математическая модель которой содержит разрывную нелинейность, — проблема захоронения радиоактивных отходов. Вначале

считали, что контейнеры с отходами можно хранить в глубоких океанских впадинах. Разработанная математическая модель течения жидкости при обтекании глубокой ямы показала возможность возникновения вихрей, которые выносят радиацию на поверхность океана. Классические модели это явление не вскрывали.

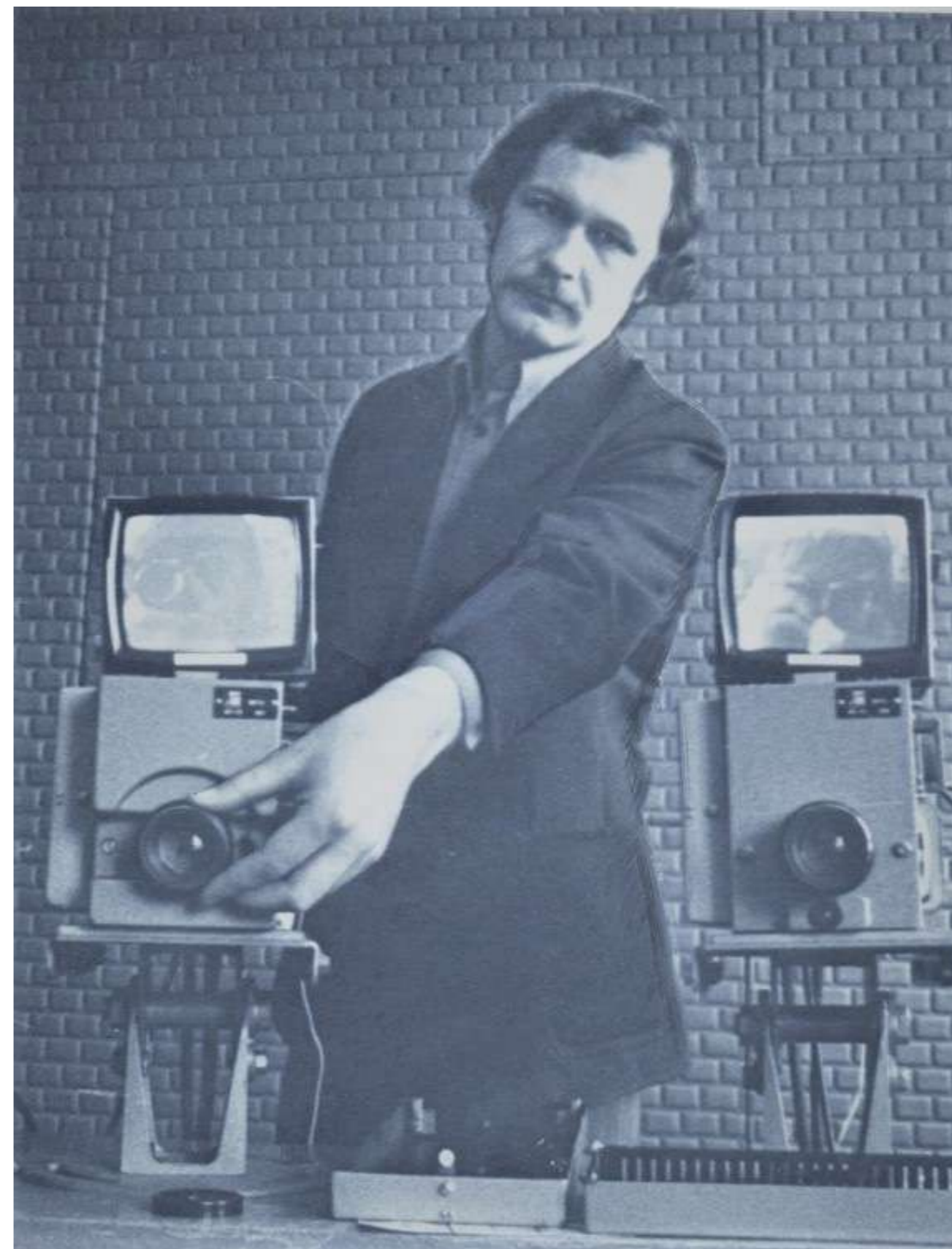
Выпускники математического факультета 2021

Выпускной математического факультета, 2021 год

Преподаватели химического факультета, 1981 год

Первая кинохроника ЧелГУ

Ю

лия Владимировна, как вы выбрали специальность, связанную с информационными технологиями и экономикой? Кто из преподавателей, наставников, коллег оказал влияние на ваш выбор профессии?

— В мои 17 лет информационные технологии были даже не в первой десятке выбора, потому что я не технарь. Тогда даже представить себе не могла, что мне придется руководить направлением, связанным с IT.

В далеком замечательном детстве мне хотелось быть учителем начальных классов. Нравилось чему-то учить. Не поучать, не заставлять, а брать за руку и показывать, как довести дело до конца. Однако по мере взросления начала понимать, что школа — не то место, где я хотела бы работать. В начале 1990-х годов появилось направление «Менеджмент», куда я и поступила. Правда, сейчас понимаю, что эта специальность должна быть второй, когда уже умеешь что-то делать и потом учишься этим руководить. Конечно, все приходит с возрастом.

...Я работала на экономическом факультете ЧелГУ, защитила кандидатскую диссертацию. И в нагрузку мне дали пары по «Экономической теории» у студентов института информационных технологий, который тогда только начал набирать очников. Два года спустя заведующая кафедрой информационных технологий и экономической информатики после прохождения аккредитации предложила перейти к ним на ведение дисциплин из блока управленческих. Они всегда мне были интереснее, чем экономическая теория, которая, несомненно, замечательна, но все-таки является теорией. Меня

Ю. В. Петриченко: Если вы хотите быть впереди всех, вы должны бежать быстрее всех

Беседовала
Виктория Котова

Поговорили с директором института информационных технологий ЧелГУ Юлией Владимировной Петриченко о том, какие IT-специальности требуются на рынке труда, почему в институте не используются учебники для изучения дисциплин и в какой момент стремительное развитие технологий придется ограничить.

подкупило и это, и то, что институт был на тот момент очень молодой, и было интересно участвовать в организации и упорядочивании процессов. У всех горели глаза, все были нацелены на то, чтобы сделать по-своему, по-новому, взять европейский подход, отойти от классических путей, сделать интересно. Безусловно, на меня как на специалиста повлиял Андрей Витальевич Мельников. Он зажигает людей, он визионер. У него невероятное количество идей, которые потом нужно методично продумывать и воплощать в жизнь, соберет ворох предложений и идет генерировать идеи дальше. А нам уже остается думать, как это совместить с нормативами.

— Андрей Витальевич упоминал, что был новатором в институте информационных технологий ЧелГУ и при нем было внедрено дистанционное обучение. Как вы отнеслись в те времена к такому явлению и могли бы представить, что в нынешних реалиях это станет частью жизни?

— До работы в ИИТ я не сталкивалась с дистанционным обучением и тогда, в 2010 году, вела у заочников ряд дисциплин и впервые пришла читать онлайн-лекции. Мои ребята настроили аппаратуру и говорят: «Юлия Владимировна, не переживай. Это как на радио — ты никого не видишь, но тебя все слышат. Правда, они тебя еще и видят, но картинка маленькая, поэтому ты просто рассказывай». А я думаю — ну как же так, без глаз студентов нет эмоциональной отдачи лектору. На что мне сказали, что всю обратную связь можно получить в чате. Позже появилась идея записать свой лекционный материал качественно и подробно, чтобы студенты просмотрели его дома и подготовились к семинару самостоятельно. А во время практических занятий мы уже отработывали вопросы и задачи вместе. Я искренне считаю, что дистанционные технологии надо применять во всех образовательных программах. В данный момент лектор, особенно который читает с листа или учебника, пусть даже своего, —

это устаревающий образ. Студенты меняются, они хотят знать больше. Становится неинтересно, когда ты послушал лекцию, законспектировал, а если задали вопрос — нашел нужную строчку в своих записях, ответил нужное слово. Да, пазл сложился, но на деле ты ничего не знаешь и не умеешь анализировать проблему. Поэтому сейчас мы учим студентов, например, направления «Бизнес-информатика» анализу, начиная с малых объемов и заканчивая большим количеством данных. Способов анализа много, но студенты по-хорошему лезут под кожу с вопросами, спрашивают, препарируют ситуацию, задания, лекцию. И когда мы пытаемся выйти на наши большие аудитории, то, с моей точки зрения, качественный и подробно записанный лекционный материал — это больше плюс, чем минус, в образовательном процессе. Я не против живых коммуникаций преподавателей и студентов, горящих глаз и нестандартных вопросов — практические занятия вполне могут восполнить эту необходимость.

Открытая лекция по менеджменту в IT-сфере

То, что мы сейчас практикуем, в том числе что пошло с легкой руки Андрея Витальевича по ряду дисциплин, — так называемое «перевернутое обучение», когда студент до начала следующей темы должен ее изучить в системе Moodle. То есть он приходит на пару, будучи немного подготовленным к новой теме, так как уже попробовал сделать одно-два задания из нее. Безусловно, у него не выйдет заполнить все в полном объеме, но именно то, в чем у него были сложности при работе с материалом, — это и будет отправной точкой в изучении. Причем у каждого это индивидуальный момент — кто-то споткнулся в самом конце, кто-то завис еще на начале, но уже самостоятельно попробовал что-то сделать и уже четко понимает свою сложность. Для студента это очень тяжело, потому что в школе нас приучают к другой системе обучения. Поэтому переучивание проходит через пот, слезы и дополнительные вопросы.

— **Что сейчас волнует тех, кто приходит учиться в ИИТ? Каким был студент десять лет назад? Зачем идут, что ищут и находят, совпадают ли желания с реальностью?**

— Двенадцать лет работы института — не тот период, чтобы оценить разницу в полной мере. Техническое направление, которое изначально называлось «Информатика и вычислительная техника», а сейчас — «Программная инженерия», поддается пониманию чуть-чуть проще — по итогу получится некий условный программист, ребята представляют себе что-то связанное с компьютерами и идут учиться этому. Здесь они выбирают языки программирования, так называемый стек технологий (от англ. stack — «стопка», набор технологий, на основе которых разрабатывается сайт или приложение. — *Примеч. ред.*), с которыми они будут работать. В техническом направлении мы даем азбуку, учим читать, писать и считать, потому что языки программирования сейчас просто «выстреливают». Два года назад про определенный язык никто не говорил, а уже через два года на нем будут работать 25% программистов.

С бизнес-информатикой все немного интереснее. Десять лет назад

Юлия Владимировна Петриченко, кандидат экономических наук, доцент, магистр программы «Управление в высшем образовании» НИУ ВШЭ. С 2017 года возглавляет институт информационных технологий ЧелГУ. Эксперт Министерства информационных технологий, связи и цифрового развития РФ и Всероссийского конкурса научно-технологических проектов «Большие вызовы» (образовательный центр «Сириус»). Заместитель председателя Общественного совета Министерства информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области. Член экспертного совета регионального центра выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Челябинской области «Курчатов Центр».

никто вообще не понимал, что это за профессия. В Челябинске даже работодатели не особо улавливали предназначение бизнес-аналитиков. Они искренне говорили: «У нас есть финансисты, они анализируют деньги. У нас есть программисты, они пишут программы. Зачем нам бизнес-информатики?» При этом в Москве такого рода специалисты уже были востребованы, им хорошо оплачивали труд. Потом и рынок нашего региона понял, как за счет этих специалистов можно оптимизировать деньги, сотрудников, информационные системы, которые работают внутри организации. Стоит понимать, что информационные технологии и информационные системы — это большие деньги. Внедрение информационных систем на предприятие среднего объема в 200—300 сотрудников может стоить до нескольких десятков миллионов рублей. А еще нужно обучить сотрудников и преодолеть их сопротивление, чтобы они не приходили и не передавали информацию устно, а начали ковыряться и разбираться «в кнопках». В среднем полноценное внедрение информационных систем занимает до трех лет. А сейчас развитие и внедрение информационных технологий идет дальше. Например, Москва уже активно ищет

системных аналитиков. Не просто бизнес-аналитиков, а уже системных аналитиков, это новый уровень, взаимодействие с другими областями знаний.

Рынок меняется и начинается с крупных игроков, которые имеют филиалы в Челябинске, либо же Москва имеет влияние на производство в Челябинской области, и постепенно все больше начинает внедряться проектная работа. Мы учим и руководителей проектов — тоже непростая задача. Но все наши ребята, имеющие желание работать по специальности, гарантированно находят работу уже к четвертому курсу.

Однако это иллюзия, что студент сразу после вуза начинает зарабатывать большие деньги в IT. Как я говорю ребятам на первом курсе (а к четвертому они приходят к этой мысли сами), вы должны будете учиться всю жизнь. Меняются языки, подходы, мейнстрим в сфере. Если вы хотите быть впереди всех, вы должны бежать быстрее всех, от этого никуда не деться.

— **Вы сравнивали реалии рынка труда Москвы и Челябинска. Насколько мы отстаем от столичных трендов?**

— Примерно на три года. Мы их просматриваем и учитываем для того, чтобы готовить специалистов на будущее, для новой действительности. Наш институт отличается тесным сотрудничеством с большим количеством работодателей, которые преподают студентам начиная с первого курса. Многие дисциплины настолько свежи как теоретической, так и практической составляющей, что учебников по ним нет. Пока учебник перед публикацией проходит формальные процедуры, знания уже могут устареть. Андрей Витальевич Мельников и его коллеги в первые годы работы ИИТ ЧелГУ очень постарались, и здесь появились уникальные для челябинского рынка специалисты, которые работали не только с программистскими дисциплинами, но и с базами данных, с аналитикой, работали в сфере моделирования бизнес-процессов. Информационные системы, корпоративные системы — мы по зернышку собирали лучшие кадры. Поэтому как тогда, так и сейчас мы не гонимся за массовостью. Возможно, в этом кроется наш минус. Мы не можем быстро

Выпускной в институте информационных технологий в год его 10-летия, 2019 год

масштабироваться, чтобы в потоке училась тысяча студентов. Чаще всего это индивидуальная работа.

— **Давайте вернемся к вашим личным предпочтениям в выборе профессии. Как в эту историю вклинились информационные технологии? Возможно, хотелось разобраться в чем-то, но глубоко погружаться в технические вещи не планировалось?**

— Это вышло случайно, около десяти лет моя жизнь была связана с управлением. Стоит понимать, что вдруг захотеть и стать техническим специалистом невозможно, для этого нужен крепкий бэкграунд. И, откровенно говоря, при количестве управленческих вопросов и задач, которые стоят, задача неподъемна. Нужно выделить несколько лет своей жизни, погрузиться в базовые знания и актуализировать их. Если говорить про бизнес-информатику, то здесь как раз все сложилось — моя экономика, мои управленческие знания и навыки, понимание и постепен-

ное изучение информационных систем, особенности аналитики и методов, которые используются. Я постоянно читаю, общаюсь с людьми, пытаюсь быть в гуще всех событий.

Когда ты руководишь институтом, 75% времени уходит на чисто управленческие моменты. И те 25%, которые остаются на преподавание — это совсем небольшой объем. Со студентами направления «Бизнес-информатика» из восьми семестров обучения встречаюсь в пяти семестрах по разным дисциплинам. С «Программной инженерией» встречаюсь чуть реже. Общение с преподавателями, анализ результатов семестра — это все занимает большой объем времени. К великому моему сожалению, часто некогда прочитать еще одну статью, поучаствовать в конференции или что-нибудь написать. Я не могу сказать, что IT стоит у меня сейчас на первом месте. Но у меня есть коллеги, к которым всегда можно обратиться. Для меня они эксперты.

— **Насколько сложно найти подход к коллегам, будучи человеком из другой сферы деятельности и не погруженным в узкоспециальную техническую тему?**

— Сложно. И кажется, что иногда я задаю им глупые вопросы. Они спокойно к этому относятся. Умный человек прекрасно понимает, что невозможно разбираться во всех сферах. Как я уже сказала, управленческая составляющая отнимает время, и они мне ее делегируют в обмен на свои знания. Когда мы начинаем составлять новый учебный план, у меня есть свои предложения, которые основаны на предыдущем опыте работы, — хочется что-то увеличить, видоизменить, ввести новую дисциплину, которая окажется актуальной в ближайшие несколько лет.

Я не принимаю решения в одиночку, мне важно мнение еще нескольких человек, которые работают на этом рынке и являются специалистами. Есть система, практически доработанная, которая

производит анализ рынка труда и определяет те навыки, которые сейчас востребованы. Мы следим за ситуацией и пытаемся составить четкий прогноз хотя бы на два года, но вот дальше строить планы уже сложнее.

В прошлом году мы ввели предмет «Гейм-дизайн» — разработка компьютерных игр. Мы понимаем, что это новый тренд, который будет активно развиваться. В Челябинске увеличивается количество компаний, которые занимаются разработкой игр на мировом уровне. Как минимум, им нужны наши ребята в качестве будущих кадров, а мы, в свою очередь, можем использовать их специалистов, чтобы донести до студентов знания из узких сфер. Мы провели в институте собственный кубок по киберспорту, теперь хочется опробовать этот опыт на университетском уровне. Ребятам это интересно: не только играть, но и понимать процесс создания игры.

— **То есть каждый в институте информационных технологий понимает, что делает общее дело?**

— Надеюсь на это! По крайней мере в нашем маленьком, но дружном коллективе складывается ощущение, что у каждого есть свой блок работы, за который он отвечает и который качественно выполняет.

— **Как вы относитесь к технологиям и глобализации в целом с позиции человека, который больше управляет, а не работает напрямую с данными? Из чего состоит круг ваших научных интересов?**

— Область моих личных интересов лежит на пересечении управления и ИТ. Мне интересны технологии, которые связаны с автоматизацией оценки личности во время собеседования при приеме на работу, автоматизированные системы анализа видеозаписи во время собеседования. Часто может проводиться запись беседы, в которой при помощи определенных психологических особенностей, заложенных в программе, выдается независимый анализ машины относительно того или иного поведения человека. С одной стороны, это экономия времени, с другой — объективная оценка. Правда, машину нужно обучать, ведь психология человека очень

специфична и нелинейна, поэтому нужен большой объем информации и постоянное дообучение, для того чтобы машина выдавала достоверные результаты.

Также мне интересны информационные системы, которые позволяют автоматизировать какой-либо процесс, чтобы не делать его вручную. Например, если в управленческой работе есть возможность автоматизировать какую-либо оценку качества, то это нужно делать. Еще одним очень интересным направлением сейчас является data-driven-подход в управлении. Это подход, основанный на собираемых больших данных. Даже частичная автоматизация управленческих решений позволяет серьезно экономить время и деньги, не говоря уже про объективность и непредвзятость. Техника предназначена для человека, а не человек для техники.

— **На ваш взгляд, где та грань, до которой можно развивать технологии?**

— Мне кажется, что предела нет. Есть только некие этические моменты, которые человечество само для себя должно отрегулировать. Постепенно. То экспоненциальное развитие технологий, которое идет в последние 20 лет, заставляет обратить внимание на его последствия.

Велика вероятность, что мы достигнем точки, после которой начнутся социально-этические ограничения в развитии технологий. По моим ощущениям, это должно произойти в ближайшие 30—40 лет, если опираться на предпосылки. Например, сейчас в некоторых странах есть тотальный видеоконтроль с распознаванием лиц, в этом отсутствует персональная тайна о перемещении человека. А другие страны сами выдвигают ряд ограничений, чтобы не устраивать слежку за гражданами.

Или возьмем робота Boston Dynamics. Он показывает невероятные вещи. Какова вероятность того, что появятся роботы-солдаты? Какой у них будет функционал, куда и в кого они будут стрелять? В таких же роботов противника? А если нет? Поэтому мне кажется, что с годами возрастет количество ограничений применения технологий. Точно так же, как когда-то давно было запрещено исследо-

вание клонирования человека. Технически это сделать можно, а с этической точки зрения большое количество стран поставили на него запрет.

А вот бизнес-аналитика, с моей точки зрения, в ближайшее время не увидит никаких ограничений, разве что со стороны социума, так как автоматизация производства или аналитики будет приводить к сокращению рабочих мест. Там, где раньше могли работать двадцать сотрудников, сегодня достаточно информационной системы с двумя специалистами, которые ее настраивают и обслуживают. Работодателю выгоднее платить две заработной платы, а не двадцать. А куда денутся остальные восемнадцать?

Бизнес проще регулировать, чем социально-этические вопросы, он живет за собственные деньги. Для аналитики я не вижу никаких преград, ее ждет бурное развитие, которое уже идет, что может быть не очень заметно обывателю. Десять лет назад о том, что такое «Госуслуги», знали всего процентов десять населения страны, которые этим как-то пытались пользоваться. Чаще всего это были люди, работающие в госструктурах и вынужденные по работе заниматься этим, или какие-то очень продвинутые айтишники с горящими глазами, пытавшиеся что-то внедрить. Сейчас практически все взрослые граждане нашей страны с удовольствием пользуются этим ресурсом, на который можно зайти в любое время дня и ночи, узнать информацию, заказать услугу, задать вопрос. И сервис продолжает развиваться — ни для кого не секрет, что система неидеальна и бывают сбои, но тем не менее количество запросов с каждым годом увеличивается, потому что это удобно и функционально. Например, я не оплачиваю коммунальные услуги в кассе где-то уже лет пять, так как очень поздно об этом вспоминаю, зачастую глубокой ночью. Поэтому плачу через сайт и забываю об этом до следующего платежа.

Мы разговариваем с первокурсниками, когда они еще готовы мечтать. В один из последних разговоров они не могли вспомнить ни одну сферу деятельности, где не использовались бы информационные технологии, сегодня они повсеместны.

«Погружение в IT-профессии», 2020 год

— **Как преподаватель, который горит желанием общаться со студентами, развивать коммуникацию и способы подачи материала, можете ли вы допустить такую мысль, что в какой-то момент и в сфере образования появятся роботы, которые заменят преподавателя как человека?**

— Да. Хотя машину изначально обучает и ограничивает именно человек. И мне хочется верить, что он в этой истории будет первичен. Во-первых, если в образовательном процессе будет использоваться машина, то в дальнейшем обучать вообще никого не придется: получится некая сокращающаяся пирамида, где количество людей, которые обучаются, будет уменьшаться. Ведь все сможет делать самообучающаяся машина. Во-вторых, в традиционной концепции обучения человека другим человеком важна не столько образовательная, сколько коммуникационная составляющая, когда можно задать вопрос не по теме, но по ходу ответа понять связь вопроса и темы. Когда вы можете

спросить про практический опыт преподавателя: «А как бы вы поступили в этой ситуации?» Искусственный интеллект на это выдаст какую-нибудь специфическую вещь.

Мне кажется, что его использование допускается в школьном образовании, о чем, собственно, рассказывал министр просвещения. Суть его речи в том, что у нас в стране в ближайшее время может быть создана основанная на искусственном интеллекте система, которая будет в автоматическом режиме проверять домашние задания школьников и выставлять оценку. История вполне возможна, и предполагается, что это будет не просто проверка, а с учетом информации, собранной о ребенке. То есть будет выстроена индивидуальная траектория с отслеживанием прогресса обучения, проработкой проблемных тем. Ведь на обработку данных искусственный интеллект будет тратить доли секунды в отличие от учителя, который кропотливо анализирует и проверяет каждую работу.

Но здесь тоже нужно быть аккуратным, ведь машина учится мгновенно, с каждым заданным вопросом. И таким образом она может стать с точки зрения рассуждений интереснее человека. Поэтому я считаю, что такой подход можно использовать в ограниченном количестве стандартизированных образовательных дисциплин. А вот традиционное университетское образование, на мой взгляд, ничем не заменишь. Ведь это идущая из древности практика, когда от старших к младшим передаются жизненный опыт и знания, и совсем не по учебникам, в которых они больше накапливались и анализировались.

Выступление филологов

Обсуждение студенческих проектов. В. Столбиков, Ю. Миловидов, Н. Горькавый, Л. Максимова, В. Черненко, 1977 год

Светлана Анатольевна, когда вы впервые почувствовали интерес к иностранному языку, к иной культуре?

— В нашей семье было много книг. Книги всегда нас окружали. Первый класс окончила в челябинской школе № 11 — тогда самой обычной. А потом мой дедушка Василий Афанасьевич Грошев посмотрел программу по телевидению, где выступал Владимир Абрамович Караковский, директор школы № 1 с углубленным изучением английского языка, и рассказывал, что открыт набор в специальный класс. Мы с подругой решили попробовать поступить. На собеседовании нужно было повторить за учителями по-английски какие-то слова. Мы, естественно, ничего не понимали, но повторили, и нас зачислили.

— Интересно, как вовремя услышанное убедительное выступление педагога определяет выбор профессии.

— Не только это. В новой школе мне очень повезло с учителями литературы. И с первой учительницей — Инессой Васильевной Сухановой, которая учила нас до восьмого класса. И, конечно, большое счастье, что у нас преподавал литературу директор школы Владимир Абрамович Караковский, блистательный педагог! Позднее он переехал в Москву, стал академиком. Очень ему благодарна за уроки! Помню, как мы целую четверть учили Маяковского. Владимир Абрамович очень его любил. Даже проигнорировал школьную программу: каждый из нас должен был выбрать что-то из поэзии Маяковского, выучить и в течение 45 минут читать. Вначале это восприняли как ужас какой-то, но вскоре многим понравилось. А когда среди тем выпускного сочинения увидели

С. А. Питина: Мне помогает особенность моего предмета — стремление выстроить диалог

Беседовали
Арина Загорская,
Андрей Сафонов

Изучать язык — значит познавать культуру его носителей. С доктором филологических наук, профессором кафедры теоретического и прикладного языкознания ЧелГУ Светланой Анатольевной Питиной говорим об объективной суровости Челябинска, о том, как в глазах студентов оживить правила грамматики, и о положительном отношении к иным культурам.

тому по Маяковскому, вздохнули с облегчением и очень хорошо написали. Нам очень повезло и с учителем английского языка — Стеллой Давыдовной Персон. Учитель от Бога! Она окончила Ленинградский институт иностранных языков, по распределению попала в Челябинск, преподавала английский язык в школе № 1, а затем в 121-й школе. Домашние задания мы делали только тогда, когда нужно было перевести огромные, на целый разворот, статьи из Moscow News, а так все успевали на уроке.

— Благодаря учителю вы решили стать лингвистом?

— Возможно. Наш класс уроки английского языка посещал группами. В каждой — одиннадцать человек. Так вот из нашей группы шестеро пошли на факультет иностранных языков — это очень много.

— Кто из преподавателей, ученых повлиял на ваше становление в дальнейшем?

— Во время учебы в Челябинском педагогическом институте — Мирра Давыдовна Шехет (Гендельман). Окончила Московский институт иностранных языков имени М. То-

реза. Замечательный, мудрейший преподаватель! Она научила по-другому смотреть на жизнь, сравнивать англоязычные культуры, очень внимательно относиться к тексту. Потом в аспирантуре Ленинградского университета удалось пообщаться со многими выдающимися лингвистами. Это, конечно, Юрий Сергеевич Маслов, автор известного учебника по языкознанию. Как он читал лекции! Внимание буквально к каждой детали. Если в чем-то сомневался, на следующем занятии мог к этому вернуться, что-то пояснить. Еще можно назвать Вадима Борисовича Касевича. Он востоковед, очень эрудированный, его лекция — просто сказка. Людмила Павловна Чахоян тоже изумительно читала лекции, и разговаривать с ней было одно удовольствие. Общение с Алевтиной Ивановной Варшавской (она была оппонентом моей кандидатской диссертации) тоже оставило яркий след.

— В аспирантуре вы учились, будучи преподавателем ЧелГУ, куда пришли сразу после окончания педагогического вуза?

— Да, именно так. Мы, шесть человек из группы, получили красные

дипломы. Троице удалось пройти собеседование при поступлении на работу в ЧелГУ, и нас приняли на полставки. Я проходила собеседование у проректора Александра Арсентьевича Голикова и, конечно, волновалась. Но все завершилось удачно. На полставки тогда работали столько же, сколько сейчас на полную ставку. Восемнадцать — двадцать два часа в неделю на грузки, еще и ездили по разным корпусам! Но ничего. В коллективе все складывалось очень хорошо. Кафедра разновозрастная, заведовал ею Владлен Яковлевич Михайлов. Его пригласили из педагогического института, и он на тот момент был единственным с ученой степенью — кандидат филологических наук. Хорошие, дружные отношения. В совхоз на уборку урожая ездили. Даже как-то Новый год встречали вместе. Никаких конфликтов. Учебников было мало, опыта еще меньше. Учились на ходу. Наши занятия посещали коллеги, мы ходили к ним. Сравнивали, перенимали что-то друг у друга. Студенты, у которых преподавала, — математики и химики — очень замотивированные. Это была группа химиков первого набора и три группы математиков. Работать с ними — одно удовольствие. Дистанции между нами не существовало.

— А когда педагог становится старше, без этой дистанции можно обойтись?

— Можно и нужно обходиться без дистанции, потому что она часто мешает, оставляет много вопросов, на которые у студента нет ответов, не позволяет педагогу вовремя понять, что он делает не так. И потом, у нас своя специфика предмета: небольшие группы. Каждая группа — всегда что-то новое. К каждой группе и к каждому студенту нужен свой подход.

— Легко ли этот подход найти, если преподаватель и студенты из разных поколений?

— Здесь тоже помогает особенность предмета, смысл которого в том, чтобы выстроить диалог. Приспосабливаешься, смотришь на реакцию: поняли тебя или нет. Сейчас, в эпоху гаджетов, конечно, сложнее учить студентов. Знания у них мозаичные, поэтому иногда идем по кругу, начинаем занятие с того, что проходили ранее. И когда понимание устанавливается,

Светлана Анатольевна Питина, доктор филологических наук, профессор. Окончив в 1977 году факультет иностранных языков ЧГПИ (сейчас — ЮУрГПУ), пришла в ЧелГУ ассистентом, затем работала старшим преподавателем кафедры иностранных языков. С 1994 по 2003 год заведовала кафедрой английского языка. С 2003 года — заведующая кафедрой английской филологии романо-германского отделения филологического факультета. Светлана Анатольевна известна как один из организаторов факультета лингвистики и перевода ЧелГУ. В 1991 году защитила кандидатскую диссертацию по проблемам семантического синтаксиса, в 2002-м — докторскую по специальности «Теория языка». Она разработала теоретические курсы: «Готский язык», «История языка», «Лексикология», «Теоретическая грамматика английского языка». В 2006 году профессор Питина возглавила кафедру теории языка. С ее приходом укрепилась научно-методическая база специальности «Зарубежная филология», библиотека пополнилась большим количеством литературы на английском языке. Кафедра стала самой высококвалифицированной на факультете — на ней трудились пять докторов наук, чьими усилиями были сформированы три научные школы: изучения проблем профессиональной номинации и коммуникации, сопоставительной лингвокультурологии и когнитивного терминоведения. Основная сфера научной деятельности — сравнительная и германская лингвоментальность. Кроме основных, читает лекции по курсам: «Особенности идиостиля современных британских писателей», «Лингвокультурология». Участница международных проектов по развитию высшего образования. Автор более 170 научных и методических публикаций по вопросам лингвистики, в том числе четырех монографий. Входит в состав редколлегии «Вестника Челябинского государственного университета».

переходим к следующей теме. Иначе курс не будет воспринят правильно. Новые времена, новые люди. Значит, и преподаватель должен обновляться, если не хочет заниматься чем-то другим.

— **В 1994 году, когда вы возглавили кафедру, страна тоже пережила совершенно новые времена. Поменялись если не ценности, то приоритеты. Сказалось ли это на отношении студентов к иностранному языку? С одной стороны, интерес наверняка вырос, так как появилось больше возможностей для зарубежных поездок. Но не утратило ли для них актуальности знание фундаментальных основ языка?**

— К сожалению, есть тенденция к утрате. Не только студенты, но и некоторые преподаватели говорят: «А зачем нам теория языка? Давайте заниматься одной практикой». Но ведь разговорный английский можно выучить за 60 часов. И тебя поймут, ты сможешь на бытовом, элементарном уровне общаться. Но работать с таким уровнем английского ты не сможешь. Будут сказываться нехватка фоновых знаний, непонимание того, почему язык устроен именно так. То есть сказать ты на языке сможешь, а преподавать его — нет. Приоритеты в 1990-е годы, конечно, изменились. Не только первые студенты-лингвисты, но и мы сами, кто пришел на факультет препода-

вать, знали только письменный текст: могли читать, переводить и пересказывать. А говорить было сложно, потому что практики не было. Потребовалось и учебники менять на те, которые максимально приближены к пониманию речи носителей языка. Пришлось многое для себя повторять, заново учить, постоянно готовиться. Время было беспокойное, но очень интересное. И нам повезло со студентами. Мы набрали четыре группы по десять человек. К первому выпуску подошли только 32 человека. Остальных пришлось отчислить. Но многие из тех, кого отчислили, подходили со словами: «Спасибо, что вовремя объяснили, что это не мое». Наверное, я была слишком строгая: тем студентам, кому тогда за экзамен ставила четверку или даже тройку, сегодня поставила бы пять.

— **Учиться стали хуже или изменились критерии оценки?**

— Мне ближе второй вариант. Мы стали более толерантно подходить к студентам, учитывать их начальный уровень подготовки, и это правильно. Раньше были жесткие правила, четкие требования. Студент не справился — получил соответствующий балл. И возражений никаких ни у кого не было. А сейчас все сложнее.

— **Как вы мотивируете студентов на изучение теории?**

— Стараюсь перемежать теорию с практикой. Дополняю материал

занятий художественной литературой, фильмами по истории культуры, истории языка. Знакомимся с Англией, с ее историческими событиями, королевскими династиями. Глядишь, уже интерес появляется. А ограничиваться знанием таблиц склонений и спряжений не стоит. За правилами любого языка — история жизни многих и многих людей. Язык — живой организм.

— **Вы — в числе основателей факультета лингвистики и перевода ЧелГУ. Что Челябинский госуниверситет смог предложить в этой сфере нового, учитывая, что в городе был и есть факультет иностранных языков педагогического вуза?**

— Педагогический институт в то время работал по традиционным учебникам. Схема обучения языку в них примерно следующая: «Мой сосед Петр Иванов живет по адресу, работает на заводе...» — все в географическом пространстве Советского Союза. В этом уже была некая отдаленность от носителей языка. То есть мы в педагогическом институте учили английский для русских, для того, чтобы использовать его знание внутри страны. Хотя качество этого знания было высоким. Запись квалификации в нашем дипломе тоже отличалась: лингвист, переводчик, преподаватель. Но создавая в ЧелГУ факультет лингвистики и перевода, мы сразу погружали студентов в языковую среду. Много часов отводили на разговорный

язык, много было практических занятий по аудированию. У меня самой, когда окончила институт, «ухо не работало», язык, по сути, я не слышала. Потребовалось много времени, чтобы начать чувствовать британскую, американскую речь. Не было возможности развивать этот навык раньше. Было несколько заезженных кассет диалогов, где актеры театра утрированно произносили фразы на английском языке, а слушатели должны были их воспроизвести наизусть. На факультете лингвистики и перевода ЧелГУ мы давали студентам на прослушивание нормальную, вариативную, живую речь. Старались на дополнительное чтение давать современный материал, а не только книги замечательных писателей прошлого: Диккенса, Теккерея. И это позволило собрать разнообразную библиотеку.

— **Легко было найти современную литературу?**

— Когда перешла работать на кафедру теории языка, появилась возможность участвовать в Оксфордском проекте: преподавателей английского языка и литературы приглашали на семинары и бесплатно в нужном количестве обещивали книгами. Мне удалось получить в дар «оксфордскую библиотеку» — 300 с лишним томов лучших произведений. Инициатор этого проекта — профессор из Оксфорда Карен Хьюитт. Она приехала в 1990-е годы в Пермь и познакомилась с деканом факультета современных языков и литературы Борисом Михайловичем Проскурным. Ее начали приглашать читать лекции по британской литературе в Пермский университет, она приезжала на несколько месяцев. Потом они с Борисом Михайловичем организовали в Перми первый семинар для преподавателей английского языка и литературы. Семинар стал ежегодным. Закупались и бесплатно раздавались книги современных писателей — очень качественная литература, которую и сейчас наши студенты с удовольствием читают на домашнем чтении. Через несколько лет Карен Хьюитт предложила нам с Борисом Михайловичем поучаствовать в редакции журнала для преподавателей английского языка и литературы. Долго думали над названием, в итоге назвали его «Тропа». Журнал до сих пор действует, выходит по одному выпуску в год. В нем публикуются

и российские, и британские авторы, и даже студенческие эссе, которые кропотливо отбирает редколлегия. Тематика связана с современной британской литературой, с писателями, творчество которых проходит. Проект предусматривает множество полезных встреч с писателями, критиками, редакторами. Была возможность участвовать в семинаре в Оксфорде. Мне повезло побывать там в 2010 году, несколько моих коллег по кафедре участвовали позднее.

— **Что больше всего впечатлило в атмосфере престижного вуза?**

— Ты погружаешься в культуру, общаешься с оксфордскими преподавателями, задания тебе дают каждый день. Жили в семьях. У меня была совершенно замечательная семья — Пэм и Рон Никсоны, тоже оксфордцы. Жили в старом викторианском доме. Были уже пожилого возраста, и я думала, как им тяжело подниматься на последний этаж. Но оказалось, что они постоянно ездят на велосипеде, каждый вечер ходят в паб — активные очень. У них четкое расписание на неделю: что они делают, какие встречи проводят, какие лекции читают. Рон — член ораторского клуба, Пэм написала несколько книг. Они постоянно чему-то учатся — это типично для британцев.

— **С вашим именем связано усиление кафедры теории языка ЧелГУ, где в период вашего заведования работали пять докторов наук...**

— Ну, это не моя заслуга, коллеги постарались.

— **Что для ученого-гуманитария является точкой притяжения к кафедре, городу, коллективу?**

— По-разному бывает. Нашей кафедре повезло с Людмилой Александровной Шкатовой — именно она кафедрой организовала. Замечательный человек, генератор идей и при этом очень деликатная, дипломатичная. Многому меня научила. Дала много дельных советов по моей докторской диссертации. И всегда подталкивала к решению, к действию: «Хорошо бы заняться этим»; «А как вы смотрите на проблему? Давайте попробуем вместе ее решить». И она всегда объединяла вокруг себя. И не только она, но и каждый в коллективе. Мне кажется, это характерно для нашей кафедры. Все зависит от людей, от того, как складываются между ними отношения.

— **Поговорим об актуальных для вас научных интересах. Вы изучаете германскую лингвистическую...**

— Германская — не только немецкая.

— **Поясните, пожалуйста, о чем идет речь: что такое лингвистическая германская отличается от немецкой.**

— Есть индоевропейская семья языков. В ней существуют отдельные группы и подгруппы. Одной из групп является германская. Она включает целых три подгруппы: северогерманскую, восточногерманскую и самую большую — западногерманскую. В последнюю подгруппу входят английский и немецкий языки — ближайшие родственники. Но они разошлись и в лексике, и в произношении, и в грамматике (немецкая более консервативна). Я как раз занимаюсь английским языком, хотя мой второй язык — немецкий. А ментальность — это когнитивные явления, то, что есть в сознании человека и что отражается в его языке, культуре: национальный характер, стереотипы, предрассудки, традиции — все то, что сейчас изучает лингвокультурология.

— **При сопоставлении русскоязычной и англоязычной культур видите больше сходств или отличий? И какие из отличий осложняют взаимопонимание?**

— С конфликтом культур и культурным шоком встречаются, наверное, все, кто побывал в англоязычных странах. В первый раз, когда приехала в США, меня спросили: «Почему ты такая хмурая, не улыбаешься? Нельзя так». Чисто поведенческие, внешние отличия бросаются в глаза. Проявляются они и в отношении к детям. Ребенок родился, они уже через три дня тащат его в горы и в город: пусть, говорят, социализируется. Берут на шумный день рождения. Никаких шапочек, пинеточек. И болеют ведь дети меньше! А у нас так нельзя. Конечно, есть разница между русской и англоязычной культурами. Но к этим отличиям надо по-доброму, с эмпатией относиться.

— **Продолжим тему лингвистической германской, но уже на другом материале. Вы изучаете регионализмы — слова, характерные для жителей Южного Урала.**

— Да, совместно с коллегами из Магнитогорского технического

Кафедра иностранных языков, 1978 год

Надпись на фото: «Любимому преподавателю от любимых учеников always your's»

университета под руководством Светланы Андреевны Песиной работаем над грантом РНФ по регионализму Челябинской области. Изучаем особенности речи челябинцев: какие они слова употребляют, какие грамматические конструкции используют. Такие же исследования проводим и в районах. В результате должен получиться словарь.

— **Можно уже говорить о каких-то результатах исследования?**

— Урал — сопряжение многих культур, многих этносов. То, что мы воспринимаем как должное, многим кажется неестественным, странным. Очень интересно посмотреть на наши топонимы, микротопонимы. Среди них большой слой занимают исторические: Варна, Фершампенуаз — много таких названий, больше тридцати. Если посмотреть на микротопонимы, то в Челябинске полный разнобой: есть и англо-русские, англо-туркские названия, русско-французские. То есть все это проявления глокализации, смеси общего и местного.

— **Характер Челябинска из всего этого вырисовывается?**

— Да, пока в виде приблизительных набросков. Мы с Анной Вячеславовной Таскаевой писали о народных названиях Челябинска, о суровом Челябинске, о том, как этот образ отражается в языке, в характере.

— **То есть наша суровость не навязанный извне стереотип?**

— Это наша черта. Посмотрите, в транспорте редко люди улыбаются, особенно по утрам. А если улыбаешься, то на тебя уже смотрят с некоторым подозрением. В англоязычной культуре, кстати, наоборот.

— **О ваших учениках можно сделать отдельное интервью. Под вашим руководством защищено 30 кандидатских диссертаций и одна докторская.**

— Докторскую как раз защитила Анна Таскаева. С ней мы начинали с курсовой работы. Она из первого набора студентов, которые поступили на зарубежную филологию. От курсовой — к дипломной, дальше кандидатская и докторская. Она тоже занимается лингвокультурологией. С ней очень интересно работать. Две канди-

датские защищены в Костанайском филиале — Натальей Романовной Гейко и Олесей Владимировной Свиркович. Наталья занимается переводом, особенностями английской и русской общественно-политической лексики. Олеся изучает лингвокультуру университета. Шесть кандидатских диссертаций защищено в Магнитогорске, две — в Оренбургском государственном университете, пять — на кафедре теории и практики английского языка факультета лингвистики и перевода ЧелГУ. Многие из защитивших остались работать на нашей кафедре: Двинина Светлана Юрьевна, Урванцев Глеб Васильевич, Борисенко Татьяна Владимировна. Кто-то в Москву перебрался — Бовшик Александр Сергеевич там заведует кафедрой. Кто-то, как Анна Зарецкая, преподает, но, к сожалению, докторской пока не занимается. Одна из первых защит была у Анатолия Павловича Нестерова. Помню, как ему уже на защиту надо было выходить, а он все приложение допечатывал, старался, чтобы все было идеально. Со всеми соискателями было интересно и полезно работать.

Студенческие отряды

Студенты исторического факультета. В центре — Т. А. Чумаченко, ныне ректор ЮУрГГПУ

А

**лексей Николаевич,
как вы решили свя-
зать свою жизнь**

**с IT-специальностью? Когда при-
шло понимание, чем вы хотите
заниматься?**

— Уже в восьмом классе я опреде-
лился, куда буду поступать и на ка-
кую специальность, целенаправ-
ленно ходил на курсы, принимал
участие в профильных олимпиадах.
Челябинский государственный уни-
верситет первым на Южном Урале
в 2001 году открыл специальность
«Компьютерная безопасность»
и организовал кафедру компьютер-
ной безопасности и прикладной
алгебры. Я успешно сдал устный
экзамен по математике, кото-
рый проводился для медалистов
и вместе еще с двумя ребятами
прошел отбор. В перспективнос-
ти выбранной специальности,
качестве подготовки я убедился
еще на курсах, у нас были замеча-
тельные и сильные преподаватели,
в том числе профессор ЧелГУ Олег
Николаевич Дементьев.

**— Одновременно вы получали
второе высшее образование
по иностранному языку. С чем
был связан этот выбор?**

— Для меня это было важно. Я счи-
таю, в современном обществе без
знания иностранного языка раз-
виваться сложно. Практически все
студенты специальности «Компью-
терная безопасность» знают
и используют базовые IT-фразы,
работают с приложениями на ан-
глийском.

Но опыт разговорного английского
и образование на лингвистическом
факультете помогают лишь частич-
но, так как написание научных ста-
тей в области защиты информации
и искусственного интеллекта тре-
бует знания научной терминологии
на английском языке. И в этой свя-
зи, безусловно, приходится много

А. Н. Ручай:

Одно из самых главных правил успешной работы коллектива — уважение мнения каждого

Беседовала
Нина Басова

Уже несколько лет профессии IT-отрасли являются одними из самых востребованных. Без таких сотрудников не обходится практически ни одна организация. Но достаточно ли получить диплом о высшем образовании для того, чтобы стать специалистом по информационной безопасности? О том, кому не подходит эта профессия и чем может заниматься ученый в сфере компьютерной безопасности и искусственного интеллекта, рассказал заведующий кафедрой компьютерной безопасности и прикладной алгебры ЧелГУ Алексей Николаевич Ручай.

Вручение стипендии губернатора Челябинской области, 2007 год

читать статей по тематике, близкой моим исследованиям, а также общаться с коллегами, имеющими значительную практику научного английского.

Я восемь лет проработал в компании «Прикладные технологии», занимавшейся разработкой продуктов для компании IBM. Практически вся деятельность осуществлялась на английском: переписка с коллегами и начальством, чтение руководства пользователя, общение с партнерами. Это стало хорошей практикой.

— Вы, как и большинство сотрудников кафедры компьютерной безопасности и прикладной алгебры, выпускник ЧелГУ. Почему решили продолжить карьеру в вузе?

— Изначально решил заниматься наукой. Работу в «Прикладных технологиях» все годы совмещал с преподаванием специальных дис-

циплин на кафедре компьютерной безопасности. А когда встал выбор: остаться в компании и продолжать разработку или возглавить кафедру, принял решение стать заведующим, так как увидел для себя перспективы научного и профессионального роста.

Еще на четвертом курсе я стал интересоваться темой биометрической аутентификации, распознаванием человека по голосу. Но работа над кандидатской диссертацией заняла несколько лет. В 2010 году в университет пригласили доктора технических наук Виталия Ивановича Кобера. Фактически он стал моим научным руководителем — помог с выбором консультантов и ведущей организации.

После защиты кандидатской мне была предложена работа в центре речевых технологий с переездом в Санкт-Петербург. Вспоминая о принятии сложного для меня ре-

шения отказаться от данного предложения, я не жалею, потому что в настоящее время в должности заведующего кафедрой компьютерной безопасности я могу достаточно время уделять научной работе, проводить многие исследования совместно с коллегами из разных городов и стран.

— Состав вашей кафедры довольно молодой, но постоянный. Чем удерживаете специалистов?

— Одним из самых главных правил успешной работы коллектива является принцип уважения мнения каждого, умение выработать общую стратегию развития, учитывая интересы всех заинтересованных сторон. Наши преподаватели — молодые, активные, предлагающие собственные идеи и проекты. Поэтому я как заведующий вижу свою работу в отборе и обработке решений, намерений, концепций, которые будут выгодны всем.

— Вместе с тем вы сотрудничаете с выпускниками-работодателями. Какая задача стоит перед ними?

— Практически половина преподавателей-совместителей кафедры имеют свой бизнес. Университет им интересен не только в плане преподавательской деятельности, но и в вопросе поиска кадров для своих компаний. Кроме того, многие выпускники таким образом благодарят вуз за полученные знания и возможности. Окончив кафедру компьютерной безопасности ЧелГУ, они построили достойную карьеру, добились успеха и хотят поделиться своим опытом с молодым поколением. Для наших студентов наличие на кафедре значительного количества преподавателей-практиков тоже является большим плюсом. Примерно 80% ребят уже с третьего курса активно сотрудничают с работодателями, работают с более интересными и сложными задачами в области безопасности, повышают свои профессиональные навыки.

— Говорят, что кафедра компьютерной безопасности — это подразделение в подразделении. Это особенности специальности?

— Полностью наша кафедра, разумеется, не обособлена. Многие математические дисциплины читают преподаватели других кафедр факультета.

Но у нашей кафедры есть миссия, которая провозглашает, что главной целью деятельности кафедры является творческое, научное, свободное развитие студентов. У нас нет никакой диктатуры. Например, если студент хочет заниматься научным направлением, связанным с вопросами математического анализа, мы должны обеспечить ему все условия и помочь. Если он выполняет все параметры, заданные специальностью, но его научный интерес в другом, мы поддержим. Это касается и преподавателей кафедры: зачастую практические навыки, связанные с информационной безопасностью, не совпадают с научной сферой, находящейся в другой области. В качестве примера могу привести свою научную деятельность: обработка изображений и сигналов, которая интересна мне и моему научному руководителю, не имеет прямого отношения к информационной безопасности. Это свидетельствует о том, что,

получив достаточно широкую и сложную специальность «Компьютерная безопасность», студент или преподаватель способны развиваться и в других IT- или математических областях. Важно, чтобы была обеспечена свобода выбора для студентов и преподавателей, занимающихся исследовательской деятельностью.

Также кафедру компьютерной безопасности отличают высокие требования преподавателей к нашим студентам. Это связано со спецификой специальности «Компьютерная безопасность». У нас преподаются очень сложные дисциплины, включающие поиск уязвимостей и компьютерных атак и методы их отражения, другими словами, хакерской деятельности. В настоящее время хакерские атаки находятся в постоянной информационной повестке, новости об этом мы читаем постоянно. Сейчас идет борьба за тех, кто является в своей области специалистом. Работодатель, особенно в сфере IT, уже не столько смотрит на диплом, сколько обращает внимание на то, что выпускник умеет. Те, кто поступает к нам на специальность «Компьютерная безопасность», видят, что учиться сложно, долго — почти шесть лет. Но, начиная работать в профильных фирмах, студенты видят, что работодатель требует не просто умение

Алексей Николаевич Ручай, кандидат физико-математических наук, доцент. В 2008 году окончил Челябинский государственный университет по специальности «Компьютерная безопасность», одновременно получив второе высшее образование на факультете лингвистики ЮУрГУ (НИУ). В 2012 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Текстозависимая верификация диктора: модель, статистические исследования, комплекс программ». Руководитель ряда исследований, поддержанных Российским научным фондом, Российским фондом фундаментальных исследований, с 2017 года является экспертом РНФ.

программировать, а приветствует наличие навыков безопасного программирования, понимания безопасной реализации различных компонентов, в том числе криптографических, сетевых, передачи данных, беспроводных сетей. Мы эти навыки даем и ждем от студентов полной отдачи, реализации теоретического материала на практике. Это сложно. Кто-то переводится на другие направления на математическом факультете и получает диплом бакалавра в итоге. Но многие наши студенты осваивают программу, становятся высококлассными специалистами, способными выполнять задачи, предъявляемые современной IT-сферой, и даже проводить воркшопы на международных конференциях. В некоторых случаях мы предлагаем взять академический отпуск и дойти до требуемого уровня. Положительные примеры уже есть, когда студент осознанно возвращается к учебе, получает диплом и успешно устраивается на работу.

— Какими компетенциями, навыками или даже характером должен обладать ваш потенциальный студент?

— Зачастую я оцениваю нашу специальность как психологическое испытание. Например, в медицинском университете: если ты видишь кровь и падаешь в обморок, то, наверное, тебе не стоит этим заниматься. Здесь примерно то же самое — необходима высокая психологическая устойчивость. Многие студенты испытывают сильный стресс из-за большой учебной нагрузки. Иногда это становится причиной ухода из специальности. В некоторых университетах есть хорошая практика: студенты поступают не на узкую специальность, а в целом на факультет. В дальнейшем они могут оценить свои силы, выбрать направление по своим интересам. А семнадцатилетним ребятам сразу выбрать сложно. Сейчас наша кафедра думает над тем, как такую практику реализовать. Но пока мы можем только предложить перейти студентам на смежное направление.

— Как привлекаете школьников?
— Используем все доступные формы: сотрудничаем с организациями дополнительного образования, проводим дни открытых дверей,

используем форму проектной работы. Большая часть преподавателей кафедры занимаются репетиторством, подготовкой к поступлению в вузы, ориентируя абитуриентов на наш университет.

Сейчас мы работаем над проектом для школьников — курсы с элементами безопасности. Суть в том, чтобы не просто подготовить их к ЕГЭ, а заинтересовать ребят специально, преподавателями, примерами трудоустройства и показать качество нашего образования. Но школьники очень отличаются, и нужно это понимать. Есть раз-

ные примеры. Одни — выпускники известных гимназий с завышенной самооценкой и вместе с тем с большими проблемами. Они не хотят много работать, считая, что их знаний хватит надолго. Но часто не выдерживают. Другие приходят с низким уровнем подготовки, но каждый день пашут. При таком подходе количество переходит в качество, и они достигают успеха. Но если говорить в целом, то качественных школьников мало, а тех, кто хочет заниматься научными исследованиями, еще меньше.

Конференция Russian IT Synergy, 2017 год

— Как проходила трансформация ваших научных исследований?

— Вначале я занимался методами обработки речевых сигналов, в частности для задач распознавания человека по голосу. Это междисциплинарное исследование на стыке математики, информационных технологий и безопасности. Мне эту систему захотелось не просто изучить, но и самостоятельно создать, что я и сделал в своей кандидатской диссертации. С приходом Виталия Ивановича Кобера появились новые задачи, проекты, гранты, поэтому тема, над которой я сейчас работаю для докторской диссертации, полностью изменилась. Она связана с автоматизацией бесконтактных измерений животных и реализуется на стыке двух специальностей — сельского хозяйства и математических методов анализа изображений и данных. Вместе с Федеральным центром биосистем и агротехнологий РАН появилась идея автоматизации процесса бесконтактных измерений животных на всех этапах. Процедура физического измерения зачастую связана со стрессом у животных и большими временными затратами, тогда как бесконтактный способ измерения более гуманный и дешевый. За время работы над проектом нам удалось провести несколько обширных экспериментов, создать с нуля базу данных измерений разных параметров крупного рогатого скота, именно в этом вопросе мы стали первыми. Наши коллеги из-за рубежа заинтересовались проведенными исследованиями, стали использовать созданную нами базу в своих исследованиях для проверки точности своих алгоритмов. Таким образом сформировался международный коллектив исследователей, который регулярно публикует совместные научные статьи в ведущих мировых журналах из первого квартала. Кроме значительной трудоемкости еще одна проблема заключается в том, что любое внедрение искусственного интеллекта — это дорогостоящая инновация, возможно, в нашем вопросе речь пойдет о дальнейшем применении дронов или движущихся платформ с камерами для получения более точных данных о параметрах крупного скота. Порой дешевле нанять специалиста, который будет за-

Выпуск направления «Компьютерная безопасность», 2020 год

ниматься измерениями, снимать и собирать данные вручную, чем внедрять в процесс измерения сложные технологии. Кроме того, мы понимаем, что в случае внедрения автоматического процесса измерения с помощью искусственного интеллекта многие рабочие сельскохозяйственных специальностей останутся без работы. Не каждое предприятие готово к таким переменам. В целом работа над одной темой на самом деле может быть многоаспектной. Например, еще одно исследование мы ведем в рамках другого гранта РФФИ. Этот проект посвящен поиску связей между морфологическими характеристиками животных и их геномом путем проведения полногеномных ассоциативных исследований. Мы, как исследователи, рассматриваем генетику животных и анализируем

эти данные для выявления потенциальных генов продуктивности.

— Расскажите об экспериментальной части исследований.

— Экспериментальная часть нашей работы — это, пожалуй, самое необычное, что может случиться в научной деятельности математика-исследователя. Для составления обширной базы данных нам пришлось ездить на действующие сельскохозяйственные предприятия, причем крупные, которые, во-первых, заинтересовались сотрудничеством, во-вторых, смогли предложить определенные условия для проведения измерений. Мы проводили измерения крупного рогатого скота вручную и затем проверяли точность сделанных бесконтактным методом. Животное проходило напротив специальных камер, производилась съемка,

строилась трехмерная модель, и по ней мы выполняли измерения. В данный момент мы подали заявку на совместный грант с китайскими коллегами по этой теме, надеемся, что он даст новый импульс нашим исследованиям. Также у нас появился перспективный проект экстерьерной оценки лошадей. Заявителей интересует точный количественный метод, который позволяет оценить животное. Таким образом, те исследования, которыми я и мои коллеги занимаемся, интересны не только в России, но и в мире.

— Вы не только являетесь исполнителем грантов, но и проводите экспертную оценку других заявок. Как происходит работа с другой стороны?

— В 2017 году, когда я одержал победу в гранте Российского

научного фонда, всех руководителей пригласили принять участие в качестве экспертов. С этого года я провожу экспертизы заявок на гранты РФФИ. На данный момент в моей копилке более 400 экспертиз. Рассмотрение одной заявки — это огромный труд: нужно провести анализ современного состояния исследований по данной проблеме, изучить задел и опыт коллектива в данной области. Но вместе с тем участие в экспертизе — возможность посмотреть, куда движется наука, какие появляются идеи и как они развиваются.

Если говорить об уровне заявок, то их качество повышается из года в год. Практически все проекты достойные, но существует часть критериев, по которым нельзя поставить высший балл. Иногда, например, недостаточно публикаций в ведущих журналах. Хотя, на мой взгляд, эту цепочку нужно разрывать и давать шанс молодым исследователям с прорывными идеями, которые еще не накопили достаточного опыта или большого числа статей из первого квартала.

— **Благодаря вашим исследованиям в прошлом году вас номинировали на престижную премию Top-50 самых знаменитых людей Челябинской области. Как оцениваете этот конкурс, нужны ли такие мероприятия ученым?**

— Считаю такие мероприятия не только хорошим инструментом для личного продвижения, но и рекламой специальности и университета. Победителей выбирали с помощью голосования, и я видел, что за меня болеют преподаватели, сотрудники, студенты. Это придавало уверенности.

— **Как вы можете сформулировать цель вашей деятельности в настоящее время?**

— На мой взгляд, ученый должен постоянно расти профессионально, заниматься исследованиями, интересными ему лично и актуальными для общества. Но своей главной целью я вижу развитие кафедры компьютерной безопасности и прикладной алгебры в ЧелГУ, развитие и популяризацию специальности «Компьютерная безопасность»,

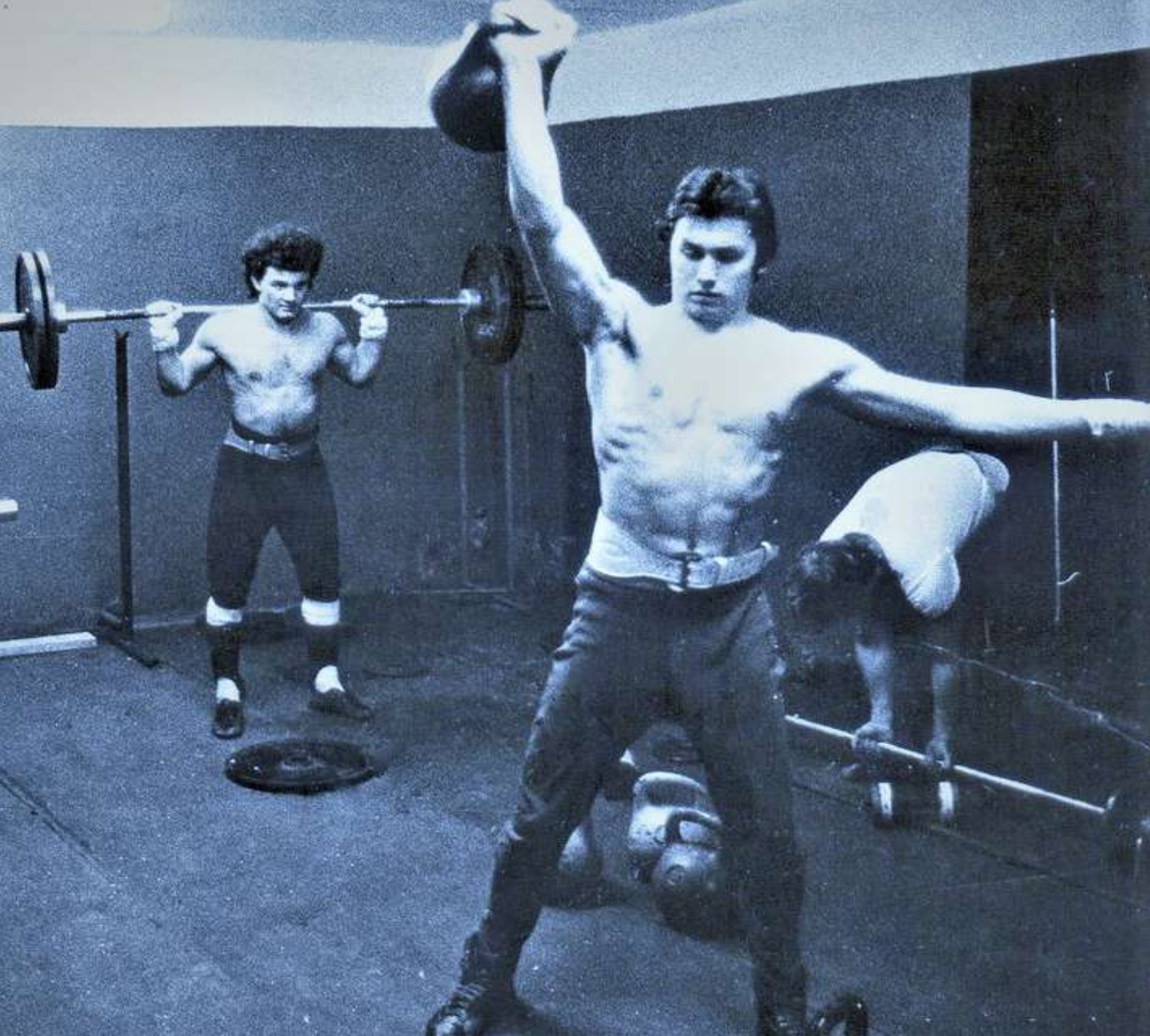
рост и профессиональное продвижение наших выпускников.

В настоящий момент мы с коллегами думаем о вариантах внедрения индивидуальных траекторий обучения на математическом факультете, чтобы больше талантливых студентов могли выбрать специальность «Компьютерная безопасность». Со стремительным развитием IT-сектора активизируются хакерские атаки, случаются кражи данных и взломы баз данных. Именно выпускники нашей специальности способны предотвратить многие преступления и встать на страже информационной безопасности граждан нашей страны.

Всегда приятно получать обратную связь от работодателей: наши выпускники буквально нарасхват, они довольно быстро становятся ведущими разработчиками, руководителями отделов и департаментов крупных IT-компаний. Возможно, получать образование по специальности «Компьютерная безопасность» сложно, но, поверьте, затраченные усилия того стоят.

Исследовательская работа студентов

Силовые тренировки в атлетическом клубе общежития № 2, середина 1980-х годов

В

о многом именно вы определяли позиционирование университета — задолго до того, как понятия из области пиара вошли в нашу жизнь. По мысли основателей, чем должен был стать ЧелГУ для региона, страны?

— Он должен был стать первым университетом в большом регионе. Университетом — сейчас сложно представить, что сорок с лишним лет назад это слово южноуральцам было в новинку. Мне тоже. Когда Александр Арсентьевич Голиков, которому поручили подготовку к открытию ЧелГУ (ЧГУ тогда) пригласил меня поработать вместе, он рассказывал про какое-то совершенно необычное, удивительное учебное заведение с огромной перспективой в регионе. У этого вуза будто бы было свое, человеческое лицо. Четкие планы, коллектив энтузиастов, где каждый может проявить себя в разных ипостасях, «штучные» студенты. Не я один вам говорю, что студентов ЧелГУ всегда можно было легко отличить от студентов других вузов. Наши ребята всегда были лучшие, а девчонки — самые умные и самые красивые. Так и осталось, кстати. Для меня, как и для всех других, это был риск. Но после разговора с невероятно обаятельным Голиковым я ушел уверенным и вдохновленным. При этом нельзя сказать, что до встречи с ним я не знал, что такое вуз. Учился я в педагогическом институте на спортфаке, а потом (после армии) работал пять лет в Челябинском политехническом институте. Можно сказать, прыгнул в высшую школу с беговой дорожки. Это были замечательные вузы со славной историей, научными и образовательными традициями. А вот университета в области не было. И мне предлагалось

В. Н. Севастьянов: В работе с людьми нельзя торопиться

Беседовала
Анастасия
Гусенкова

Из всех проректорских должностей кресло проректора ЧелГУ по общим вопросам подходило ему больше всего. Потому что задачи, которые решал Василий Николаевич Севастьянов, действительно были настолько «общими», обширными, что этот опыт позволяет ему и сегодня видеть вуз как на ладонке и даже прогнозировать его будущее. Эксперт в области социально-образовательной политики, доступности высшего образования, международных связей, довузовского образования и продвижения имиджа ЧелГУ рассказывает о том, как все начиналось и почему сегодня время спрессовалось в точку.

использовать уже полученный опыт для создания чего-то совершенно нового.

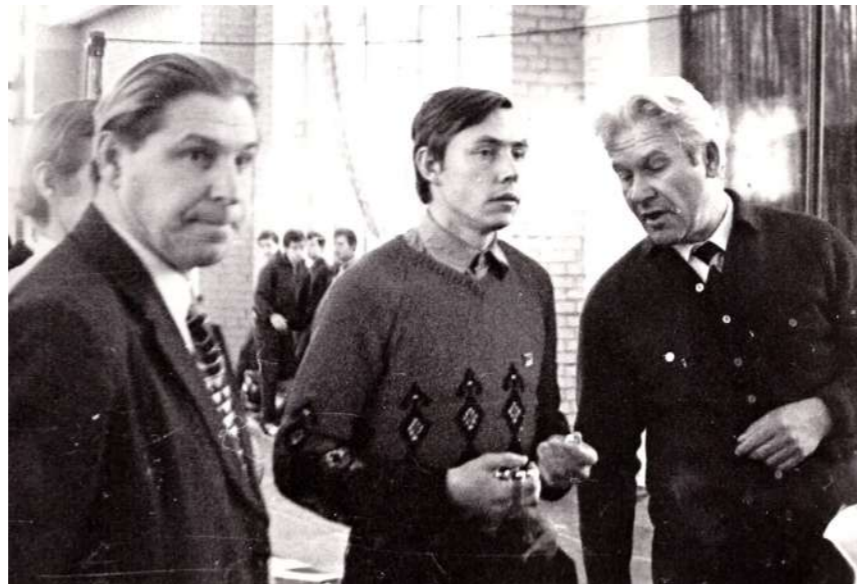
— **Вы возглавили спортивное направление?**

— Да. ЧПИ был тогда одним из лучших в стране, в этом деле в частности, а я имел вузовский опыт, был достаточно известен в спортивных кругах и четко понимал, как важно университету иметь хорошо структурированную спортивную подготовку молодежи. То, что это развивает студентов, было понятно сразу, а вот то, что спорт может привлечь абитуриентов, мы поняли позднее и тут же начали использовать этот момент в продвижении нашего ЧелГУ.

Первый ректор Семен Егорович Матушкин сделал очень большое дело — собрал сильный коллектив, заложил кадровый потенциал, платформу будущего университета. Одной из наших задач стало популяризировать его имеющимися возможностями.

Мы участвовали во всех соревнованиях, включая всероссийские, во всех массовых мероприятиях, показывали себя. А попутно закидывали удочки, что учиться нужно только у нас. Пример. Совместно с институтом физкультуры проводили лыжные пробеги, тогда это был популярный формат. И, должен вам сказать, это не «Лыжня России», маршруты были из серии Златоуст — Сатка, при этом температуры могли быть довольно низкими. И вот бежит большая команда, во главе которой — Александр Павлович Яловец и Валерий Викторович Янчик, а за ней едет автобус. В городах, лежащих на маршруте, пробег обязательно встречали — такая была традиция. Хорошо принимали, устраивали митинги и встречи в центральных ДК. На этих встречах мы рассказывали, что такое наш университет, о наших направлениях. А потом запускали наших очаровательных творческих студентов — тех самых, которые ехали в автобусе. Хотя и среди спортсменов было немало артистов. Публика довольна, мы тоже себе пометочку делали, какой город «взят».

Ездил я и на встречи с производственными коллективами области, выступал в учебных заведениях, рассказывал о ЧелГУ, о популярной тогда Московской Олимпиаде как точке входа в вуз. Интерес к высше-

В. Н. Севастьянов (в центре) со знаменитыми тренерами Н. И. Голубенковым и Г. Д. Решем, Челябинский политехнический институт

му образованию и нашему университету, в частности, тогда был высочайший. А потом он начал падать.

— **Почему?**

— В первую очередь, это связано с изменениями, происходившими в стране. Это конец 80-х — начало 90-х. Высшее образование было не в приоритете, надо было выживать. Надежды, которые возлагались в 70-е годы на будущее университета, договоренности — в беседах, документах — все рушилось. Государство пыталось снять с тебя ответственность и заботу о высшей школе. Пример: в 1993 году исполнение бюджета по этой строке было 75,5%, а в декабре 1995 года средств на зарплату было выделено около 30%. Первый учебный корпус, который предполагался физико-математическим, должны были сдать до 1981 года. Срок отчаянно сдвигался. Подлинное университетское образование стали смешивать с инженерным, педагогическим и т. д. Что ни день, то новый университет открывался. А настоящая университетская наука по преимуществу фундаментальная. Положение для нас складывалось критическое. Кроме того, в ЧелГУ тогда было ограниченное количество специальностей, а надо было уже разворачиваться на конкретные потребности региона, расширяться, решать новые задачи. Мы стали терять привлекательность.

И социальные обязательства выполнить при крайне скудном ресурсе удавалось с большим трудом. Однако продолжали исправно работать студенческие столовые, спортивно-оздоровительный лагерь, подразделения культурно-воспитательной и спортивной работы, профилакторий, в то время как ЧПИ, например, свой закрыл.

— **Как удалось переломить ситуацию?**

— Это произошло, когда я, будучи секретарем парткома, вошел в команду ректора Валентина Дмитриевича Батухтина. Мы сразу решили, что нам необходим агрессивный менеджмент. Цель была придать университету динамику структурную, кадровую, экономическую, освобождаясь от имитации активности, вакуума в воспитательной работе. Нужно было выводить вуз на новый виток, развернуть элиту города и области к интересам университета. Стали активно работать со всеми организациями, ведомствами, предприятиями, бизнесом. Начали продвигать вуз через партийные каналы: собрания, конференции, которые хорошо освещались в СМИ. Старались по максимуму включать в заседания выступления Валентина Дмитриевича, несмотря на жесткий регламент. У университета всегда был большой друг — Борис Николаевич Киршин, который оказывал неоценимую

помощь, будучи главным редактором самой читаемой в регионе газеты — «Челябинского рабочего». К тому же он имел большой вес, мог войти к губернатору по звонку. Это помогало решать сложные проблемы. Со временем он возглавил попечительский совет ЧелГУ, а в 2000-х стал деканом открывшегося факультета журналистики. В конце концов нас поддержала местная власть, понимая дефицит в Челябинской области, например, юристов, которых обучали тогда только в Екатеринбурге. С юристов и начали. А потом пошли другие направления: экономика, экология... И мы продвинули вуз очень серьезно. К тому же в начале 90-х стали заниматься инклюзивным образованием, взяв на себя подготовку инвалидов. Все это вместе добавило популярности ЧелГУ, в 90-е годы у нас был самый высокий рейтинг среди вузов региона.

— **В открытии каких направлений сомневались?**

— Те же юриспруденция и журналистика, например. Специалистов в этих сферах много лет с успехом готовил Екатеринбург. Свердловчане все предпринимали, чтобы удержать свою монополию. Был еще МГУ, куда также поступали южноуральские ребята. Но фактически, открыв эти специальности, мы подали пример другим вузам.

Проректор по учебной работе С. В. Матвеев, проректор по заочному образованию В. Н. Севастьянов, ректор В. Д. Батухтин, 1990-е годы

Василий Николаевич Севастьянов, доцент, сотрудник Ресурсного учебно-методического центра по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. С 1977 по 1988 год заведовал кафедрой физического воспитания и спорта ЧелГУ. В 1988 году был избран на должность секретаря партийного комитета университета. С 1990 по 2012 год входил в руководящий состав вуза (проректор по учебной работе, проректор по заочному образованию, проректор по организационно-административной работе и связям с общественностью, проректор по общим вопросам). Почетный работник высшего образования РФ, лауреат Национальной премии в сфере связей с общественностью «Серебряный лучник». Четырежды отмечен почетной грамотой губернатора Челябинской области. Награжден почетным знаком ДСО «Буревестник», медалью Министерства внутренних дел России «200 лет МВД России», медалью «100 лет профсоюзам России», нагрудным знаком ЧелГУ «За заслуги».

— **Маленький уральский университет бился за хлеб Екатеринбурга и Москвы. О чем это говорит?**

— О наших амбициях, естественно. Екатеринбург заслуженно считался научно-образовательным центром Урала. Но мы сделали ставку на уже наработанные связи, нашу энергичность и преподавателей с именем, которых стали активно приглашать из других городов.

— **Почему они ехали к нам?**

— Мы использовали известные приемы: социальная поддержка, жилье, заработная плата, новые возможности. Карьеры некоторых из них уже были на излете, а здесь

преподаватели обрели второе дыхание. И эти люди нас подняли. Вместе с уже существующим коллективом, конечно же.

— **Почему вуз сменил аббревиатуру с ЧГУ на ЧелГУ?**

— А это не мы, это Министерство высшего и среднего специального образования наводило порядок в своем хозяйстве в 80-х годах. К определенному времени насчитывалось уже несколько ЧГУ по всей стране.

— **А как появилась знаменитая «улитка», «ракушка» — логотип университета?**

— В 1990 году ректор В. Д. Батухтин съездил в США, после чего стал одним из учредителей Европейской сети доступности. После этого визита Валентин Дмитриевич привлек университет к выполнению программы Европейской комиссии «Темпус-Тасис» наряду с вузами Европы. Мы стали работать в двух направлениях. Во-первых, занялись доступностью высшего образования. Возможность поступить в ЧелГУ должен был иметь каждый талантливый ребенок, где бы он ни жил и кем бы он ни был.

В 1992 году для решения этих вопросов мы создали факультет непрерывного образования, который возглавила Татьяна Александровна Верещагина. Началось формирование отделения студентов-инвалидов. Наиболее крупные, прорывные идеи рождались и реализовывались факультетом, а затем институтом проблем доступности высшего образования под руководством Елены Александровны Мартыновой с центром

Проректор А. Д. Щербов, археолог Б. Г. Зданович и В. Н. Севастьянов в музее ЧелГУ

профессиональной и социальной реабилитации лиц с ОВЗ (руководитель — Юлия Николаевна Мануйлова).

В дальнейшем работа с особенными студентами была выведена на новый уровень региональным центром образования инвалидов, который сегодня расширил полномочия и стал ресурсным учебно-методическим центром по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ, возглавляется он по-прежнему Дарьей Феликсовной Романенковой. Удивительные люди работают и работают в системе доступности высшего образования. Они пережили 90-е годы, выполнили колоссальный объем организаторской и научной работы, требующей серьезных человеческих и профессиональных качеств.

А во-вторых, мы поняли, что должны быть современными, и начали разрабатывать фирменный стиль ЧелГУ. Поняли, что это важно — выделиться на фоне остальных. И стали первыми в области с этими идеями. Руководителем этого направления можно назвать проректора Александра Дмитриевича Щербова. Он проявлял талант в вопросах позиционирования. Проработку нашего логотипа он заказал одной из первых челябинских рекламных фирм, она называлась «Лико». К сожалению, я не помню фамилию этой талантливой девочки, которая работала над проектом. А вот запатентовал наш знак тогдашний начальник управления по связям с общественностью Дмитрий Евгеньевич

Филиппов, тогда это было очень важно.

— Можно ли сравнить участие Валентина Дмитриевича Батухтина в партийной работе с депутатской деятельностью других наших ректоров? Цели соизмеримы?

— Ничего не изменилось. Я и сам был депутатом Калининского района Челябинска, понимаю, о чем говорю. Без политической поддержки невозможна реализация любого крупного проекта. Важны личные качества депутата из вуза, его цель: продвижение и развитие университета, публичная работа с населением и решение его проблем или личные дела и амбиции.

— Какие события в университете вы считаете ключевыми, повлиявшими на его дальнейшее развитие?

— В глобальном смысле — все, что связано с началом вуза. Это Постановление Совета Министров СССР № 690 от 3 сентября 1974 года, в котором принципиально был решен вопрос об открытии Челябинского государственного университета. Назначение Александра Арсентьевича Голикова организатором вуза. Торжественное открытие ЧелГУ 4 октября 1976 года, которое проводил Семен Егорович Матушкин. Ну и наш первый выпуск, который состоялся в 1981 году. А вообще, вы же понимаете, было очень много всего. Как сегодня возможно оценить тот самый «эффект бабочки», когда незначитель-

ное, казалось бы, действие ведет к серьезному повороту?

Было в нашей истории одно событие, возможно, неочевидное, на первый взгляд, но важное. Поясню, почему считаю его ключевым. К сожалению, в негативном смысле.

Было письмо 1987 года, которое один наш преподаватель отправил в газету «Правда», где он критиковал университет от фундамента до крыши. Финансовую политику, учебные планы, возраст поступающих, даже мебель в аудиториях. Как вариант, предлагал реформировать ЧелГУ в педагогический институт. Вы не представляете себе, что означал этот жест в те времена. Подключился обком КПСС, в вузе началась проверка. И несмотря на то, что нарушений она не выявила, за ней последовала жесткая отставка ректора С. Е. Матушкина. Это была подлость, но этот человек не понимал, что сделал: ситуацией просто воспользовались молодые партийные чиновники, которые осознали, насколько университет стал привлекательным активом. Но самое главное: кроме прервавшегося пути первого ректора, этот поступок заложил губительную традицию в наш еще не оформившийся, незрелый коллектив. Оказалось, что так поступать было можно. И мы стали заложниками этой традиции. И наступаем на те же грабли время от времени до сих пор. До сих пор у нас отсутствуют контакт между первыми руководителями и цивилизованная передача дел, преемственность власти. Со своими проблемами мы сразу идем «в газету».

— Какие основные периоды истории университета вы можете выделить в принципе?

— Как я уже сказал, подготовка университета к открытию Александром Арсентьевичем Голиковым. Далее — период руководства Семеном Егоровичем Матушкиным. Прорывная деятельность Валентина Дмитриевича Батухтина. Следующие 15 лет — взросление вуза. И тот период, который начался сейчас, который открыл ректор Сергей Валерьевич Таскаев, когда появилась надежда на строительство полноценного кампуса — храма науки, как звучит в нашем гимне. В ближайшие три-четыре года в планах ректората ЧелГУ — завершение строительства и запуск

современного студенческого кампуса. В успешной реализации этого проекта не сомневаюсь: подключились очень серьезные правительственные, региональные, коммерческие силы, выполняется очень большой объем работы самим ректоратом. У нас появляется перспектива резко нарастить возможности в научной, учебной, международной, финансовой, социальной деятельности.

Сегодня вузу необходима автономия, и главное в том, чтобы разумно воспользоваться предоставленными правами и достойно войти в свой 50-летний юбилей. Я уверен в огромной пользе и значимости этого рубежа для всех университетчиков.

Всегда есть сомневающиеся. А правильно ли было выбрано направление развития? Есть стабильность — и хорошо! Много проблем необходимо решать, зачем? Однако альтернативы развития вуза, его учебно-лабораторной базы без этого строительства нет.

Напротив, мы отстанем в дальнейшем повышении уровня подготовки студентов, поддержки научных разработок, карьерного роста сотрудников университета.

Отмечу, что во время перехода в новую фазу ЧелГУ кадровый вопрос выдвигается на передний план. Время спрессовано, уже сегодня с учетом перспективы надо думать о подготовке и закреплении талантливых выпускников, преподавателей и сотрудников.

Отмечу исключительную важность работы со студенческой молодежью, посвященной бережному сохранению памяти людей, создавших первый университет на Южном Урале, его факультеты, кафедры, различные подразделения. Нужно рассказывать им об успешных выпускниках, донести до каждого перспективные идеи для вуза. Мы должны стремиться к тому, чтобы наши действия в подготовке к 50-летию показали, что коллектив един в главном: в желании на деле способствовать дальнейшему раз-

витию ЧелГУ на новом этапе, и чтобы каждый с гордостью говорил: «Это наш университет!»

— Кроме задействованного в кампусном проекте головного вуза есть еще филиалы, которые необходимо сохранить. Как удалось вывести их на конкурентный уровень? По какому принципу выбирались населенные пункты, где открывались филиалы и представительства ЧелГУ?

— Идея была простая. Троицк должен был закрыть юг, Миасс — запад, а Костанай должен был стать флагманом нашей евразийской интеграции. Мы быстро поняли, что оттуда идет хороший поток абитуриентов. Я просто Бога молю, чтобы люди, которые организовали наши филиалы, отдали им свое здоровье, оставались с нами подольше. Мы создали им первичные условия: оставили в фондах деньги, которые они зарабатывали, хотя сами в Челябинске испытывали дефицит. Очень плотно работали

В. Н. Севастьянов, В. А. Михайлов, Р. П. Чапцов, В. Д. Батухтин, К. А. Дергобузов, В. М. Чернов. Лыжный забег около первого корпуса ЧелГУ, 1980-е годы

с администрациями городов, пустили там корни по полной. Со временем главы стали нашими друзьями. Второе — это наш коллектив, замечательные преподаватели, которых мы направляли туда, чтобы обозначить высокий уровень нашей подготовки, который эти города еще не видели. Потом появились представительства, которые разрослись в сеть. Это и есть та самая доступность образования. И вместе с тем все взаимовыгодно для вуза и территорий.

— В свое время эта доступность была важна и для вас, вы ведь родились в деревне в Калининской области. Почему местом учебы выбрали Челябинский педагогический институт?

— Мой отец после войны был председателем колхоза, мама имела бухгалтерское образование — успела окончить техникум. Донос на родителей многое определил. Дело в том, что наша бабушка Мария Ниловна Севастьянова крестила нас. Она отправила на фронт шесть сыновей: трое погибли, трое

вернулись инвалидами. Среди погибших был мой дядя Алексей Тихонович, совершивший 5 ноября 1941 года первый ночной таран в ленинградском небе, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ни с чем этим не хотели считаться, время было жесткое. Родителей исключили из партии, и в 1953 году они приняли решение уехать в Челябинск вместе с детьми, у меня было три брата — Юрий, Михаил, Геннадий.

Детство мое — послевоенное, родители работали с утра до ночи, воспитывала многонациональная улица. В нашей школе половина учителей были фронтовиками. В вуз поступить было очень тяжело, но нужен был жизненный лифт. Я всю жизнь мечтал стать врачом. Но уже в школе стал чемпионом области, выступал за разные сборные. И тренер посоветовал идти в педагогический на спортфак. Пошел, надеясь после окончания уехать в Тарту и переучиться на спортивного врача — были такие возможности. Даже отказался по-

ступать в аспирантуру ради этого. Ничего реализовать не удалось... Набор в педвуз был маленький, и конкурс по спорту — сумасшедший. Несмотря на высокие спортивные нагрузки, мы действительно учились. С нами работали знаменитые педагоги, серьезные практики, в том числе будущие ЧелГУшники Михаил Евгеньевич Дуранов и Семен Егорович Матушкин. Я думаю, родители довольны нами. Старший брат был директором Златоустовской лыжной спортивной школы, где обучались олимпийцы. Еще один — наша звездочка, в 1965 году он поступил в политех на элитарный тогда факультет «Двигатели, приборы и автоматы». А у младшего были склонности к журналистике.

— Вся первая команда вуза, преподаватели и административное звено, пронесла сквозь многие годы любовь и лояльность к нему. Как воспитать эти чувства (то, что мы называем корпоративной культурой) в сотрудниках университета?

Ректорат 2000-х годов: Ю. М. Ковалев, А. Д. Щербов, А. Ю. Шумаков, А. Н. Угланов, В. Д. Батухтин, В. Н. Севастьянов, А. Ю. Шатин

А. В. Куренкова, В. Н. Севастьянов, М. В. Загидуллина, А. Е. Гусенкова, Д. А. Циринг. Презентация книги «Челябинский государственный университет: 40 лет с регионом», 2016 год

— Они здесь выросли, получили самостоятельность, остепенились во всех смыслах, сработались в коллектив, стали на крыло. ЧелГУ — это их жизнь, дом, дело, ребенок. К тому же они поймали общее настроение, кайф университетского духа. Все строили вуз, не считаясь со временем, отдыхали тоже вместе. Прагматизм в них, конечно, тоже присутствовал, всякие были люди, но основная масса преподавателей и студентов остались с вузом навсегда. И я остался. Я человек не без амбиций, но абсолютно командный игрок. К тому же тот факт, что я изначально не из академической среды, облегчал задачу установления контактов со студентами, преподавателями и сотрудниками, со мной им было проще. И я прикипал и к людям, и к университетским проблемам. Никогда не забу-

ду случай, как конфликт студентов с одним из наших ректоров вышел за пределы вуза. Ситуация была патовая, ректор предложил мне возглавить комиссию по переговорам. Вместе с Виктором Федоровичем Горшениным мы вышли из положения, сохранив лицо ректората и представителей студентов. Вся наша работа в комиссии строилась на доверии и взаимном уважении. На мой взгляд, такой принцип должен лежать в основе отношений в университете. На этом и строится любая корпоративная культура. В этом же контексте, кстати, очень важно сохранять память первого руководства вуза, его замечательных профессоров. Без прошлого нет будущего и нет любви.

— Были ошибки в работе, о которых до сих пор жалеете?

— Конечно. Вузы России недополучали от государства должного внимания и финансирования. Иногда приходилось рисковать, принимать нестандартные решения. Иногда не хватало выдержки, терпения, проверенной информации, да и опыта в работе с преподавателями, сотрудниками, студентами было маловато. В работе с людьми нельзя торопиться. Больше скажу — и ценить в своей жизни нужно каждого: и достойного человека, и того, которого мы по какой-то причине посчитали плохим. Слышали цитату актера Уилла Смита? Ее довольно сильно растиражировали: «Хорошие люди принесут вам счастье, плохие наградят вас опытом, худшие дадут урок, а лучшие подарят воспоминания. Цените каждого». Я с ним согласен.

Занятия у физиков, слева — С. Саунина

Отдел технических средств обучения. Занятие проводит старший научный сотрудник кафедры педагогики и психологии В. В. Белич

У

вас очень насыщенная профессиональная биография. Это значит, что вы рано ощутили свое призвание?

— Совсем нет, только в 2004 году, когда перевелся в ЧелГУ, учась уже на пятом курсе Магнитогорского государственного университета (МаГУ). Вообще я родом из Белорецка (Республика Башкортостан), это недалеко от Магнитогорска. После школы подавал документы в два университета: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова и МаГУ. В итоге поступил в МаГУ на физико-математический факультет, специальность — учитель физики и экологии. Изначально результаты меня не слишком порадовали, потому что быть учителем физики в школе — это было не совсем то, чего я в то время хотел. Но судьба сделала поворот, когда профессора ЧелГУ Василий Дмитриевич Бучельников и Евгений Анатольевич Беленков приехали в МаГУ с курсом лекций.

Неожиданно мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться, — перевестись в ЧелГУ. Так я оказался на четвертом курсе физического факультета ЧелГУ. Жить стал в общежитии с аспирантами, и во многом новый круг общения сыграл свою роль. Получил диплом бакалавра, затем магистра, поступил в аспирантуру. Тему магнитокалорического эффекта в сплавах, которой занимаюсь по сей день, выбрал на этапе подготовки магистерской диссертации. Так что мое научное самоопределение связано с ЧелГУ и с именем моего наставника профессора Бучельникова. С тех пор как я пришел к нему на кафедру, прошло 18 лет. За это время он стал мне практически вторым отцом.

В. В. Соколовский: Нельзя ограничивать себя в постановке задач

Беседовала
Наталья Чанова

С профессором кафедры физики конденсированного состояния ЧелГУ Владимиром Владимировичем Соколовским поговорили о сложностях самоопределения, мотивации к исследованиям и о том, какво это — находиться на передовой науки в региональном вузе.

— А если говорить о школьных годах, кто оказал на вас влияние в увлечении физикой?

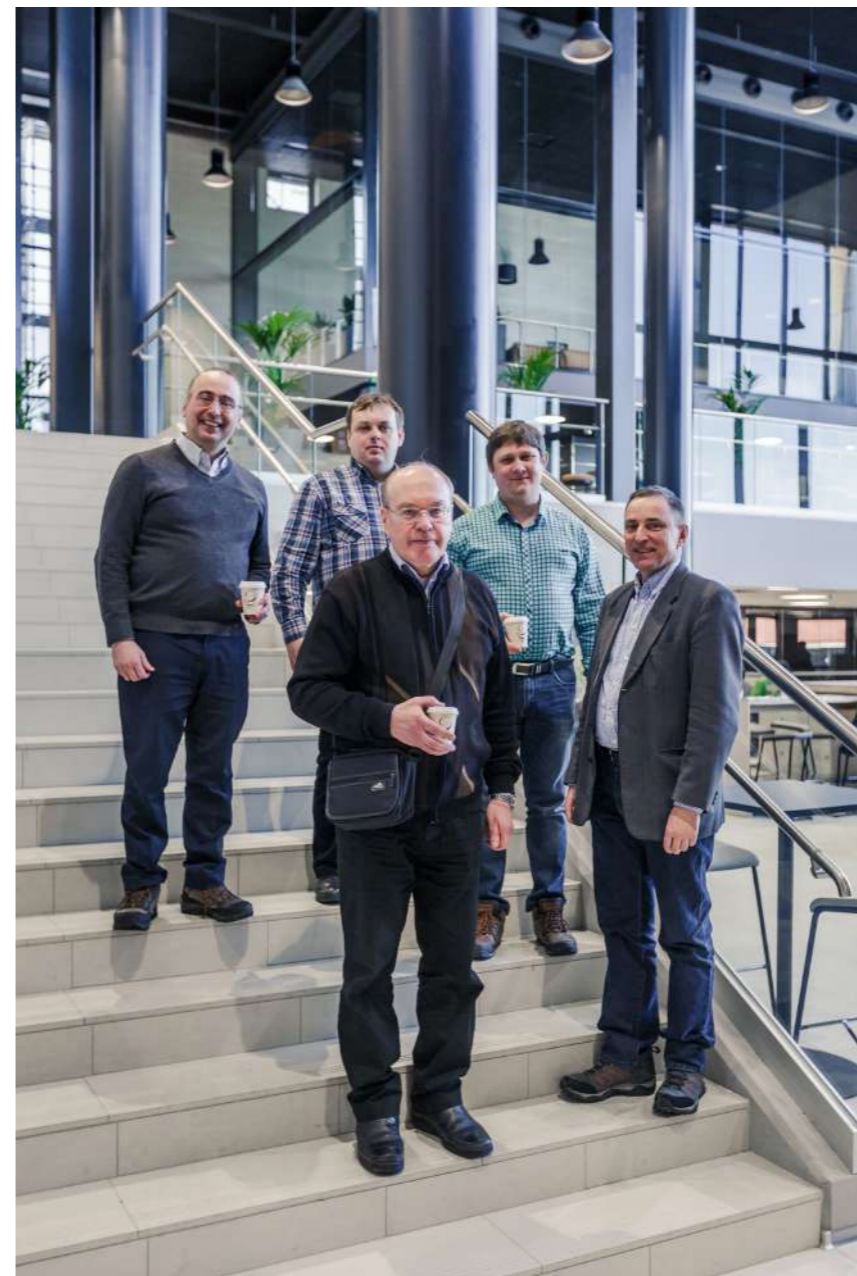
— У нас была хорошая школа, я очень благодарен своим учителям, которые привили мне тягу к знаниям. Но мои родители оба инженеры, поэтому интерес к точным наукам заложили именно в семье. В детстве я хотел пойти по стопам отца, намереваясь поступить в военное училище, которое он окончил. Но не прошел медкомиссию. Тогда это воспринималось

как неудача, а на самом деле все было к лучшему.

— Вы стали доктором наук в 32 года. Это рекорд для Челябинской области. Как относитесь к этому факту?

— Никаких особенных эмоций по этому поводу не испытываю. Знаю примеры, когда докторскую защищали и в более молодом возрасте. Например, моя коллега из Уфы стала доктором физико-математических наук в 29 лет.

Лаппеэнрантский технологический университет, Финляндия. Слева направо, верхний ряд: Б. Барбиеллини, М. А. Загребин, В. В. Соколовский; нижний ряд: В. Д. Бучельников, Э. Ляхдеранта, 2018 год

— Вы одновременно научный сотрудник кафедры функциональных наносистем и высокотемпературных материалов НИТУ МИСИС и профессор кафедры физики конденсированного состояния ЧелГУ. Как это произошло?

— Эта история началась, когда в МИСИС ввели позицию постдоков как пилотный проект. Вообще эта практика, когда временную ставку на короткий срок занимает молодой ученый из другого вуза, давно принята на Западе. Я прошел по конкурсу, успешно отработал свой срок по договору, став чуть ли не первым постдоком в России, но получилось так, что я продолжаю сотрудничать с МИСИС (научно-образовательный центр энергоэффективности под руководством доктора физико-математических наук В. В. Ховайло) уже почти 10 лет.

— В Германии вы тоже работали как приглашенный научный сотрудник?

— Да. Мое сотрудничество с Университетом Дуйсбурга — Эссена началось в 2009 году, когда я уехал на полгода в Германию на стажировку по проекту DAAD, будучи аспирантом. Получил бесценный опыт и по возвращении на родину защитил кандидатскую диссертацию. А уже потом неоднократно приезжал в этот университет в качестве приглашенного научного сотрудника, постдока. Часть идей, которые затем вошли в мою докторскую диссертацию, возникли благодаря помощи профессора Питера Энтеля. Я очень признателен и благодарен ему за оказанную помощь как в научном, так и в бытовом плане во время неоднократных, коротких и длительных, визитов в университет Дуйсбурга, а также за продуктивную критику, вопросы и обсуждения научных проблем на салфетках за чашкой кофе, во многом определившие идеологию представленных в диссертации исследований. Его, к сожалению, уже нет с нами.

— Расскажите немного о ваших учениках.

— Мне везет на учеников! Например, Ольга Мирошкина успешно защитила кандидатскую и выиграла позицию постдока в Университете Дуйсбурга на три года под

Государственный университет Боулинг-Грин, США. Слева направо: Ю. А. Соколовская, В. Д. Бучельников, М. А. Загребин, А. Т. Заяк, В. В. Соколовский, 2016 год

руководством моего коллеги доктора Маркуса Грюнера. Работает там уже два года. Данил Байгутлин, аспирант третьего года обучения, работает у нас на кафедре, и только за последний год мы с ним вместе побывали на четырех международных конференциях, в том числе за рубежом. Не сомневаюсь, что его ждет большое будущее в науке. Данил делает прекрасные доклады, в том числе на английском языке. Успел несколько месяцев поработать в Лаппеэнрантском технологическом университете под руководством профессора Барнардо Барбиеллини в Финляндии, но с приходом коронавируса сотрудничество пришлось приостановить. Конечно, аспиранты бывают разные. Бывает и так: защитился человек и пропал для науки — уходит работать, иногда даже и не по специальности. Но самые стойкие остаются и продолжают развивать наше направление.

Вообще в ЧелГУ много сильных физиков и среди студентов. Главное для них — не потерять интерес к учебе и исследованиям. К сожалению, есть талантливые ребята, которые растрчивают свой потенциал к четвертому курсу.

— Вы занимаетесь сплавами с магнитокалорическим эффектом. Чем увлекла эта тема?

— Используя технологию магнитного охлаждения, можно создать принципиально новую холодильную систему, которая отличается от привычных нам бытовых холодильников, работающих на фреоне. По всем подсчетам, у нового рефрижератора будет больший КПД, меньшие энергозатраты; к тому же он экологичный, не содержит веществ, разрушающих озоновый слой, а также парниковых, опасных или токсичных газов. В основе магнитного охлаждения лежит магнитокалорический эффект. В 2000-е годы начался бурный

рост интереса к нашей тематике, даже появились первые прототипы принципиально новых холодильных машин. Но, чтобы выйти на рынок, нужно уменьшить себестоимость. Пока наилучший эффект показывает гадолиний, но этот материал очень дорогой. Есть и другие сложности. Например, хороший охлаждающий эффект может показать слишком хрупкий материал или эффект деградирует при циклическом воздействии магнитного поля. Вот мы и моделируем эти эффекты, изучая разные сплавы. Наша цель — прогнозирование сплава, обладающего наилучшим магнитокалорическим эффектом при комнатной температуре. В результате могут быть созданы не только холодильники, но и другие приборы, отводящие тепло, например, тепловые насосы. Кроме этого, магнитное охлаждение представляет интерес в новой перспективной технологии сжижения газов с целью хранения и транспортировки.

— Для вас важна практическая значимость научной работы?
 — Да, хорошо, если она есть в перспективе. Поскольку большая часть наших исследований касается квантово-механических расчетов, они проводятся для температуры абсолютного нуля. А вот чтобы выйти на реальные температуры, нужны более сложные модели. Тем не менее вопрос практической значимости возникает на каждой защите — от дипломной работы до диссертации. Но на практическую значимость конкретной работы выйти всегда непросто. Всегда радуюсь, когда наш прогноз подтверждается экспериментально. Вот в одной из работ мы показали, что добавление меди в сплав Ni-Mn-In при определенной температуре приведет к увеличению магнитокалорического эффекта. А через год ко мне на конференции подходят физики из Турции, которые, прочитав мою статью, синтезировали такой сплав и констатировали, что эффект подтвердился.

— Что вас мотивирует как ученого?
 — И меня, и моих коллег хорошо мотивируют гранты. Грантовая поддержка позволяет заниматься наукой и не думать, где заработать. Кроме того, каждый грант требует определенного количества

статей, а это стимул к работе. Есть гранты, которые дают достойную прибавку к зарплате, позволяют ездить в командировки, участвовать в конференциях разного уровня. Наконец, гранты дают нам возможность покупки оборудования. Например, вычислительный кластер ЧелГУ, на котором мы делаем расчеты, модернизируется на протяжении 10 лет именно благодаря грантам. Все это стимулирует исследования. Уверен, что грантовая поддержка необходима прежде всего для начинающих ученых. Да, получить грант РФ молодому ученому сложно, но стоит начать с вузовских и региональных грантов. Плоды потом обязательно будут. Я пять лет являюсь экспертом Российского научного фонда, рецензирую заявки, поэтому знаю, насколько там четкие и строгие критерии отбора.

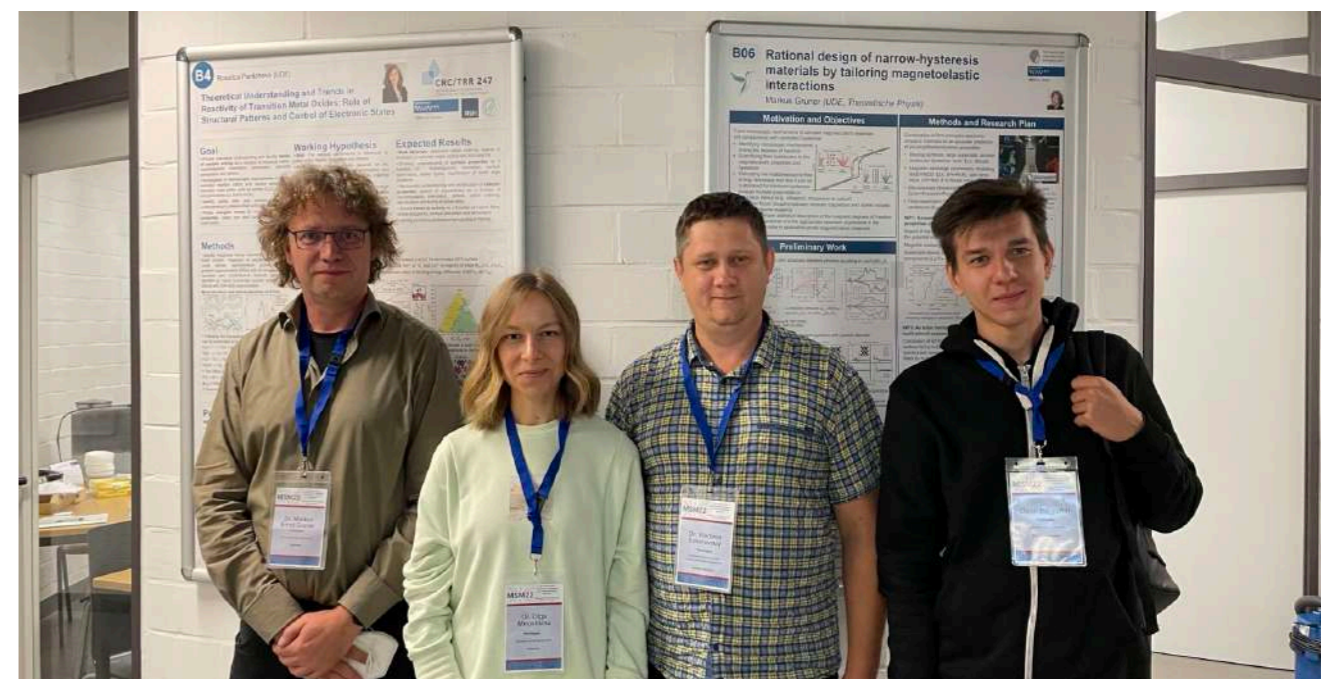
— Что для вас значит принадлежность к научной школе Василия Дмитриевича Бучельникова?

— Это большая ответственность. По-моему, все наши достижения базируются прежде всего на заслугах лидера — В. Д. Бучельникова, ученого, который имеет мировую известность. Ценят нас за наши подходы к исследованиям. Например, мы первы-

Владимир Владимирович Соколовский, доктор физико-математических наук, профессор. Ведущий эксперт научного проекта в подразделении НОЦ энергоэффективности, кафедра функциональных наносистем и высокотемпературных материалов НИТУ МИСИС. Автор более 160 научных публикаций в международных реферативных библиографических базах данных научного цитирования Web of Science и Scopus. Победитель 12 грантовых конкурсов (гранты губернатора Челябинской области, президента РФ, РФФИ, РНФ).

ми предложили микроскопический подход к описанию магнитокалорического эффекта в ферромагнитных сплавах с эффектом памяти формы, итогом чего стала регистрация программы, которая позволяет рассчитывать магнитокалорические свойства в сплавах Гейслера. До нас для моделирования использовались модели, основанные на простых приближениях. Наш подход включает в себя первопринципные расчеты свойств основного состояния в комбинации

Университет Дуйсбурга — Эссена, Германия. Слева направо: М. Грюнер, О. Н. Мирошкина, В. В. Соколовский, Д. Р. Байгутлин, 2022 год

День науки ЧелГУ в концертном зале им. С. С. Прокофьева. Слева направо: В. В. Соколовский, Р. И. Новикова, В. М. Чернов, О. Н. Мирошкина, И. В. Бычков, М. А. Загребин, 2020 год

с методами статистической физики, позволяющими спроектировать вычисленные свойства кристаллов при температуре 0 К на конечные температуры. Численное моделирование свойств исследуемых сплавов производится с помощью классического метода Монте-Карло с использованием реальных элементарных ячеек сплавов и модельных параметров, вычисленных из первых принципов. Приятно видеть, что наша модель находит свое развитие в трудах других ученых, которые публикуются в авторитетных научных журналах. На нас ссылаются, нас цитируют. Свою принадлежность к авторитетной научной школе особенно сильно осознаешь, когда работаешь за границей. К слову, я для себя таких вариантов, чтобы уехать из России навсегда, не рассматриваю, хотя заманчивые предложения делали. Остаюсь в ЧелГУ и ни о чем не жалею. Мне нравится наш университет своей неповторимой атмосферой, чувствую себя здесь как дома.

— **Вы член диссертационного совета в ЧелГУ. Как чувствуете себя в этой ипостаси и что дает эта деятельность?**
 — Наш совет по защите кандидатских и докторских диссертаций существует уже 20 лет. Быть в нем для меня большая честь. Я сам здесь в 2010 году защитил кандидатскую, в 2016-м — докторскую, а в 2018 году сам стал членом этого совета. Когда от нас ушел Евгений Анатольевич Беленков, а он был секретарем диссертационного совета, я некоторое время был исполняющим обязанности секретаря. За это время мои коллеги защитили четыре диссертации. Конечно, эта работа предоставляет бесценный опыт. В первую очередь она расширяет научный кругозор, ведь каждая диссертация заставляет погружаться в свою предметную область. Кроме того, эта деятельность часто определяет планы на коллаборацию. С некоторыми коллегами после такого знакомства на совете мы делали совместные исследования.

— **Работая в региональном вузе, вы ощущаете себя на передовой науки или все-таки чего-то не хватает?**
 — На физическом факультете ЧелГУ работает много отличных специалистов, в том числе с мировым именем. У каждой научной группы есть наработанные связи как с зарубежными, так и с отечественными партнерами, позволяющими проводить теоретические и экспериментальные исследования и публиковаться в высокорейтинговых журналах. Несмотря на постоянные вложения в модернизацию кластера ЧелГУ, для некоторых амбициозных задач мощностей недостаточно, но мы стараемся это преодолеть.

Встреча начальника НИС ЧелГУ В. С. Политова с физиками

Работа вычислительного центра ЧелГУ

Г

**алина
Александровна,
интерес к био-
логии у вас с дет-
ства, со школы?**

— Мое самоопределение, если говорить о школьных годах, во многом было связано с увлеченностью несколькими учебными предметами. Мне повезло и с организацией обучения, и с учителями: особенно меня привлекали литература, история, химия и биология. В старших классах сформировалась мечта стать ученым. В 10-м классе в нашу школу пришла новая, очень талантливая преподаватель биологии, и я вдруг поняла, что мне очень интересен этот предмет, особенно привлекали экспериментальные исследования для получения новых знаний в этой области. Именно тогда я определилась с выбором профессии — биолог!

— Почему у вас появилось желание поехать в Свердловск для поступления на биологический факультет в Уральский государственный университет имени А. М. Горького?

— В этом сыграла роль моя установка заниматься только научно-исследовательской деятельностью. В Челябинске в то время были замечательные вузы. Но я сразу сказала родителям, что ни в медицинский, ни в педагогический не пойду. Не хочу заниматься врачебной или преподавательской работой. Только наука! В то время распределение в научные учреждения было практически гарантировано именно после окончания университетов, и в 1974 году я решила поступать на биологический факультет в Уральский государственный университет в Свердловске. Подготовилась к поступлению тщательно, не учла только одного — сдавать надо было, помимо биологии, химии

Г. А. Тряпицына: Мы должны защитить природу и человека от радиации

Беседовала
Наталья Чанова

В юности Галина Александровна Тряпицына категорически не хотела работать с людьми, особенно преподавать. Но судьба распорядилась иначе. Говорим с профессором кафедры радиационной биологии ЧелГУ о жизни на рубеже эпох, о безопасности атомной энергии и о прелестьях исследований на закрытых территориях.

и сочинения по литературе, не физику (как в других вузах), а математику, которая не относилась к моим любимым предметам. Но меня это не остановило — месяц усиленно занималась математикой. В итоге на вступительных экзаменах математику сдала на четыре, а все остальные — на пять.

— Насколько извилист был ваш путь к науке?

— Наверное, жизненный путь в принципе мало у кого бывает простым. Например, я поставила цель заниматься только наукой, а работать довелось и в медицине, и в университете преподавателем. В прошлом столетии в мире и в нашей стране очень активно шло становление атомной промышленности. В 1940-х годах у нас на Южном Урале для производства оружейного плутония было создано производственное объединение «Маяк», работа которого, как известно, привела к загрязнению части территорий Уральского региона радионуклидами. В Челябинской области был создан ряд лабораторий для исследований влияния ионизирующего излучения на живые организмы. Одной из первых была создана так называемая «Лаборатория Б» — исследовательская биостанция, впоследствии получившая мировую известность. Одним из самых плодотворных сотрудников биофизического отдела «Лаборатории Б» был Н. В. Тимофеев-Ресовский (великий ученый-зоолог, генетик, биофизик, эколог, которого еще при жизни называли человеком-легендой).

С 1951 года в Челябинске был создан Уральский научно-практический центр радиационной медицины (УНПЦ РМ, ранее именовавшийся ФИБ-4 — филиал Института биофизики Минздрава СССР); были начаты медицинские обследования населения и дозиметрические измерения на местности. В те времена работа в качестве ученого физика или биолога была мечтой многих студентов, и я была в их числе. Меня очень увлекала радиобиология, поэтому я была просто счастлива, когда по окончании университета я была принята на работу в ФИБ-4. Это была именно та работа, о которой я мечтала со школы! В то время директором этого института был профессор, доктор медицинских наук Владимир Леонтьевич Шведов (после создания радиобиологической

кафедры он читал студентам лекции по радиобиологии).

Однако судьба женщин зачастую складывается иначе, чем у мужчин, потому что для нас важно находить время для семьи, заниматься детьми. Вот по этим причинам пришлось поменять работу: я перешла из ФИБ-4 и устроилась на работу врачом-цитологом в цитологическую лабораторию городской клинической больницы № 8. Задачей цитолога является анализ мазков-отпечатков, соскобов, биоптата и прочего под микроскопом с целью определить цитологический диагноз заболевания. Так что пришлось поработать несколько лет в медицине. Но не жалею об этом. Затем в моей жизни наступил новый этап: по направлению работы мужа мы выехали на два года за границу. Уехали мы в 1988 году из Советского Союза, а вернулись в 1991-м уже совершенно в другую страну. В то время было очень сложно с устройством на работу. Но все-таки в 1994 году меня приняли на работу в экспериментальный отдел УНПЦ РМ. Руководитель УНПЦ РМ тогда и в настоящее время — профессор, доктор медицинских наук Александр Васильевич Аклеев.

Как ни странно, но 1990-е годы мне запомнились не только как время со сложными бытовыми проблемами, но и как период очень интересной, насыщенной научно-исследовательской работы, интенсивного общения в научных российских и зарубежных обществах.

— Темы ваших кандидатской и докторской диссертаций связаны между собой?

Галина Александровна Тряпицына, доктор биологических наук, профессор. Включена в библиографический справочник «Видные отечественные ученые в области радиобиологии, радиационной медицины и безопасности». Член ученого совета ФГБОУ ВО «ЧелГУ». Ведущий научный сотрудник экспериментального отдела ФГБУН Уральского научно-практического центра радиационной медицины ФМБА России. Лектор программ международного обмена научных сотрудников и аспирантов. Автор более 150 научных публикаций, опубликованных в России и за рубежом в ведущих журналах, в том числе индексируемых в международных базах цитирования Web of Science и Scopus. Автор 2 монографий. Соавтор 4 патентов. Отмечена почетной грамотой Администрации города Челябинска (2011); почетной грамотой Министерства образования и науки Челябинской области (2016). Имеет благодарственное письмо ЧелГУ (2011), благодарность Минобрнауки России (2021).

— В принципе да. Перед УНПЦ РМ всегда ставились научные цели и задачи, посвященные медико-биологическим проблемами в области безопасности окружающей среды, человека и биологических систем. Экспериментальный отдел занимается исследованиями влияния ионизирующих и неионизирующих излучений на животных и растения. Моя кандидатская диссертация «Закономерности реакций гемопоэза и иммунитета у экспериментальных животных и их значение в развитии отдаленных эффектов хронического γ -облучения» по специальности «Физиология» была защищена в 2001 году в диссертационном совете при Челябинском государственном педагогическом университете. Защита докторской — «Реакции биоценозов водных экосистем на хроническое радиационное воздействие» — состоялась в 2011 году и уже в диссертационном совете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по специальности «Радиобиология». И в той и в другой работе речь шла об оценке влияния ионизирующих излучений на биологические системы. Кандидатская диссертация была посвящена изучению влияния хронического гамма-облучения на иммунитет и гемопоэз у животных, а также роли этих систем в индуцировании злокачественных новообразований и сокращении продолжительности жизни. Исследование выполнялось в 1990-х годах на мышах и крысах в экспериментальном отделе УНПЦ РМ. Докторская работа — о реакции гидробионтов на хроническое радиационное воздействие. Изуча-

11

Полевые работы со студентами на биостанции ЧелГУ

ли экосистемы специальных промышленных водоемов — хранилищ жидких радиоактивных отходов ПО «Маяк». С 2007 года перед экспериментальным отделом была поставлена задача по исследованию хронического радиационного воздействия на природные водные экосистемы. Работы были связаны с отбором проб рыбы, фитопланктона, зоопланктона, зообентоса в полевых условиях на закрытых радиоактивно загрязненных территориях Челябинской области. Затем эти пробы изучали в лабораториях УНПЦ РМ. Нужно отметить, что экспериментальные работы по радиобиологии невозможно выполнить в одиночку. Поэтому очень благодарна заведующему экспериментальным отделом профессору, доктору биологических наук Евгению Александровичу Пряжину, сотрудникам отдела и, конечно, руководителю

моей кандидатской диссертации и консультанту докторской диссертации профессору, доктору медицинских наук Александру Васильевичу Аклееву.

— Вас никогда не пугали командировки на закрытые территории?

— Нет, работа с радиацией меня никогда не пугала. Страх порой вредит человеку едва ли не больше, чем сама опасность. Несмотря на то что радиация всегда была где-то совсем рядом, никто из сотрудников УНПЦ РМ не пострадал. Причина банальна — здесь всегда неукоснительно выполнялись требования радиационной безопасности. К слову, мы с коллегами всегда с особым чувством ждали этих командировок, в том числе как уникальную возможность побыть на природе, где несколько десятков лет не живут люди. Сколько там рыбы, птиц, диких животных! А какая красота кругом!

— Наверняка вы не раз задумывались о проблеме безопасности. Какой принцип радиационной защиты человечества вам ближе — антропоцентрический или экоцентрический?

— Основной принцип радиационной защиты природы (антропоцентрический подход) сформулирован еще в 1970—80-е годы: если радиационными стандартами защищен человек, то в этих условиях защищена от действия ионизирующих излучений и окружающая среда. То есть если человек при определенном уровне радиации находится в безопасности, то за природу волноваться не стоит — она всегда находит способы обеспечить жизнь каких-либо видов. С другой стороны, стоит задуматься не только о выживании видов биоты, но и о качестве жизни. В настоящее время активно обсуждается другой, экоцентрический подход к радиационной защите

биосферы: «Защищенная от вредного действия ионизирующих излучений биосфера обеспечит радиационную безопасность и полноценную жизнеспособность человечества». Это направление связано с возросшей озабоченностью по поводу устойчивости окружающей среды, с необходимостью сохранения биологического разнообразия на планете. Я согласна с антропоцентрическим подходом, но, думаю, наверное, мечта каждого в том, чтобы на нашей планете была прекрасная среда обитания и, конечно, мир.

— **Начиная наш разговор, вы вспомнили о том, что в юности не хотели ни лечить, ни учить. Но вот уже более 20 лет преподаете в ЧелГУ...**

— Да, жизнь подчас вносит свои коррективы в наши планы. Мне пришлось поработать в медицине, а потом стать преподавателем радиобиологии в Челябинском государственном университете. Сегодня моя работа — это гармоничное совмещение двух ипостасей — профессора на кафедре радиационной биологии ЧелГУ и ведущего научного сотрудника в экспериментальном отделе УНПЦ РМ. Спустя годы хочется поблагодарить

профессора, доктора медицинских наук Александру Леонидовну Бурмистрову за идею создания и организацию в 1998 году биологического факультета ЧелГУ, а профессору, доктору медицинских наук Александру Васильевичу Аклееву сказать отдельное спасибо за создание нашей кафедры радиационной биологии, которую он возглавляет и сейчас.

При организации кафедры Александр Васильевич выбрал и убедил часть сотрудников УНПЦ РМ, и меня в том числе, начать совершенно новую главу жизни. Мы с энтузиазмом разрабатывали учебный процесс, планы, создавали методическую, лабораторную базу кафедры, учебно-методические программы, готовили лекции по дисциплинам...

А потом начались занятия со студентами. Было нелегко начинать, но преподавательская работа сразу же увлекла. Когда нужно излагать хорошо известные и привычные тебе, но пока не очень понятные студентам сведения, любимая наука начинает играть новыми красками. Процесс обучения оказывается крайне полезным для преподавателя — он стимулирует поиск новых знаний, расширяет кругозор и в целом отношение к области знаний.

Другой аспект работы преподавателя — это общение со студентами. Не могу сказать, что я сразу же полюбила преподавание (на это потребовалось время), но вот к студентам прикипела.

У нас на факультете удивительно теплая атмосфера, и даже спустя годы после окончания факультета выпускники приходят, чтобы поделиться своими успехами, планами, просто поговорить о жизни. Общение с молодежью заряжает энергией. Чего стоит только работа по подготовке выпускных квалификационных работ у бакалавров и магистрантов! Да и написание со студентами тезисов, статей для публикации или участия в грантах, в конференциях тоже очень полезный опыт и для студентов, и для меня.

Конечно, берет гордость, что за 20 лет на кафедре вырастили много талантливых специалистов, часть из которых пришли работать к нам на кафедру, защитили кандидатские диссертации. За 20 лет состав кафедры значительно поменялся. С начального и по сегодняшний день активно и с интересом продолжают работать заведующий кафедрой А. В. Аклеев, доцент С. А. Шалагинов и я.

Вручение наград Минобрнауки России сотрудникам ЧелГУ к его 45-летию, 2021 год

Экспериментальная работа в лаборатории кафедры радиационной биологии

На кафедре в настоящее время выполняют преподавательскую работу наши очень талантливые, замечательные выпускники: доценты, кандидаты наук Е. И. Пастухова, Ю. Р. Ахмадулина, Е. В. Стяжкина, Е. А. Блинова, Н. И. Атаманюк, В. С. Никифоров, Е. А. Козинцева. Очень приятным и радостным является сотрудничество с деканом нашего факультета Дарьей Сергеевной Шашкевич. В первые годы ее учебы на факультете Дарья Сергеевна очень активно и увлеченно участвовала в студенческих научных работах нашей кафедры. Перебирая архив, с удовольствием рассматриваю фотографии тех лет. Радует, что жизнь позволила совместить работу в УНПЦ РМ и ЧелГУ и это за годы деятельности сделало мои юношеские планы и мечты, что называется, шире, выше и счастливее.

— **Интерес к радиобиологии среди молодежи сейчас высок?**

— Это направление в науке, медицине, технике сегодня очень востребовано у молодежи. Подготовка специалистов в области радиобиологии — дело актуальное и нужное: вероятность радиоактивного загрязнения окружающей среды и связанное с этим возрастание радиационной нагрузки на среду обитания и людей еще никто не отменял. Кроме этого, в последнее время появляются новые радиационные технологии в медицине, науке, промышленности...

Отвечая на вызовы времени, мы обучаем по профилю бакалавриата («Биофизика» и «Генетика») и направлению магистратуры (магистерские программы «Радиационная биология» и «Генетика»). С 1999 года на базе кафедры работает аспирантура.

А если говорить о научной деятельности на нашей кафедре, изучаем отдаленные эффекты облучения у подвергшихся радиационному воз-

действию в результате инцидентов на ПО «Маяк»; проводим экспериментальные исследования действия радиации на биологические системы различного уровня организации. Студенты, аспиранты и сотрудники кафедры задействованы в иммунологических, молекулярно-биологических, цитогенетических, популяционно-генетических, физиологических исследованиях, в процессах экологического мониторинга с использованием современных методик и оборудования.

За годы работы кафедра выпустила более 300 специалистов. Выпускники работают в ведущих научных учреждениях России и за рубежом, в лабораториях медицинских учреждений, МВД, Роспотребнадзора, Росгидромета, промышленных предприятий, преподавателями в высших учебных заведениях, колледжах и школах. Приятно слышать о своих учениках хорошие отзывы!

Занятия ведет В. В. Родионов

Студент физического факультета В. Мокров сдает экзамен доценту В. Н. Гулявцеву

И

рина Михайловна, нечасто можно встретить людей, чьи имя и образ вызывают столь от-

четливые ассоциации с тем делом, которому они служат. В вашем случае происходит именно так. Кто открыл для вас мир литературы?

— Раньше об этом не думала, а сейчас интересно, что ведет человека по жизни. Делает он выбор сам или за него этот выбор делает жизнь? Какую роль он играет в своей судьбе? Попробую назвать главные для себя этапы. Школу окончила в 1957 году. Вуз — в 1962 году. Я человек второй половины XX века. Восемь лет преподавала русский язык, литературу и историю в старших классах. А с 1970 года и до сегодняшнего дня — в вузах Челябинска: институте культуры, Челябинском государственном университете, куда меня пригласили Александр Иванович Лазарев и Марк Иосифович Бент. В 1999 году мне предложили поработать по совместительству на лингвистическом факультете Южно-Уральского государственного университета, и 16 лет я вела там занятия по литературе изучаемого языка — английского.

Сколько разных поколений передо мной прошли за 60 лет работы! Интересно наблюдать, как с течением времени менялись молодые люди, которые приходили в вузы.

— О молодых обязательно поговорим. Но сначала давайте скажем о людях, повлиявших на вас.

— Ваш вопрос заставляет меня с благодарностью вспомнить тех, кто вел меня и в жизни, и в профессии. Конечно, прежде всего родители. Я выросла в атмосфере любви, доверия, уважения друг к другу. Говорят, что детство формирует самые главные черты человека. Мои родители не были филологами.

И. М. Удлер: Литература — и опора, и убежище, и спасение

Беседовал
Андрей Сафонов

Разговор с доктором филологических наук, профессором факультета журналистики ЧелГУ Ириной Михайловной Удлер — постижение прочной взаимосвязи нескольких разных миров. Каждый из них раскрывает что-то важное.

Отец окончил Днепропетровский институт железнодорожного транспорта по специальности «Путь и путевое хозяйство». В 1936 году его из Днепропетровска направили в Полтавево работать мастером. Путевые рабочие ждали солидных людей, а приехали два молодых человека с одним чемоданом на двоих. Всю жизнь он проработал на Южно-Уральской железной дороге. Завершил свой трудовой путь в должности главного инженера службы пути. А служба пути — основа безопасности движения поездов — объединяла свыше 11 тысяч человек. В случае аварии ночью раздавался звонок, и отец немедленно мчался на аварию.

— Какое место в семье занимали книги?

— Отец любил читать. И в детстве он мне много читал, хотя был очень занят. Работал не только днем, но и ночью, потому что «Сталин не спал по ночам». Они с коллегами в управлении дороги дежурили по очереди, потому что мог раздаться звонок и нужно было ответить на любой вопрос. Он очень много работал, но все же находил время, чтобы читать мне, дошкольнице, книги. Я это очень хорошо помню и всегда это ценила. Отец покупал много книг. И ни одной непрочитанной в нашем доме не было. Часть книг осталась. Часть, возможно, взяли почитать и не вернули. Особенно мне жаль издание «Войны и мира» в одном томе с закладкой — на белой твердой обложке большого формата название выведено золотыми тисненными буквами. Всегда потом поражалась, когда узнавала, что старшеклассники не хотели читать этот роман.

Мама очень любила классику и приносила книги из прекрасной профсоюзной библиотеки, которая была у них в Главхлебтресте. Там тоже имелись издававшиеся в советское время замечательные тома. Шекспир в одном томе, преимущественно в переводе Лозинского. Однотомник Лескова, благодаря которому я впервые познакомилась с этим писателем. Мама меня очень рано записала в детскую библиотеку. На улице Ленина, там, где и сейчас живу (ныне улица Свободы. — *Примеч. авт.*), ближе к вокзалу, находилось помещение Клуба железнодорожников, а в нем детская библиотека с очень хорошими фондами. Из радостных воспоминаний:

мне доверили взять домой по тем временам очень дефицитную книгу Дюма «Граф Монте-Кристо». И я шла по нашей улице и читала ее, не могла дождаться, когда приду домой.

— С книгами вы с самого раннего детства.

— Да, и любовь к библиотекам осталась со мной на всю жизнь. Как школьный учитель и особенно вузовский преподаватель, я многим обязана библиотекам. Когда только пришла в 1970 году работать в институт культуры, у меня были три разные лекции в неделю. То есть получалось примерно по двое суток на подготовку к каждой лекции. Не уметь готовиться поверхностно, мне необходимо все прочитать. И я еженедельно приносила из библиотек по две сумки книг, читала, думала, готовилась к лекциям. С Челябинской областной библиотекой связаны романтические воспоминания нашей студенческой юности. Библиотеки были местом, где завязывались и развивались наши филологические романы. Мы стояли на втором этаже перед читальным залом в очереди на площадке деревянной лестницы. Когда кто-то из наших студентов заканчивал читать «Триумфальную арку» Ремарка, мы сразу перехватывали этот номер журнала, садились по двое и читали.

Вторая замечательная челябинская библиотека — читальный зал ЧТЗ. На абонемент меня не могли записать, так как я не имела отношения к заводу. А вот читальный зал был доступен для всех. Фонды были прекрасные. Когда единственный том Кафки (издание начала 60-х годов, где были новеллы и роман «Процесс») украли из Челябинской областной универсальной научной библиотеки, а театральная библиотека сгорела, единственная книга, оставшаяся в библиотеках Челябинска, была в читальном зале ЧТЗ. Там работала москвичка, окончившая философский факультет МГУ, — Ирина Владимировна Вещинская. Она знала толк в книгах. Люди из Москвы сыграли большую роль в моем становлении и в моей биографии.

— Столица притягивала к себе?

— Мои научные интересы связаны с работой в библиотеках страны, потому что в Челябинске не было текстов на английском языке, в которых я нуждалась. Однажды во Всероссийской библиотеке иностранной

литературы мне предложили взять книгу на дом. «Но я не могу ее взять, я же не москвичка». — «Как?! Вы разве не в Москве живете?»

— То есть вас уже считали своей.

— Была возможность приезжать в Москву. Ежегодно получала творческий отпуск в марте или апреле. Это было нормой организации учебного процесса в вузе. И, конечно, месяц летнего отпуска проводила в библиотеках Москвы. Это Библиотека иностранной литературы, РГБ (Ленинка), Библиотека ИНИОН, Театральная библиотека.

А еще я прошла очень хорошую библиографическую школу в БАН (Библиотеке Академии наук) в Ленинграде. Правда, там главное направление естественнонаучное, а мне были нужны американские газеты XIX века. Но там еще работали люди старшего поколения. Не мои сверстники, а те, чье становление происходило в первой половине XX века и кто унаследовал традиции века XIX. И я им была интересна, они меня учили, как искать то, что мне нужно. Они и посоветовали мне перейти в Государственную публичную библиотеку (сейчас РНБ) имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Не без внутреннего сопротивления последовала этому совету. Но именно в Салтыковке были необходимые мне фонды.

— Вам также знакомы библиотеки США.

— Да, Библиотека Конгресса и библиотеки нескольких американских университетов, где мне посчастливилось поработать. Это библиотеки Университета штата Луизиана, Государственного университета в Портленде, Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Университетские библиотеки очень понравились. Некоторые из них, например в штате Луизиана, открыты даже ночью, там домашняя обстановка, свободный доступ ко всем книгам. Единственное, чего нельзя (и я это нарушала), — самому возвращать книгу на полку. Ее нужно положить на тележку, и служащие сами вернут ее на место: они опасались, что посетитель поставит книгу не на свое место. Но я точно знала, где брала книгу, и ставила ее сама, чтобы вовремя получить к ней доступ.

— Интересно!

— В Библиотеке Конгресса познакомилась с библиографами. Они знали, откуда я, видели, чем

Часть домашней библиотеки И. М. Удлер

интересуюсь. Пустили меня в святая святых, в хранилище: их интересовало, насколько полно у них представлены книги из Советского Союза, в том числе с Урала. Кстати, я не посылала им свою монографию о невольничьих повествованиях, но с радостью недавно узнала, что она есть в фондах Библиотеки Конгресса.

Во всех библиотеках Челябинска, в том числе в библиотеке ЧелГУ, работают мои выпускники из института культуры. Дружу с библиотекарями, люблю библиотекарей, и они мне очень помогают.

— **Вернемся во времена юности. Чья еще помощь значима для вас?**
— В школе у меня была замечательная учительница русского языка и литературы — заслуженный

учитель Антонина Дмитриевна Захарова. Ее лицо озарялось светом любви к классике, когда она вела уроки. Очень добросовестный человек, она систематически проводила дополнительные занятия по русскому языку. Конечно же, бесплатно, и не только со слабыми, но и с сильными учениками. У меня по русскому языку и литературе были только пятерки, но я была влюблена в ее предмет и хотела быть на всех ее занятиях. Ходила с двоичниками на дополнительные занятия. Думаю, что любовь к чтению и занятия Антонины Дмитриевны сделали меня грамотным человеком.

В те же школьные годы в моей жизни произошло замечательное событие. Мои родители дали мне возможность (мамина инициатива) брать частные уроки у Мэри

Михайловны Соколовской-Персон. Она с семьей жила на КВЖД. Когда они вернулись в Советский Союз, ее дочь, Стелла Давидовна Персон, окончила факультет иностранных языков в Ленинграде, и ее направили работать в Челябинск, в школу № 1. А Мэри Михайловна, чтобы как-то выживать (они сначала скитались по частным квартирам), давала частные уроки английского языка. И я оказалась ее ученицей. Честно скажу, в английском языке мои успехи были не очень велики (прочитала адаптированный вариант «Ярмарки тщеславия»). Но, главное, мы с ней разговаривали. Она вся из Серебряного века. У нее был роман с Гумилевым. Остались книги, подаренные Гумилевым. У нее были первые, дореволюционные издания поэзии Анны Ахматовой («Белая стая», например). Тогда еще, в 50-е годы, Ахматову у нас не издавали. Благодаря Мэри Михайловне я впервые прочитала Ахматову. К тому же она мне показала фотографию Анны Андреевны и сказала, что я очень похожа на Ахматову: «Что-то есть в челке, в вашей внешности, что вас с ней сблизает». Потом я увидела, что моя бабушка была очень похожа на Ахматову в зрелом возрасте. И мои сокурсники, не зная, что мне сказала Мэри Михайловна, тоже говорили мне о сходстве. А я слова Мэри Михайловны скрывала от всех, хотя и очень ими гордилась, и никогда уже с челкой не расставалась. У меня какое-то личное отношение появилось к культуре Серебряного века. Мэри Михайловна приблизила мне его поэзию, много рассказывала о том, чего я нигде не узнала бы. Она ходила со мной на концерты в филармонию и на литературные вечера. На нее все обращали внимание, и я даже по глупости немного стеснялась: она единственная в Челябинске носила митенки — перчатки без пальцев — те немногие вещи, которые у нее остались из прежней, дореволюционной жизни.

— **Дальше был педагогический институт?**

— Да. Поступила на историко-филологический факультет. Именно тогда, в 1957 году, произошло объединение исторического и филологического факультетов. Нам сказали, что восстанавливаются традиции русского дореволюционного университетского образования и наша специальность будет назы-

ваться «Русский язык, литература и история». Значительную роль в нашем становлении сыграли москвичи, окончившие аспирантуру и по направлению приехавшие работать в Челябинск. Среди них — Людмила Сергеевна Шувалова. Позднее в Челябинске она вышла замуж за известного журналиста Александра Николаевича Шепелева. Он делал с ней на радио передачу о литературе Урала. У нас она вела научный студенческий кружок. Сейчас студенты совмещают работу над курсовыми с занятием наукой, и это облегчает им жизнь. У нас было не так. В научном кружке участвовали студенты разных курсов. Там я и познакомилась со своим будущим мужем — он учился на курс старше. Людмила Сергеевна учила нас самостоятельно оценивать произведение, говорить о книгах лично, в традициях монтеневского личностного эссе (personal essay). И мы писали работы, тематически не связанные с курсовыми и дипломными. Помню два своих доклада, в которые вложила много сил. Первый — о личности Антона Павловича Чехова. Второй — об Александре Александровиче Блоке. Доклады обсуждались на кружке, а потом проводились литературные вечера и мы выступали с докладами. Перечитала тогда много книг: о Чехове (воспоминания современников), о Блоке. Понимала, что любимый цвет Блока — голубой. И издание Блока у меня есть — шеститомник в обложках голубого цвета. Студентам, когда показываю, говорю: «Голубой цвет — это его цвет, цвет его романтической поэзии».

Мой будущий муж Эдуард Гиненфельд очень любил Блока. Он провожал меня от пединститута до нашего дома и за это время успевал полностью прочесть наизусть поэму «Соловиный сад». В тот период мы увлекались Блоком и Паустовским. Он, кстати, написал научную работу о Паустовском, которая заняла первое место на конкурсе студенческих работ, хотя тогда еще никаких монографий о Паустовском не было. Муж оказал на меня очень сильное влияние. Он был сильнее меня как литератор, историк, гуманитарий. Был очень талантлив, с журналистским складом ума: мне новый спектакль надо раза три посмотреть, чтобы написать о нем, а он все схватывал мгновенно. Муж работал в школе № 48 и был любимым учителем даже у мальчиков, а уж девочки все

в него влюблялись. У него никогда не было конфликтов с детьми в школе — это получалось само собой, и я училась у него выстраивать отношения с учениками. А вот к методике преподавания он относился очень вдумчиво, всегда стремился сделать так, чтобы детям было интересно.

— **Поговорим о ваших первых шагах в качестве преподавателя вуза.**

— Когда пришла в вуз, на меня очень сильно повлиял Александр Иванович Лазарев. Мне посчастливилось работать под его руководством и в институте культуры на его кафедре с 1970-го по 1976-й (в тот год он перешел в университет), и затем, уже с 1991 года, в ЧелГУ. Александр Иванович соединил меня с филологией XIX века, как бы парадоксально это ни звучало, учитывая, что он вырос в деревне. Он с благодарной любовью и уважением относился к выдающимся русским филологам XIX века: Буслаеву, Афанасьеву, Потебне, Веселовскому. Досконально знал их труды, восхищался благородством их душевного облика, сам учился у них. Сегодня, из XXI века, я очень отчетливо понимаю, что Александр Иванович Лазарев — подлинный преемник, продолжатель научного поиска великих русских ученых XIX века. Александр Иванович — человек, который сам себя сделал. Учась у великих предшественников, он стал человеком высокой филологической культуры. Он абсолютно самостоятельный исследователь,

наделенный Божьим даром, трудолюбивым, огромной работоспособностью, очень талантливый. Он был влюблен в Россию, в Урал, в народное творчество. Он создатель научной школы фольклористики второй половины XX века.

Раньше я этого отчетливо не понимала, а сейчас понимаю очень хорошо, что своим научным интересом к афроамериканской мифологии и фольклору я обязана Александру Ивановичу Лазареву. Я исследовала творчество Джеймса Болдуина, афроамериканского публициста, под углом зрения и влияния афроамериканского фольклора: на уровне мировидения, проблематики, композиции, музыкальной блюзовой традиции. Александр Иванович говорил мне, что русский и афроамериканский фольклор перекликаются. Это он, преодолевая мой страх, нежелание, принес в 1974 году приглашение, разосланное деканом факультета журналистики МГУ Ясеном Николаевичем Засурским, на первую Всесоюзную конференцию американистов. Александр Иванович, который был проректором по научной, учебной работе и заведующим кафедрой, сказал: «Ирина Михайловна, вы должны обязательно поехать». Я испугалась, так как не выступала еще ни на одной научной конференции, тем более в Москве. И он пошел на хитрость, сказав: «Вы отправьте заявку. Скорее всего, вас не включат в программу, но приглашение вы получите». Хотя он знал, что я буду выступать. Он отправил меня туда

Ирина Михайловна Удлер, доктор филологических наук, профессор кафедры теории медиа. Почетный работник сферы образования Российской Федерации, почетный ветеран ЧелГУ. Область научных интересов: история США, американская и афроамериканская литература, публицистика, журналистика, культура. Действующий член организаций: Национальная ассоциация исследователей массмедиа, Европейская образовательная ассоциация по исследованию коммуникации, Российское общество по изучению культуры США, Ассоциация американистов вузов РФ, Европейская ассоциация американских исследований, Коллегиум афроамериканских исследований. Награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации, почетные грамоты Международного конкурса на соискание Невской премии, научно-просветительского центра «Холокост», диплом Министерства культуры Челябинской области и «Ника» также среди наград Ирины Михайловны. Обладатель Гран-при VI Конкурса на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга» в номинации «Научная и учебная литература» за монографию «В рабстве и на свободе».

и связал мою дальнейшую научную жизнь с кафедрой зарубежной литературы и печати МГУ, которую возглавлял Ясен Николаевич Засурский, бессменный, свыше сорока лет, декан факультета журналистики.

— То есть Лазарев чувствовал коллег, видел их перспективы, возможности?

— Александр Иванович во всей своей многогранной деятельности: научной, научно-организаторской, издательской, преподавательской, просветительской — проявлял гражданственность. Истинный, не показной, а идущий от ума и сердца патриотизм. Научный подход, народный здравый смысл, самостоятельность и оригинальность мышления — все это в нем сочеталось. И еще — доброжелательность и уважение к людям. Когда мы в 1970 году были приглашены на его кафедру литературы и искусства в институте культуры, мы все были новичками. Какую прекрасную школу высокого профессионализма, преданности делу, демократизма, уважения к коллегам и студентам мы прошли у него! Я не забыла, как он возмущался (хотя был человеком мягким), как

резко выговаривал кому-то из молодых наших преподавателей, который бесцеремонно и пренебрежительно обратился к студентке на «ты». Он говорил: «Она же не может ответить вам тем же! Как вы смеете с ней так разговаривать?» Мы не забыли, как он каждому из нас писал стихи по всяким праздничным поводам. А до этого своим изящным, неповторимым почерком заполнял все бумаги: характеристики, выписки из протоколов. Хотя это не дело заведующего кафедрой, но мы об этом даже не подозревали. До сих пор храню эти характеристики как память. Как он умел подчеркнуть достоинства в нашей работе! Тогда была практика открытых лекций. Она была обязательна для всех преподавателей, кто проходил по конкурсу на замещение должности. Такие лекции посещали коллеги, и в других вузах обсуждение открытых лекций порой превращалось в ад. А Александр Иванович сначала отмечал все наши достоинства. Затем в очень деликатной форме делал справедливые, критические, очень полезные замечания. И как он гордился нашими успехами! Вот какие стихи он посвятил мне на 8 Мар-

та. Я тогда всего год работала на кафедре литературы в ЧелГУ:
*Дорогая Ирина Михайловна!
Вы к нам пришли не как Юдифь,
Чтоб голову снести кому-нибудь,
К примеру Марку*.
Своими знаниями коллег,
студентов удивив,
В наш коллектив влились Вы
без помарки.
Ясна Вам жизни и науки даль,
Хоть тень задумчивости есть
на Вашем лице.
В одном лице Жорж Санд
и госпожа де Сталь.
И даже что-то есть пьянящее
от Анжелики.*

[*М. И. Бент. — Примеч. авт.]
На кафедре, которой он руководил, никогда не было ни склок, ни нервозности. Потому что он создавал такую атмосферу интеллигентности, благожелательности, добра и такта, которая гасила все недобрые слова, все агрессивные поступки. Часто его вспоминала потом. И он всей своей человеческой сутью учил нас понимать, что самое главное, на чем стоит жизнь, — это любовь и добро. Он тоже к этому не сразу пришел. Но пришел. И служил добру, и творил добро вокруг себя.

— Говоря о своей поездке на конференцию американистов в 1975 году, вы отметили, что с тех пор ваша жизнь тесно связана с факультетом журналистики МГУ. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— Действительно, огромную роль в моей жизни сыграл Ясен Николаевич Засурский. Сорок два года он руководил факультетом журналистики МГУ. Мое близкое знакомство с ним, как я уже сказала, состоялось благодаря Александру Ивановичу Лазареву. С 1975 года на факультете журналистики происходило то, что мог создать только Ясен Николаевич. Ему профильное министерство в 1974 году поручило провести Всесоюзную конференцию специалистов по американской литературе и журналистике. И только. Но он превратил эту конференцию в постоянную, ежегодную. И я горжусь тем, что моя жизнь прошла там. Из 48 конференций я не участвовала только в четырех. Сделала 44 доклада. Причем большую часть тем предлагал, не повторяясь, именно Ясен Николаевич Засурский. Именно на этих конференциях происходило становление отечественной американистики второй половины XX — начала XXI веков. Здесь обсуждались доклады, появлялись новые секции, отражающие новое понимание американской литературы и журналистики, американской культуры. Открылись секции этнической литературы, драматургии и другие. По сути, это была база, на которой выросли почти все отечественные кандидатские и докторские диссертации по американистике. А Ясен Николаевич подавал нам пример: он был американистом номер один в нашей стране. Читал лекции в Америке, был председателем ученого совета на факультете. И он стал научным руководителем моей кандидатской диссертации по публицистике Джеймса Болдуина.

— Что более всего запомнилось из того времени?

— Когда я, никому не известная преподавательница из Челябинска, защищалась и когда читали мою скромную автобиографию, стояла мертвая тишина. Ясен Николаевич не мог председательствовать, так как руководил моей работой. Но он присутствовал, хотя был очень занятым человеком. Обычно на защитах он входил, выходил, его вызывали. А здесь присутствовал, и все

с большим интересом вслушивались в мою автобиографию. Кто я такая, что Ясен Николаевич уделяет мне столь большое внимание? После голосования председатель счетной комиссии, проходя мимо, шепнул мне: «Очко». И я не сразу поняла, что он имеет в виду единогласную поддержку моей кандидатской диссертации.

— Возможно, вас что-то еще объединяло в профессии, помимо общих научных интересов?

— Мне близка и методологическая позиция Засурского, его подход к профессиональной подготовке журналистов. Он меня несколько раз приглашал на стажировку. Я ходила на лекции, имела доступ ко всем методическим материалам на кафедре, планам семинарских занятий факультета журналистики МГУ. И я училась у москвича. Позиция Ясена Николаевича мне очень близка. Прочитываю его: «Один из компонентов успешной работы выпускников факультета — их хорошее знание литературы». По сути, Ясен Николаевич повторил требование, сформулированное еще Михаилом Васильевичем Ломоносовым: «Образованность и высокие этические принципы. Служение строгому и правильному разыскиванию истины». Под этим подпишется, думаю, любой гуманитарий. И я рада, что у нас на факультете журналистики ЧелГУ это учитывают при составлении учебных планов, учебных курсов и при подходе к выставлению оценок студентам на зачетах и экзаменах.

— Помню, как, руководствуясь этими принципами, вы, как всегда тщательно и добросовестно, готовились к защите докторской диссертации.

— На этом этапе жизнь преподнесла мне еще один подарок — близкое знакомство с Маргаритой Михайловной Ковалевой, выпускницей факультета журналистики МГУ. Она долгое время возглавляла Ученый совет по журналистике Уральского федерального университета. Первоклассный специалист в области русской журналистики, особенно ее истории. Замечательный научный руководитель, отличный организатор. И очень хороший человек! Она оценила мою многолетнюю работу и поддержала. Второй подарок от жизни получила совсем недавно. Мне написала профессор факультета журналистики

МГУ Людмила Григорьевна Кайда. Она также почетный профессор Мадридского университета, куда Ясен Николаевич Засурский направлял ее по обмену учить испанских студентов-славистов русской литературе и журналистике. Там под ее руководством сформировалась целая школа испанских славистов. Людмила Григорьевна — действующий вулкан, автор около двадцати монографий. Последняя по времени вышла в декабре 2020 года и посвящена юбилею Бунина. Она написала мне письмо о том, что нашла мою статью в научном журнале факультета журналистики ЧелГУ, где я писала об опыте преподавания на кафедре курса эссеизации журналистики. Там я несколько раз на Людмилу Григорьевну ссылалась. Она поблагодарила за то, что я цитировала ее. И написала, что посмотрела в Интернете мои работы, мою биографию и поняла, что мы с ней «ходили по одним и тем же коридорам Московского госуниверситета» (хотя она выпускница ЛГУ).

— Настало время поговорить о молодежи. Основываясь на своих представлениях об американском университете, что можете сказать о студентах России и Америки?

— Наши, на мой взгляд, талантливые. Но американские более добросовестны — ни разу не видела, чтобы они опоздали на занятия. Доброжелательны, не перебивают друг друга, наоборот, стараются уступить. В Америке очень ценится юмор и можно увидеть внешне более простые отношения преподавателей и студентов. Но, если судить по американским университетским романам, которые читаю, идиллическое представление об американском университете у меня не складывается. Американцы заражены пуританскими традициями, и это при всей их доброжелательности часто приводит к взаимному непониманию. Ничего подобного у нас нет. Зато в Америке студенты, которые берутся за научную работу, понимают, что они должны делать. У них нет тех шор, которые характерны для нас. Например, я занималась творчеством Джеймса Болдуина, когда он был жив. И я ему даже не написала и тем более не попыталась встретиться. А американский студент-славист, когда выбирает русскую тему, едет

Кафедра литературы филологического факультета ЧелГУ. В центре сидят: декан филологического факультета Г. Я. Шишмаренкова, завкафедрой А. И. Лазарев. Начало 1990-х годов

XXXVIII студенческая научная конференция «Студент и научно-технический прогресс», факультет журналистики, 2013 год

в Россию, идет в дом, например Пастернака, знакомится с людьми, которые близко знали писателя, докапывается до самых основ.

— **С чем связаны эти различия?**
— Возможно, с разными условиями жизни. У нас они менее благоприятны, но есть черты, которые присущи именно нам: наша сердечность, любовь друг к другу. В дистанционном обучении, через которое мы прошли, очень много преимуществ, но мы остро почувствовали отсутствие возможности прикоснуться друг к другу. Американцы и англичане ценят расстояние, свое частное пространство: «Мой дом — моя крепость». А мы глубоко за полночь можем говорить с коллегами о служебных делах, забывая о границах между личным и общественным. А еще, когда только появился «Живой

журнал» и стали набирать популярность социальные сети, я очень боялась за своих студентов!

— **Почему?**

— Они так раскрывались, так распахивались! Даже под никами я их всех узнавала. Они такие интимные вещи говорили о себе, о своих отношениях с мамой, близким человеком, что мне делалось страшно за них. В Америке этого нет.

— **Списки произведений зарубежной литературы, которые вы даёте студентам для чтения, давно уже стали легендой. Если каждый такой список воспринимать как ваше высказывание, то в чем его суть, что вы хотите донести до молодых людей?**

— Списки разные. Студент приходит сдавать романтизм и реализм XIX века. В числе прочитанных авто-

ров у него нет Бальзака, Стендаля, Байрона, Жорж Санд, Гюго, Диккенса, Теккерея. Он меня спрашивает: «Что из перечисленного нужно прочитать, чтобы сдать экзамен?» Отвечаю: «Список уже сжат настолько, что дальше сокращать некуда». Это не перечень авторов, которых предпочитаю я. Это классика, список, составленный временем. Без этих произведений невозможно понять последующее развитие мировой литературы. В списки первой половины XX века включаю произведения, которые составляют основу, — Пруст, Джойс, Кафка, Вулф, Миллер, Лоуренс. Студенты должны их знать для того, чтобы понимать законы развития романа и язык современной художественной прозы. Если, говорю я им, вы прочтете после хорошей подготовки, после лекций (не читайте до лекций) этих авторов, никакой роман XXI века не покажется вам трудным. Современные писатели до сих пор пользуются открытиями в области романа, которые совершил Джойс. Но если это талантливый писатель, он использует заимствованные литературные формы для постановки новых актуальных проблем. Списки современной литературы и литературы второй половины XX века в отличие от предыдущих периодов уже несут отпечаток моих интересов и отражают современный литературный процесс, в них больше возможностей выбора произведений. И я их постоянно обновляю, потому что многое меняется и многие авторы из моих списков уже превратились в классиков. Когда включала роман Умберто Эко «Имя Розы», я еще не знала, что он станет классическим, но понимала, что его стоит читать: он формирует личностные качества, способствует пониманию того, что другой человек не есть чужой.

— **Актуальная мысль.**

— Да, и я хочу, чтобы студенты понимали язык искусства, художественной литературы и наслаждались литературой и публицистикой. Журналисту в его профессии для понимания психологии людей, для повседневной работы знание литературы, культуры просто необходимо. Нельзя жить без литературы. Для духовного становления личности и даже для решения многих своих проблем, когда тебе плохо, когда ты болен, когда у тебя горе большое, литература — и опора, и убежище, и спасение.

На дистанции лыжного пробега — профессор А. П. Яловец

Экскурсия историков по кремлю во Пскове, 1980-е годы

В

**иктор Иванович,
расскажите о сво-
ем детстве.**

— Я родился и рос в деревне Русские Полянки в Мордовии. Мои родители работали в колхозе, начиная с четвертого класса я им помогал на сенокосе. Женщины складывали сено в копны, из которых мужчины формировали стога. Чтобы эти копны подвозить, был организован целый процесс. Маленькие мальчишки, в том числе и я, сидели на лошади, постарше парни подцепляли к ней копны, а девочки следом подгребали остатки. Так два месяца лета мы помогали родителям.

Школа, в которой я учился, находилась в Краснослободском районном центре рядом с нашей деревней. Школа и учителя были замечательные. Из нашего класса практически все поступили в хорошие вузы: Московский авиационный институт, Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана, Мордовский государственный университет, МГУ. Я выбрал последний.

— Как парень из деревни смог поступить в МГУ?

— Был у меня приятель, он через олимпиады поступил в Колмогоровский интернат при МГУ. Когда он приехал зимой к нам, а я тогда учился в десятом классе, привез вступительные задачки, которые дают в МГУ, Бауманке. Я эти задачи решал каждый день, они сильно отличались от школьной программы и очень помогли. Кроме того, школу я окончил с серебряной медалью. Потом мы почти всем классом поехали поступать: кто в железнодорожный институт, кто в авиационный и так далее. В МГУ был большой конкурс, человек двенадцать на место, приезжали со всего Союза. Но благодаря

В. И. Ухоботов: Должны быть научные связи, иначе университет будет неузнаваем

Беседовала
Нина Басова

Заведующий кафедрой теории управления и оптимизации Виктор Иванович Ухоботов — один из первых преподавателей ЧелГУ. Он рассказал, какое это было время — время первого университета на Южном Урале — и кто такие настоящие математики.

самостоятельной подготовке и вкладу учителей я прошел на механико-математический факультет.

— **Вы учились в МГУ во времена ректорства И. Г. Петровского. Это время считают «золотым» для московского вуза. Расскажите, каким было студенчество?**

— Да, Иван Георгиевич был еще и заведующим кафедрой дифференциальных уравнений. Помню, что он раз в год встречался со студентами. Однажды ему задали вопрос, почему он запрещает играть в общежитии в карты. Он говорит: «Ребята, вы пришли сюда заниматься математикой, голова устает. Поэтому свободное время есть — берите мяч, идите играйте в футбол, а зимой катайтесь на лыжах». «Золотое» время было потому, что ценились физики, математики, они имели престиж, хорошо устраивались на работу, в них была потребность. Сейчас такого нет, на мой взгляд. Выпускник-математик идет в вуз ассистентом на небольшую зарплату. Хотя перспективу я вижу. Например, научный сотрудник кафедры теории управления и оптимизации доцент Игорь Вячеславович Измествьев смог с помощью программы для молодых ученых,

добавив собственные средства, купить квартиру. Ну а так сложно начинающему специалисту закрепиться, конечно.

— **Как вы оказались в Челябинске?**

— После мехмата меня оставили в аспирантуре с условием, что, если защитю диссертацию, после распределения выделят квартиру. Так и было. Меня и еще трех выпускников МГУ: Сергея Матвеева, Вячеслава Быкова, Вячеслава Краснова — распределили в Челябинский политехнический институт имени Ленинского комсомола. Краснов, правда, уехал потом в Ярославский университет. После защиты диссертации весной 1974 года я уехал в отпуск, а вернувшись в августе, увидел на столе открытку, в которой говорилось, что меня утвердили. Я пошел к заведующему кафедрой теоретической механики Александру Тимофеевичу Полецкому спрашивать про ту самую квартиру, он меня отправил к ректору Виталию Васильевичу Мельникову. И в ноябре у меня появилось жилье в Челябинске.

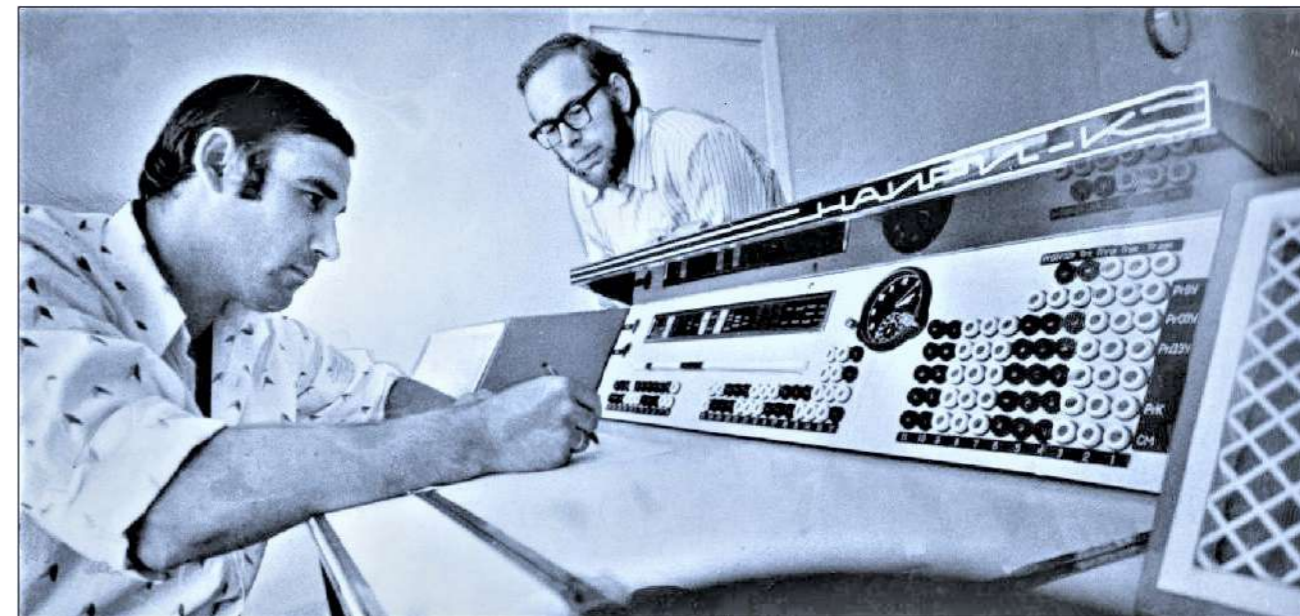
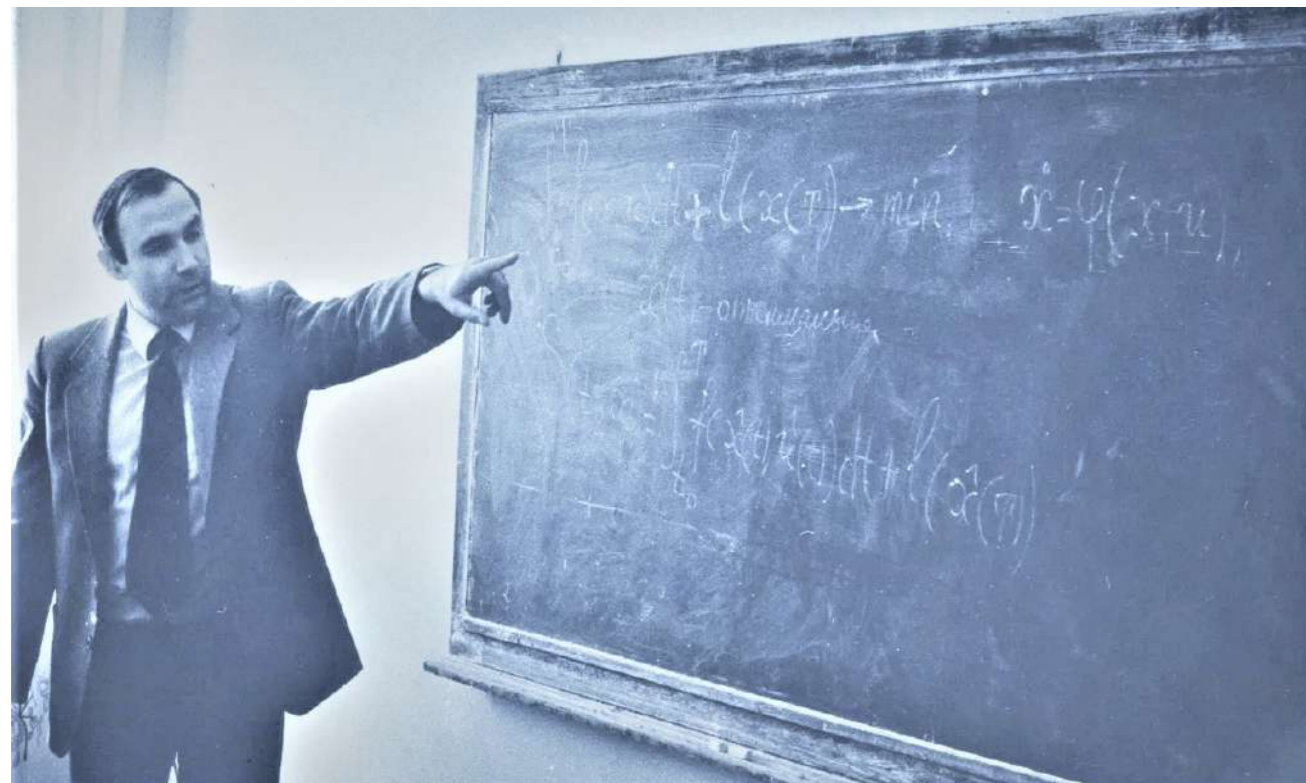
Помню, как покупал мебель туда, чтобы перевезти жену и сына. Пришел в бухгалтерию, они дали мне

расчетку о зарплате. Купил детскую кроватку, стол, диван, кухонный гарнитур, стулья, шторы. Начал обживать. Потом эту сумму вычитали из заработной платы, но это было даже незаметно.

— **Вы пришли в ЧелГУ в год его открытия. Как это было?**

— Проработав на кафедре теоретической механики ЧПИ три года, весной 1976 года в одной из областных газет я увидел новость, что в Челябинске открылся государственный университет и его корпуса раскинутся на живописном берегу реки Миасс напротив городского бора. В политехе нам было не особо интересно, мы были обычными математиками. Поэтому я пошел к своим приятелям Быкову и Краснову и позвал их сходить в ЧелГУ, поскольку в объявлении говорилось, что университет ждет на работу преподавателей. В сегодняшнем третьем корпусе был кабинет, где проректор Александр Арсентьевич Голиков вел прием новых кадров. Помню, он только спросил в шутку, много ли я ставлю двоек, — и принял меня на работу. Позже познакомился с первым ректором — Семеном Егоровичем Матушкиным.

На лекции

Первая вычислительная машина ЧелГУ. Виктор Иванович — слева

Тогда многие преподаватели приезжали из других городов: Москвы, Омска, Томска, Новосибирска, Уфы, и этому есть причина. Обком КПСС принял решение об открытии университета и обязал каждое предприятие помочь университету кадрами, техникой, методической литературой и так далее. Люди направлялись централизованно. Так в ЧелГУ приехали Геннадий Борисович Зданович, Юрий Сергеевич Кирьяков, Сергей Георгиевич Иванов. Это было очень хорошо, потому что не должен университет комплектоваться только из своих

выпускников: через них бурьяном расцветают все недостатки, которые имеют преподаватели.

— **Ректор ЧПИ не обиделся на ваш уход?**

— Виталий Васильевич — нет, он обеспечивал выполнение постановления, по которому ЧПИ должен был направить семь своих преподавателей в новый университет, а вот заведующий кафедрой даже написал письмо на имя ректора, что он против моего увольнения.

— **Не боялись возглавить новый факультет?**

Виктор Иванович Ухоботов, доктор физико-математических наук, профессор. Область научных интересов связана с вопросами моделирования гарантированного результата в задачах управления динамическими системами при наличии воздействия на них со стороны неконтролируемых помех. В 1970 году окончил механико-математический факультет МГУ, в 1973-м — аспирантуру МГУ. С 1976 года работает в ЧелГУ. В 1978—1995 годах — доцент кафедры высшей математики, декан математического факультета, в 1995—1996 годах — проректор по учебной работе, с марта 1995 года — заведующий кафедрой теории управления и оптимизации. Руководил грантами РФФИ и РГНФ. Участвовал в работе Международного конгресса математиков, а также ряда других международных конференций. В. И. Ухоботов является членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций, входит в состав редколлегий трех научных журналов. Почетный работник высшего образования России, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор ЧелГУ. Награжден нагрудным знаком «За заслуги перед Челябинским государственным университетом».

— Я пришел в ЧелГУ в 1976 году на физико-математический факультет. Через два года факультеты разделились. Тогда было все с нуля, тяжело, я каждый месяц писал Семену Егоровичу заявление, чтобы меня освободили от должности. Было большое давление и много работы, которая мешала заниматься научной деятельностью: субботники, митинги, демонстрации, картошка, морковка. Потом почти подряд случились две страшные трагедии. Студентка третьего курса, звездочка университета, в перерыве между лекциями пошла в общежитие и прыгнула с седьмого этажа, вроде как из-за несчастной любви, потом она скончалась. Меня вызывали, спрашивали: почему? где воспитательная работа? А через год, в конце августа, когда студенты приехали с каникул, наши девчонки пошли в гости в общежитие к филологам. И одна выпрыгнула из окна девятого этажа, тоже насмерть. Это сильно сказалось на нервах, написал заявление об увольнении, но Семен Егорович его не подписал.

— **Как искали преподавателей для молодого матфака?**

— Когда меня назначили деканом, кафедры были уже укомплектованы. А когда подходило время читать новые курсы, Александр Арсентьевич Голиков говорил: «Идите берите технарей из ЧПИ».

Но я был за другой подход, этим должны заниматься специалисты. Убеждал Семена Егоровича, чтобы брать кадры из других городов. Так и поступали. Потом был первый выпуск, это были прекрасные студенты. Мы уговорили ректора отправить несколько человек на стажировку в Свердловск и Новосибирск. Потом некоторые пошли в аспирантуру, защитились и вернулись к нам в университет. За время своей работы на должности декана я старался, чтобы кафедры не были разрозненны. Нам в помощь были партийные собрания, общие мероприятия. Сейчас этого не хватает, многие стали обособленны.

— Многие считают, что научно-педагогическая школа — ядро университета. Так ли это?

— Конечно, если преподаватель не занимается наукой, не пишет новые пособия, не ведет исследования, то это путь не самый лучший. Должны быть научные связи, чтобы тебя знали, признавали в научной сфере, иначе университет будет неузнаваем. Я это испытывал, когда был деканом, тогда университет был очень молод, его не знали. Помню, в Челябинск приезжал

министр высшего и среднего специального образования СССР Геннадий Алексеевич Ягодин, он выступал в ЧПИ. Его спросили, как он оценивает Челябинский государственный университет. Он ответил, что ЧелГУ — вуз в коротеньких штанишках, каким он вырастет — зависит от его научных кадров. Егор Семенович, надо отдать ему должное, укомплектовывал кафедры молодыми кандидатами, выпускниками вузов, большинство из них стали докторами наук. Перед уходом С. Е. Матушкина обком КПСС создал комиссию, во главе которой поставили нового ректора ЧПИ Г. П. Вяткина. Он тогда говорил: «ЧелГУ — это кандидатский вуз, это кандидатская наука». Но он не сказал, что кандидаты молодые и через пять лет будут докторами, которые потом и обогащали математические и физические факультеты ЮУрГУ. Там же наши преподаватели до сих пор входят в диссертационные советы.

— Как вы сами пришли в науку?

— На втором курсе МГУ я и еще пара студентов стали ходить на семинар по геометрии к известному математику Петру Константиновичу Рашевскому, он занимался группами Ли. Нам было интересно, но мы

были механики, относились к другой кафедре. Пошли к заведующему отделением академику Леониду Ивановичу Седову, чтобы перевестись на другое отделение, но он не разрешил, сказал, что мы нужны на механике. Тогда мы стали искать по кафедрам человека, который уже применял группы Ли в механике, нашли профессора Александра Александровича Богоявленского. Он дал нам курсовые, но сказал, что в этой теме уже все сказано, начал рассказывать про академика, основателя уральской школы по дифференциальным играм Николая Николаевича Красовского. Александр Александрович хорошо знал этого ученого и предупредил, что он просто так этой темой заниматься не будет и чтобы я тоже присмотрелся. Так я стал заниматься этими играми. В МГУ чем бы ты ни заинтересовался, обязательно найдешь единомышленников и наставников. Я тоже нашел. После четвертого курса я написал курсовую, потом дипломную по играм, и меня позвали в аспирантуру. Определили тему, наказали писать все самому. Только уже после написания Богоявленский активно включился, стал искать оппонентов, обратился к Николаю Николаевичу Красовскому, чтобы

С коллегами

Первый выпускной математического факультета ЧелГУ, 1981 год

Институт математики и механики УрО РАН, где он был директором, выступил в качестве ведущей организации. В мае я защитился, в июне меня уже утвердили.

— Ваши научные интересы претерпели изменения?

— Я продолжаю заниматься играми, но также вышел на нечеткие множества, потому что хотел расширить аппарат, который используется в дифференциальных играх.

— Какое практическое применение нашли ваши исследования?

— Например, подход Вальда. Можно принять разные ситуации, но есть помехи, факторы, которые от нас не зависят. Этот подход заключается в том, что эти факторы созданы с целью тебе навредить, то есть наихудшее для тебя. Тогда ты делаешь наихудшее лучшим для себя. Такие подходы актуальны в медицине, в военном деле. Абрахам Вальд — это венгерский математик. Во время Второй мировой войны он уехал в Америку,

и его стали привлекать в качестве эксперта. Во время бомбардировок американских ВВС ему надо было выяснить, какие части фюзеляжа требуют дополнительной брони. Он отмечал места попадания и рекомендовал установить защиту там, где количество пробоин было минимальным. Логика была проста: он же прилетел, хоть и пробитый, а те, которые не прилетели, были пробиты в других местах. Во многих сферах такие игровые подходы применяются. Наша жизнь ведь игра.

— Вы продолжали активно публиковаться, несмотря на всеобщий дистант. Как вам это удавалось?

— Работали вместе с Игорем Измestьевым. У нас были гранты, нужно было писать. Даже когда я был деканом и времени на науку было меньше, я старался публиковать каждый год статьи в ведущих журналах, поставил эту планку и не хотел ее нарушать. Весной 1997 года ушел с поста проректо-

ра, а уже осенью принес ректору Валентину Дмитриевичу Батухтину докторскую. Я всегда боялся остановиться. Когда писал кандидатскую, возникло состояние, при котором не мог сесть за стол и написать суть. Мог крутиться вокруг стола минут тридцать. Не мог понять, что это — внутренняя лень или перенасыщение, шли только фразы «так как» и «ввиду того что». И с докторской так же, я переживал, что затыкну. Поэтому старался взять себя в руки. Если решаешь задачу, то в голове она только и крутится, ни о чем другом думать не можешь.

— О вас говорят как об отличном методисте и лекторе. В чем особенность вашего подхода к обучению студентов?

— Я много преподавал в разных по статусу вузах. Везде надо было подстраиваться под студентов. Это помогало. Где-то надо было вести себя строже, где-то — мягче, но всегда стараться быть понятным. Я видел, что студенты

Встреча ветеранов университета, 2016 год

относились с уважением. Иногда приходишь в банк, например, сидит девчонка и говорит: «Ой, вы у нас читали, читали». «Ну и как?», — спрашиваю. А оказывается, что она из всех предметов сопутствующих только мой запомнила.

— У вас очень много наград. Какую из них вы считаете самой ценной?

— Самая ценная та, которую подписал президент, — звание «Заслуженный работник высшей школы РФ», остальные были министерские. Помню, что радовался первой награде — знаку Министерства высшего образования СССР «За отличные успехи в области высшего образования СССР». Она была первой, поэтому отрадней. Отметил бы еще знак «Ударник одиннадцатой пятилетки». Он тоже был значимый,

потому что одиннадцатая пятилетка была последней, потом началась перестройка.

— В следующем году математический факультет празднует юбилей. Какие достижения вы отметили бы за его историю?

— Когда меня назначили деканом факультета, я приехал на свою кафедру мехмата МГУ. В это время в разных городах страны открывались новые университеты. Мой научный руководитель Александр Александрович спросил: «Расскажи, как хоть университет открывается?» Я рассказал, что дали здание школы, набрали нас семь человек на факультет, так он и получился. «Вот когда ты будешь читать лекции в амфитеатре, когда у вас на факультете откроют докторский совет и когда ты сможешь

защитить там докторскую, вот тогда ты можешь сказать, что факультет стал».

Одно время у нас это все было. Коллектив сложился, конечно, во многом из наших выпускников, и большинство из них добились хороших результатов. Доктор физико-математических наук, профессор Владимир Евгеньевич Федоров — наш проректор по учебной работе, доктор физико-математических наук, профессор Леонид Борисович Соколинский — проректор по информатизации в ЮУрГУ. Деканы в ЧелГУ и в ЮУрГУ тоже наши выпускники. Я считаю, что, подготовив сотни талантливых кадров для многих вузов страны, мы рассчитались сполна с ЧПИ, который направил в ЧелГУ при открытии семь преподавателей.

Вычислительный центр ЧелГУ

Товарищеский матч по волейболу сотрудников университета, 1978 год

П

очему вы выбрали юриспруденцию в первом классическом? Была ли 30 лет назад альтернатива?

— Поступал в университет в 1991 году. Изначально планировал учиться на историческом факультете, даже ходил на подготовительные курсы ЧелГУ. На тот момент юристов в Челябинске еще никто не готовил, ближайшим городом, где можно было получить юридическое образование, был Екатеринбург. В первом классическом юридический факультет создали очень спонтанно, как мне казалось. Отец как-то пришел и сказал, что появилась информация об открытии юридического факультета, предложил переориентироваться. Основным экзаменом была история, поэтому мне пришлось подтянуть только основы права. В итоге сменил профиль всего за пару месяцев.

— Значит, глава семьи все-таки повлиял на выбор профессии?

— Отец, Янин Геннадий Владимирович, работал в правоохранительных органах, поэтому юриспруденция не вызывала отторжения. Вообще меня привлекала работа следователя, был момент, когда подумывал пойти работать оперативным сотрудником. А вот желание преподавать проявилось неожиданно. Первый декан факультета Ганей Валеевич Хашимов тесно общался с отцом и предложил мне аспирантуру с сокращенным сроком обучения на специалитете. Я отказался, хотел попробовать себя в следственных органах. Но в последний момент передумал и решил воспользоваться предложением декана. Тогда на заседании ученого совета факультета нас, кандидатов в аспирантуру, вызывали по одному. Ганей Валеевич дал мне характеристику — в целом

М. Г. Янин: В каждом человеке есть что-то хорошее, задача адвоката — донести это до суда

Беседовала
Анастасия
Куренкова

«Я занимаюсь любимым делом и на работу хожу с удовольствием», — говорит старший преподаватель кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности института права ЧелГУ Михаил Геннадьевич Янин, который окончил университет в 1995 году и с тех пор его не покидал.

положительную, но отметил мою неуверенность. Тогда, помню, за меня заступилась молодая педагог Ольга Анатольевна Талышева и предложила дать еще один шанс. В итоге наша группа из 12 человек экстерном окончила обучение, и в октябре 1995 года мы поступили в аспирантуру, чтобы в сентябре 1996-го уже начать преподавать. Дело в том, что на факультете была острая нехватка кадров. Было принято решение «ковать» специалистов «на месте».

— **Помните свое первое занятие в качестве педагога?**

— С февраля 1996 года я начал преподавать в Челябинском колледже «Комитент». Хорошо помню первое занятие у заочников. Испытывал легкий мандраж, потому что в моем представлении на тот момент заочники — это взрослые люди, которые обладают определенным багажом практических навыков. А я толком ничего не знаю, лекции только начал набирать. Думал, что начнут мне вопросы

задавать и поплыву. В процессе чтения лекций понял, что они меня боятся не меньше, чем я их. Задавать каверзные вопросы они были не готовы. На юридическом факультете ЧелГУ к занятиям приступил с сентября 1996 года. Мне выделили одну группу третьекурсников-очников для ведения практических занятий по уголовному процессу. Со студентами у меня сразу же сложились доверительные отношения. Мы успевали с ними и учебой заниматься, и внеучебной деятельностью. До сих пор общаюсь с некоторыми из них. Об этой группе у меня остались самые теплые воспоминания.

— **Кого из педагогов юридического факультета можете назвать своими наставниками?**

— Безусловно самые теплые слова — в адрес доктора юридических наук, профессора Ивана Яковлевича Дюрягина. Он вел у нас уголовный процесс, к нему же целенаправленно шел в аспирантуру.

Я ощущал и продолжаю ощущать его наставничество. Благодаря в том числе Ивану Яковлевичу у меня проснулась любовь к уголовному процессу. Я не отказался от преподавания этой дисциплины, несмотря на скоростную смерть профессора в июне 1996 года. Жаль, а ведь мы так и не успели поработать по моей диссертации. Только тему намечили. Помню, Иван Яковлевич спросил, чем я занимаюсь, и сказал, что не следует торопиться. Посоветовал набираться опыта (на тот момент я был единственным из его аспирантов, кто уже преподавал). В сентябре мы должны были встретиться снова... В память о нем мы регулярно проводим Международную научно-практическую конференцию «Проблемы современного российского права». До сих пор тесные отношения поддерживаю с первым деканом юридического факультета Ганеим Валеевичем Хашимовым. К его 70-летию и 75-летию мы проводили

в вузе Всероссийскую научно-практическую конференцию «Проблемы защиты прав личности в современной России». Кстати сказать, Ганей Валеевич у меня тоже преподавал. Добрым словом всегда вспоминаю уже покойную, к сожалению, Зинаиду Валентиновну Макарову, доктора юридических наук, профессора, которая в свое время была прекрасным адвокатом. Не только учился у нее, но и длительное время работал под ее руководством в ЮУрГУ, на факультете права и финансов, где она возглавляла кафедру уголовного права и уголовного процесса.

Запомнилась Ольга Анатольевна Талышева. У нас она вела теорию государства и права, уголовно-исполнительное право и криминологию. У нее были интересные и содержательные лекции. К тому же она была самым молодым преподавателем на нашем факультете. Хотя наш первый поток был разновозрастной: от нас, 18-летних, до взрослых и самостоятельных студентов. Самому старшему было 36 лет, такой взрослый дядя с бородой. Правда, проучился он всего год, а потом перевелся в Екатеринбург на заочное отделение.

Особое место в моем становлении занимает фигура известного адвоката — доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ Валерия Федоровича Кузнецова. Он не только преподавал у меня. Благодаря Валерию Федоровичу я стал заниматься адвокатской практикой. Он стоял у истоков создания Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая», председателем которой на сегодняшний день я являюсь. Наша коллегия вышла с инициативой перед Советом Адвокатской палаты Челябинской области присудить Валерию Федоровичу посмертно премию имени Ф. Н. Плевака, что и произошло 25 марта нынешнего года.

Отдельно хотелось бы сказать о последнем советском прокуроре Челябинской области Роберте Валентиновиче Голубеве. После своей отставки в 1991 году Роберт Валентинович длительное время проработал у нас на юридическом факультете. Возглавлял кафедру уголовного процесса и криминалистики. Мне посчастливилось работать под его руководством. Талантливый руководитель

и педагог, который, не считаясь со своим личным временем, делился с нами, молодыми преподавателями и студентами, не только теоретическими знаниями и практическими навыками, но и своим богатым жизненным опытом.

В память об этой легендарной личности мы ежегодно проводим Международную научно-практическую конференцию студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы борьбы с преступностью».

— **Какую часть вашей жизни занимает уголовно-процессуальное право?**

— Практически вся моя жизнь связана с ним. Теоретические аспекты уголовного судопроизводства мы со студентами разбираем в университете в рамках занятий, а за пределами ЧелГУ начинается адвокатская практика. В основном, конечно, занимаюсь уголовными делами. Недавно вошел в инициативную группу Адвокатской палаты Челябинской области по популяризации известного адвоката Федора Никифоровича Плевака, которого челябинские адвокаты считают своим земляком. В сети «ВКонтакте» создал группу и заполняю контентом, который позволяет студентам поближе познакомиться с удивительной судьбой и профессиональной деятельностью этого выдающегося правозащитника. Не секрет, что студенты сегодня мало читают. Может быть, через социальные сети и короткие зарисовки у меня получится донести до них значимость этой легендарной личности. Для того чтобы привить студентам интерес к уголовному процессу, уже не один десяток лет веду научный кружок, посвященный проблемам уголовного судопроизводства. Обычно студенты — члены кружка готовят доклады по наиболее актуальным правовым вопросам, а затем на заседаниях выступают с научными сообщениями. Мне всегда такая форма общения со студентами казалась скучноватой. Поэтому я пошел другим путем. На заседания своего кружка приглашаю специалистов из сферы уголовного процесса и смежных с ним областей. Приглашенные гости освещают перед студентами наиболее актуальные и проблемные аспекты уголовного преследования и профессиональной защиты. Таким

образом стараюсь, во-первых, популяризировать среди студенческого сообщества саму идею права, а во-вторых, развивать у ребят интерес к соответствующей правовой проблематике.

— **Чем вас лично привлекает эта отрасль права?**

— Как практикующий юрист, понимаю, что зачастую могу помочь людям. Ведь адвокат может отстаивать как интересы подозреваемых, обвиняемых, так и интересы потерпевших. К сожалению, с оправдательными приговорами на сегодняшний день у нас большая проблема. Но опытный адвокат всегда может повлиять на итоговое судебное решение и добиться для подсудимого более легкого наказания. В каждом человеке есть что-то хорошее, задача адвоката — донести это до суда. Уверен, что ни одному человеку не должно быть отказано в справедливости. С потерпевшим, казалось бы, должна быть более понятная картина. Он и так пострадал от преступления, но правоохранительные органы далеко не всегда готовы его поддержать. В этом

Первый набор юристов ЧелГУ, четвертый курс. М. Г. Янин — в нижнем ряду в центре, 1995 год

Михаил Геннадьевич Янин, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности института права ЧелГУ. Председатель Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая», заместитель председателя Общественной палаты Центрального района города Челябинска, председатель Уральского межрегионального интеграционного центра. Член Исполнительного комитета Челябинского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Председатель общественного совета проекта «Культура малой родины» в Челябинской области. Автор уникального научно-образовательного проекта «Живое право», в рамках которого практикующие юристы и студенты занимаются популяризацией права.

Челябинская областная коллегия адвокатов «Академическая»

случае задача адвоката — максимально содействовать тому, чтобы добиться справедливости и поддержать позицию своего доверителя, пытаюсь привлечь виновного к ответственности.

— Потерпевших или обвиняемых было больше в вашей практике?

— Безусловно, подозреваемых и обвиняемых. У этих категорий лиц больше потребности в профессиональной защите. Ведь на стороне потерпевших стоит закон, те же правоохранительные органы, поэтому они в суде чувствуют себя более комфортно. Адвокат Плевако любил говорить: «За прокурором стоит закон, а за адвокатом — человек со своей судьбой, со своими чаяниями, и этот человек взбирается на адвоката, ищет у него защиты, и очень страшно поскользнуться с такой ношей».

— Считаете ли вы уголовно-процессуальное право приоритетной отраслью?

— Наверное, гражданское право — более приоритетное. Ведь мы чаще всего живем в нормальных отношениях. С другой стороны, сфера уголовного судопроизводства более критичная. Зачастую человек оказывается в безвыходной ситуации, и на кону уже стоит здоровье, а то и жизнь конкретных людей.

— Расскажите об интересных случаях в своей адвокатской

на судьбу А. Е. Попова, в отношении которого суд вынес оправдательный приговор. Об этом деле очень много писали в СМИ, причем не только в нашем регионе, но и по всей стране. Даже сейчас в сети Интернет с легкостью можно найти достаточно полную информацию по этому громкому делу. Кстати, в связи с этими событиями был приглашен в Москву на передачу «Прямой эфир». Другим значимым для меня делом стало уголовное дело 2019 года Виктора Игнатенко, несправедливо обвиненного в убийстве. Мы с коллегами решили ходатайствовать о рассмотрении его дела с участием присяжных. В результате упорного противостояния со стороны обвинения мы добились оправдательного вердикта в отношении нашего подзащитного.

— За какие дела вы бы не стали браться?

— Какого-то приоритета в выборе дел или доверителей у меня нет. Главное, как я считаю, необходимо наладить определенный контакт с доверителем. Если этого контакта нет, то нет смысла и браться за дело. Бывают клиенты, которые любят «рулить» своими адвокатами. Вот с такими доверителями принципиально не работаю даже за солидные гонорары. Если к тебе обратились за помощью, то тебя должны слушать. Были случаи, когда с клиентом расставались, потому что не приходили к единому знаменателю, ему нужна была нездоровая активность, нездоровое противо-

практике. Какие оставили след, почему?

— Для меня своего рода рубежом стало уголовное дело 2013 года двух директоров челябинских школ — Александра Евгеньевича Попова, директора физико-математического лицея № 31, и Галины Валентиновны Щербаковой, директора гимназии № 93. Мне довелось защищать права и интересы Галины Валентиновны. Добился прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям еще на стадии предварительного расследования (за отсутствием состава преступления). Уверен, что это принципиально повлияло

Лекции М. Г. Янина по криминалистике собирают больше всего слушателей проекта ЧелГУ «Зеленый понедельник»

действие правоохранительным органам, а у меня было убеждение, что таким образом я только наврежу своему подзащитному.

— Почему, на ваш взгляд, несмотря на разговоры о переизбытке юристов на рынке труда, абитуриенты по-прежнему массово выбирают это направление?

— Челябинский госуниверситет традиционно считается вузом, который готовит хороших специалистов. Это заявление небезосновательно. У нас сильный педагогический коллектив и обширная сеть партнеров в различных ведомствах региона. К тому же о том, что юристов переизбыток, говорят последние лет пятнадцать, но на практике сталкиваешься с постоянной нехваткой этих специалистов. Причем в последнее время эта нехватка ощущается не только в гражданско-правовой сфере, но и в правоохранительных органах.

— А почему не все выпускники идут работать по профессии после окончания вуза?

— К сожалению, у молодого специалиста очень высокие потребности по заработной плате и очень низкая готовность, а порой и нежелание работать. Как только ребята сталкиваются с первыми трудностями, которые всегда есть, они сразу же

В Большом Куяше всегда найдется чем заняться

С настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы отцом Игорем Марковым и заслуженной артисткой России Ольгой Четовой

отказываются от работы, пугаясь ответственности. Я бы назвал это инфантильностью, которая присутствует во всех сферах жизни молодежи, к сожалению.

— Компетентны ли вы рассуждать о категориях международного права?

— Смотря с какой стороны на это посмотреть. Если связывать ваш вопрос с миграционным законодательством, когда проходит незаконная депортация иностранных граждан за пределы Российской Федерации, то с такими делами сталкиваюсь постоянно. До недавнего времени таких дел было примерно столько же, сколько уголовных. Еще до получения статуса адвоката я занимался миграционными делами. Тогда я был директором юридической фирмы — Южно-Уральской юридической компании «Каркасон». Возглавляя Общественно-консультативный совет при Управлении Федеральной миграционной службы России по Челябинской области, вплоть до ликвидации самой правоохранительной структуры в 2016 году.

— Интересно, что в открытых источниках почти нет информации о вашей биографии, вы предпринимаете для этого усилия, намеренно не афишируя свою жизнь? А что знают о вас студенты и коллеги?

— Я не отношу себя к категории закрытых людей, хотя личную жизнь

выносить напоказ не очень люблю. Со студентами у меня всегда складываются хорошие отношения. Более того, многие ребята, которые у меня учились, впоследствии стали моими друзьями. Возрастные рамки нас не сильно сдерживают. Более того, в Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая», которую я возглавляю, практически все адвокаты и помощники — это мои бывшие студенты. Юристы, считаю, народ довольно скучный. Они и в отпуске умудряются работать. Но это неправильно, на работе ты должен говорить о работе, а на отдыхе — на отвлеченные темы. Это элементарно позволяет расширять круг общения. Да и вообще у человека должно быть хобби.

— Много мероприятий проводите в Кунашакском районе, в селе Большой Куяш. Чем это село вас привлекает?

— Село Большой Куяш — моя малая родина. Мама родом из этого села, а отец родился в соседней деревушке Малый Куяш. С детства все лето я проводил в деревне. Отец в Большом Куяше успел построить дом, который мы считаем своей родовой усадьбой. Сейчас по мере возможности принимаю участие в общественной жизни села. Помогаю восстанавливать сельские храмы — Покрова Пресвятой Богородицы и Рождества Христова. Возглавляю попечительский совет Покровского храма.

Содержание

Абросимова Е. А. Студенты учат оставаться людьми	5
Алеврас Н. Н. Нам важно учиться понимать человека другой эпохи	11
Белая Е. А. Жизнь — как химический эксперимент, который может пойти по-разному	21
Бобыкина И. А. Суть моей методической системы — сознательное самосозидание личности	28
Будыкина В. Г. В любой системе образования есть свое рациональное зерно	35
Горшков А. В. Мыслить экономически — значит видеть перспективу	43
Двинин Д. Ю. Нужно ставить цели, мечтать, иначе вы ничего не добьетесь	50
Забелина Е. В. Чтобы жить в гармонии, нужно позитивно воспринимать настоящее, вспоминать успех прошлого и видеть возможности в будущем	56
Капкаев Ю. Ш. Бренд института — это люди	63
Колесник Е. А. Когда за тобой целая команда, ты не можешь ее подвести	70
Кораблев Ф. Г. Математические абстракции — это часть окружающего мира	77
Куприянова Е. В. Археология — это древняя криминалистика	83
Лаппа А. В. Ростки нового возникают по инициативе граждан и при поддержке государства	91
Лихачев С. Ф. Молодой исследователь — человек, который должен творить свою науку	100
Майер А. Е. Наша уникальность — в разнообразии традиций научных школ	106
Меркер В. В. Все мои сотрудники — практически родные люди	112
Назыров П. Ф. Потенциал истории — в способности понимать и уважать иную картину мира	120
Павленко В. Н. В ЧелГУ с самого начала был костяк людей, объединенных общей идеей созидания	128
Петриченко Ю. В. Если вы хотите быть впереди всех, вы должны бежать быстрее всех	136

Питина С. А. Мне помогает особенность моего предмета — стремление выстроить диалог	144
Ручай А. Н. Одно из самых главных правил успешной работы коллектива — уважение мнения каждого	151
Севастьянов В. Н. В работе с людьми нельзя торопиться	159
Соколовский В. В. Нельзя ограничивать себя в постановке задач	168
Тряпицына Г. А. Мы должны защитить природу и человека от радиации	175
Удлер И. М. Литература — и опора, и убежище, и спасение	182
Ухоботов В. И. Должны быть научные связи, иначе университет будет неизвестным	191
Янин М. Г. В каждом человеке есть что-то хорошее, задача адвоката — донести это до суда	199

Лица ЧелГУ

Том 2

Художественное оформление *Н. А. Тарасовой*
Редактор *О. Е. Шишмаренкова*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 02.12.22.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Гарнитура Formular. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 20,0.
Тираж 500 экз. Заказ 590.
Цена договорная.

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б